АКМУЛЛИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ISSN 3034-2678

ВестниК 16+

Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы

Серия: Социально-гуманитарные науки

3/2026

16 +

ВЕСТНИК

БАШКИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. М. АКМУЛЛЫ

Научно-практический журнал
Серия:
Социально-гуманитарные науки
№ 3/2026

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»

Адрес издателя и учредителя:
450077, РБ, г. Уфа,
ул. Октябрьской революции, 3-а.

Адрес редакции:
450077, РБ, г. Уфа,
ул. Октябрьской революции, 3-а,
корп. 3, каб. 02
Тел.: 8 (347) 246-92-42
E-mail: vestnik.bspu@yandex.ru

© Редакция Вестника БГПУ им. М. Акмуллы.
© Муратов И.М., обложка, 2024.
Издается с 2000 года.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Рег. №: ПИ №ФС77-87975
от 30 июля 2024 г.

Ответственный редактор:
Аманбаева З.С.
Ответственный секретарь:
Масалимова В.В.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Насибуллин Равиль Талибович	главный редактор, канд. филос. наук, д-р социол. наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории проблем социального развития общества ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы» (г. Уфа, Россия).
Сагитов Салават Талгатович	д-р социол. наук, ректор ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (г. Уфа, Россия).
Стегний Василий Николаевич	д-р социол. наук, профессор кафедры социологии и политологии ФГАОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», главный редактор журнала «Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки» (г. Пермь, Россия).
Набиев Ринат Ахматгалиевич	д-р ист. наук, профессор ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань, Россия).
Романовский Николай Валентинович	д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Москва, Россия).
Асатрян Анна Григорьевна	д-р искусствоведения, профессор, директор Института искусств Национальной академии наук Республики Армения (г. Еревань, Армения).
Рубанов Анатолий Владимирович	д-р социол. наук, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета, главный редактор журнала «Журнала Белорусского государственного университета. Философия. Психология» (г. Минск, Беларусь).

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна	д-р ист. наук, профессор кафедры общей социологии и социальной работы ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (г. Нижний Новгород, Россия).
Костина Наталья Борисовна	д-р социол. наук, профессор ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, Россия).
Осадчая Галина Ивановна	д-р ист. наук, профессор Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Москва, Россия).
Попков Юрий Владимирович	д-р филос. наук, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск, Россия).
Сайдашева Земфира Нурмухаметовна	д-р искусствоведения, профессор ФГБОУ ВО «Казанская государственная консерватория им. Н.Г. Жиганова» (г. Казань, Россия).
Газиев Идрис Мударисович	канд. искусствоведения, профессор ФГБОУ ВО «Уфимский государственный институт искусств им. Загира Исмагилова» (г. Уфа, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

Сагитов С.Т. 6
Агенты социализации в традиционном обществе (на примере повести Мустая Карима «Долгое-долгое детство»)

СОЦИАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА

Яхин Ф.Ф. 28
Традиционные ценности и психологическая школа права (Л. И. Петражицкий, М. Я. Лазерсон): обоснование условий реализации воспитательной роли права

ПЕДАГОГИКА

Разяпов И.Г. 63
Структура и компоненты технологического мышления будущего it-специалиста: авторская модель

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

Ахметова Р.А., Кунгурцева Г.Ф. 87
Цифровой след краеведческого музея: анализ присутствия в социальных сетях (на примере Нуримановского района)

Бастрикова К.В., Шурухина Г.А., Валишина А.М. 101
Трансформация теоретических моделей готовности молодежи к браку в современном обществе

Батыршин Ш.Ф., Тутаева Ю.Р. 114
Инструменты «мягкой силы» Китая и влияния на Россию

Булатова Г.Ф., Кунгурцева Г.Ф. 177
Краеведческий квест как форма изучения историко-краеведческого наследия и формирования социально-культурных навыков подрастающего поколения

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения 152

Рекомендуемая структура публикаций 153

Требования к текстовой части статьи 162

Образцы оформления ссылок на литературу 163

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.614
DOI: DOI: 10.21510/3034-2678-2026-3-6-27

АГЕНТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ МУСТАЯ КАРИМА «ДОЛГОЕ-ДОЛГОЕ ДЕТСТВО»)

Салават Талгатович Сагитов
Башкирский государственный педагогический университет им.М. Акмуллы, Уфа, Россия

Аннотация. Статья посвящена социологическому анализу агентов социализации в традиционном башкирском обществе первой трети XX века на материале автобиографической повести Мустая Карима «Долгое-долгое детство». Используя полипарадигмальный подход, объединяющий структурный функционализм позитивизм Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, феноменологическую социологию П. Бергера и Т. Лукмана, символический интеракционизм Дж. Г. Мида и концепцию габитуса П. Бурдье, рассматриваются механизмы интернализации культурных норм через взаимодействие с семьей, этнической общиной, соседями, группой сверстников и игровую деятельность. Особое внимание уделяется фигуре «значимого другого» и процессу формирования «обобщенного другого» в условиях патриархального аула. Повесть интерпретируется как социологический документ, фиксирующий синтез традиционных и модернизационных влияний, а концепт «долгого-долгого детства» осмысляется как метафора протяженной инкультурации, продолжающейся на протяжении всей жизни индивида.

***Ключевые слова*:** социализация, агенты социализации, традиционное общество, значимый другой, обобщенный другой, габитус, инкультурация, башкирская культура, Мустай Карим, детство

Для цитирования: Сагитов С.Т. Агенты социализации в традиционном обществе (на примере повести Мустая Карима «Долгое-

© Сагитов С.Т., 2026.

долгое детство») // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2026. № 3. С. 6-27.

SOCIOLOGY

Original article

AGENTS OF SOCIALIZATION IN TRADITIONAL SOCIETY (BASED ON THE NOVELLA BY MUSTAI KARIM "THE LONG-LONG CHILDHOOD")

Salavat T. Sagitov

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia

Abstract. The article is devoted to a sociological analysis of the agents of socialization in traditional Bashkir society in the first third of the 20th century, based on the autobiographical novella by Mustai Karim "The Long-Long Childhood". Using a polyparadigmatic approach that combines the structural functionalism and positivism of E. Durkheim and T. Parsons, the phenomenological sociology of P. Berger and T. Luckmann, the symbolic interactionism of G.H. Mead, and P. Bourdieu's concept of habitus, the mechanisms of internalization of cultural norms are examined through interaction with the family, ethnic community, neighbors, peer group, and play activities. Particular attention is paid to the figure of the "significant other" and the process of forming the "generalized other" in the conditions of a patriarchal aul. The novella is interpreted as a sociological document capturing the synthesis of traditional and modernization influences, and the concept of "long-long childhood" is understood as a metaphor for prolonged enculturation, continuing throughout an individual's entire life.

Keywords: socialization, agents of socialization, traditional society, significant other, generalized other, habitus, enculturation, Bashkir culture, Mustai Karim, childhood

For citing: Sagitov S.T. Agents of socialization in traditional society (based on the novella by Mustai Karim "The Long-Long Childhood") // Bulletin of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla. Series: Social and Humanitarian Sciences. 2026. No. 3. pp. 6-27.

Введение

Проблема социализации принадлежит к числу центральных для социологии: от классических работ Э. Дюркгейма, трактовавшего воспитание как «совокупность практик, способов их осуществления, обычаев (привычек), составляющих вполне определенные факты, которые имеют ту же реальность, что и другие социальные факты» [8, с.10], до современных интеракционистских и конструктивистских концепций. При этом эмпирическая социологическая база при изучении вопросов социализации традиционно ограничена данными опросов, наблюдений и биографических интервью. Художественная литература, и в особенности автобиографическая проза, очень редко используется в качестве самостоятельного источника социологического анализа, хотя жизнеописание, написанное «изнутри», фиксирует те латентные механизмы передачи норм и ценностей, которые слабо улавливаются внешним наблюдением.

Повесть Мустая Карима «Долгое-долгое детство», написанная в 1976 году, представляет собой не просто выдающееся художественное произведение, отмеченное Государственной премией СССР, но и уникальный социологический документ, запечатлевший процесс формирования личности в башкирском ауле первой половины XX века. Как отмечают исследователи-литературоведы, это произведение «представляет собой единое композиционно-структурное целое, несущее в себе органичность синтеза лиро-эпических, условно-реалистических, биографических, мифологических и т.д. сюжетов» [1, с. 188], в котором достигается многообразная связь прошлого и настоящего, пронизывающая все произведение [7, с. 278]. Однако за рамками литературоведческого анализа остается социологическое измерение повести. Главный герой автобиографической повести – мальчик по кличке «Пупок» (на башкирском языке «Кендек»), от лица которого ведётся повествование, – проходит последовательно через воздействие целой системы агентов социализации, совмещающих как традиционалистские, так и модернизационные для того исторического момента ориентации.

Действие повести разворачивается в башкирском ауле Кляшево (реальный аул в Чишминском районе Башкортостана, малая родина писателя), социальная структура которого в первой трети XX века представляет собой классический тип традиционного общества,

который в терминологии Ф. Тённиса определяется как общность, основанная на родстве, соседстве и духовном единстве [17]. Ключевые характеристики этого жизненного мира отражены в тексте произведения, и основные среди них – родственная солидарность, религиозно-этическая исламская традиция, устно-фольклорная система передачи норм и знаний с элементами светского образования, природное единение, представляющее собой пространство, где социализация неотделима от освоения окружающего мира. Как отмечал П. Бергер «Индивид социализируется, чтобы стать определенным человеком и жить в определенном обществом мире» [3, с.28]. В этом жизненном измерении действуют специфические агенты социализации, взаимоналожение которых порождает конкретный тип личности.

Теоретико-методологические основания

С учетом многогранности событий, присутствующих в повести Мустая Карима, создающих уникальную конфигурацию социализирующих влияний, методологической рамкой исследования выступает полипарадигмальный подход, объединяющий несколько исследовательских традиций.

Базовую сетку нашего анализа задает структурный функционализм Т. Парсонса, который понимая под социализацией процесс интернализации индивидом социальных ролей и ценностных образцов, обеспечивающий стабильность социальной системы в качестве агентами социализации выделял семью, школу, группы сверстников, религиозные и профессиональные институты [15]. Позитивистские воззрения Э. Дюркгейма позволяют рассматривать социализацию главного героя как процесс интернализации коллективных представлений и моральных норм, обеспечивающих социальную интеграцию. Исходя из феноменологических позиций П. Бергера и Т. Лукмана, первичная социализация в семье рассматривается как фундаментальный этап, а вторичная связывается с усвоением специализированных ролей и осуществляется иными институтами. В анализе мы будем использовать символический интеракционизм Дж. Г. Мида, который предложил концепцию «обобщённого другого» – своего рода интериоризированной позиции сообщества, через которую индивид оценивает собственное поведение. Концепция габитуса П. Бурдье позволяет осмыслить механизмы

социализации, объяснив почему в традиционной культуре социализация происходит не через вербальные наставления, а через совместное действие, ритуал и повседневные практики. Теория инкультурации М. Херсковица, которая фиксирует фокус на вхождение индивида в конкретную форму культуры через усвоение моделей поведения, проявляется в усвоении этнокультурной традиции, которая в данном конкретном случае является башкирской, с её исламским и доисламским субстратом.

Семья как фундамент идентичности

Первичная социализация, согласно Бергеру и Лукману, является самым важным этапом в жизни индивида, поскольку именно здесь закладывается «базовая структура» реальности, которая впоследствии лишь модифицируется, но не заменяется полностью [3, с. 87-92]. В повести Карима семья выступает как первый и основной агент социализации, транслирующий ребенку базовые ценности описываемого сообщества: трудолюбие, уважение к старшим, коллективизм, милосердие и чувство собственного достоинства. Автор с самого начала задает тон повествования: «Книга эта про людей, которые не изжили в себе веру в чудеса. Они чудаковатые, странные, неугомонные, наивные... Терпимее и милосерднее они друг к другу тоже немного больше нашего; обвинять, осуждать кого-то не спешат» [11, с.5]. Эти люди являются первым окружением ребенка, и именно через них он учится воспринимать мир.

Центральной фигурой в системе «обощенного другого» в терминологии Мида, выступает Старшая Мать, чьи установки становятся для ребенка исходной точкой отсчета, обеспечивая легитимацию, того «не только почему он должен совершать то или иное действие, но и то, почему вещи являются такими, каковы они есть» [3, с. 64]. Ее афористичные наставления пронизывают все повествование. Например, ее фраза «В щедрые руки добро само плывет» [11, с.9] является не просто моральным поучением, а своего рода когнитивной схемой, структурирующей восприятие социальной реальности. Через «значимого другого» ребенок интернализует не только конкретные правила поведения, но и целостный образ мира, в котором щедрость и доброта являются онтологическими свойствами бытия. Старшая Мать выступает как первичный носитель коллективной памяти и традиции, и именно через ее рассказы, притчи

и оценки происходящего ребенок учится различать добро и зло, должное и недолжное.

Напомним, что в повести описывается период первой четверти XX века в традиционной исламской общине, в которой по нормам шариата разрешалось иметь несколько жен. Старшая мать являлась первой женой отца главного героя. Сам же он родился от второй жены – Младшей Матери. Именно поэтому Старшая Мать является непосредственным членом семьи с одной стороны и «значимым другим» одновременно. В следующих строках повести Мустая Карима отражено отношение к Старшей Матери: «Над самой головой колышутся ветви дуба, а вокруг него, взявшись за руки, ведут хоровод малыши. И среди них – я, моя сестренка Салиса, братишка Ильяс. Сначала мы поем какую-то веселую песню, потом начинаем верещать, спорим, ссоримся, плачем и снова миримся. А сами все кружимся, кружимся, кружимся... И не только мы кружимся: земля вокруг дуба, небо. Солнце кружится, луна, проглядывающие звезды... Только дуб стоит, не шелохнется. Но дерево уже не дерево, а моя Старшая Мать. И не одни малыши, вся наша семья – отец, Младшая Мать, мои старшие братья, сестры кружатся вокруг нее. Даже пара наших серых коней, две пестрые коровы, телята, овцы, куры, гуси в этом хороводе. Вокруг нее вращаются все наши счастья-радости, беды-горести, заботы каждодневные и долгие мечты, мир и судьба наши кружатся. Старшая Мать – незыблемый ствол этой жизни, и потому стоит она спокойно и надежно, будто неведомы ей печаль и страдания, старение и смерть, только мягкая улыбка на лице...» [11, с.7].

Роль и значение Старшей Матери не только в жизни семьи, но и всей общины очень явственно прописаны автором в ритуале прощания с ней как акте трансляции культурного кода, где Старшая Мать, созвав всех тех, кого она приняла на белый свет, каждому даёт наставление и просит прожить достойную жизнь [11, с.197-208]. Приглашение на прощание всех детей аула, а не только кровных родственников, переводит семейное событие в плоскость общезначимого ритуала. При этом раздача всем детям на память подарков – это не просто раздача вещей, а символическая передача духовного наследия. В теории П. Бурдье, данный эпизод представляет собой пример того, как ритуал функционирует как форма репрезентации габитуса, как «акт социальной магии», в результате которого для агентов габитуса

происходит конституирование социальной реальности через символическое действие, а «магическая действенность заключается во всем универсуме в целом» [5, с.534].

Приглашая всех детей, Старшая Мать утверждает фундаментальный для традиционного общества принцип: ребенок принадлежит не только семье, он является достоянием всей общины, при этом социализация неполна без сопричастности к общим ритуалам скорби и памяти. А ее наказы, обращенные к каждому ребенку кого она, как повитуха приняла на белый свет, представляют собой не столько последнее наставление, сколько «совершенные в структурированных пространстве и времени действия», которые «незамедлительно оказываются символически квалифицированными и функционируют как структурные опыты, в которых формируется практическое овладение фундаментальными схемами» [4, с. 62]. В контексте социализации эпизод выполняет важнейшую функцию: ребенок учится воспринимать смерть не как катастрофу, а как естественное завершение достойно прожитой жизни. При этом, присутствуя при прощании Старшей Матери с общиной, герой усваивает эту культурную установку не через назидание, а через непосредственное эмоциональное и телесное переживание ритуала.

Отец – фигура, олицетворяющая инструментальную роль и связь семьи с внешним миром. Он занят хозяйством, торговыми и общественными делами, а его социализирующее воздействие опосредовано прежде всего авторитетом, а не ежедневной эмоциональной близостью и предстаёт как транслятор мужской ролевой модели с такими характеристиками, как сдержанность, достоинство и верность данному слову, что является ключевой ценностью башкирской этики. Его способ социализации – не прямые наставления, а краткие, весомые реплики-приговоры и модель поведения. Например, после детской, но жестокой драки с Хамитьяном, когда главный герой был по сути еле живой, его отец зашел всего один раз, «…долго и пристально смотрел на меня, потом вздохнул: – Ладно, крепче будешь… Тем и утешил» [11, с.28]. Эта сцена – ключевой момент гендерной социализации. Отец не выражает жалости, не бросается наказывать обидчика, не ведёт сына жаловаться. Его реакция транслирует мужскую норму: физическое страдание является тем испытанием, которое закаляет. А фраза «крепче будешь»

– своего рода формула, в которой закодировано представление о маскулинности как о результате преодоления боли. Отец также является моделью социального позиционирования. Его отказ ходить в дома, где он оказался бы на непрестижном месте, демонстрирует мальчику логику социальной стратификации и сословной гордости. Герой усваивает, что социальное пространство структурировано иерархически и что достоинство требует соблюдения дистанции. Отец социализирует сына и через модель отношения к труду и праздности. Его одобрение решения старшего сына Муртазы работать в религиозный праздник Курбан-байрам («Мои годы длинней, да твои, видать, умней») [11, с.30] показывает гибкость патриархальной нормы, способность принимать мнение младшего.

Младшая Мать, которая является кровной матерью Кендека, представляет собой второй полюс материнской социализации. Если Старшая Мать являет собой уверенность, силу и незыблемость, то Младшая Мать – это эмоциональная глубина, тревога и уязвимость. Их диалог, подслушанный мальчиком, становится для него первым опытом столкновения со сложностью взрослых отношений: «Вроде бы каждое по отдельности слово моих матерей я понимаю. Но соединятся они – и сразу смысл их из головы как дым разлетается, в воздухе тает. Но в душе остается печаль и смутная тревога» [11, с.11]. Вообще двойное материнство создаёт уникальную социализационную ситуацию. Герой вынужден делить свою любовь между двумя матерями, что формирует ранний опыт эмоциональной амбивалентности: «Две матери любили меня, и сам я старался свою любовь поделить меж ними равно. Сам себя надвое делил. Придет время не только радость этой любви, я узнаю и ее страдания» [11, с.11]. Эта ситуация, по сути, является ранней тренировкой способности адаптироваться к разным эмоциональным контекстам, которая в дальнейшем окажется критически важной для социализации героя в более широких социальных кругах. Сцена, где Младшая Мать, наклонившись к избитому мальчику, роняет слёзы ему на лицо и «…эта теплая влага словно оживила меня, взбодрила дух…» [11, с.28], демонстрирует механизм эмоционального заражения, через который ребёнок усваивает эмпатию и способность к сопереживанию. Младшая Мать выступает здесь агентом эмоциональной социализации, формируя аффективный репертуар героя.

Заметим, что семья в повести Мустая Карима не нуклеарная современного типа, а расширенная патриархальная община, где авторитет распределен между несколькими фигурами. Отец, Старшая мать, Младшая мать, братья, другие близкие кровные родственники – каждый из них транслирует свои ценностные акценты [15, с. 245].

Этническая община и «обобщенный другой»

Этническая община, т.е. аул в целом, представляет собой пространство, где формируется «обобщенный другой» – «организованное общество (социальную группу), которое обеспечивает индивиду единство его самости» [14, с. 122]. В этом пространстве ребенок учится воспринимать себя не только глазами конкретных значимых других, но и с позиции всего сообщества, его коллективных ожиданий и оценок.

Община в повести – это не просто среда, а активный субъект воспитания: герой социализируется «всем аулом», что отражает специфику традиционного общества, в котором «общество имеет в качестве своего субстрата совокупность ассоциированных индивидов» [9, с.233]. Именно община гарантирует действенность всех прочих агентов. Кендек постоянно сверяет своё поведение с ожиданиями общины, с тем, «что скажут люди», как оценят поступок старики и соседи. И здесь в качестве механизмов общинной социализации мы можем выделить в первую очередь общественное мнение и стыд, которые в традиционном обществе как механизм социального контроля оказывались эффективнее формальных наказаний. Кроме того, большая роль принадлежала ритуалам, праздникам, фольклору, выполнявшим функцию эмоционального сплочения и воспроизводства общих ценностей с дальнейшей безличной трансляцией нормативного кода через все поколения – первый этап инкультурации в теории Херсковица.

В повести Карима аул предстает как целостный социальный организм, где каждый поступок индивида немедленно получает общественную оценку, а нормативные ожидания четко артикулированы через общественное мнение. Дюркгеймовское «коллективное сознание» здесь проявляется в полной мере, пронизывая все сферы жизни, от хозяйственной деятельности до межличностных отношений. Особенно показателен в этом отношении эпизод жатвы, где состязаются Ак-Йондоз и Марагим. Автором

представлено не просто описание трудового процесса, а ритуал, в котором разворачивается драма коллективного признания. «Люди, до этого затаив дыхание следившие за состязанием, начали, всяк по-своему, кто радоваться, кто огорчаться. Одни Ак-Йондоз подбадривали: "Хай, вот сноха так сноха! Не сноха – клад!", "Привалило этому Хамзе-молчальнику..."» [11, с.154]. Через эти возгласы ребенок усваивает, что такое трудовая доблесть, что такое честь и что такое общественное признание. Он видит, как индивидуальное мастерство становится предметом коллективной гордости, и через это переживание интернализует ценность труда как фундаментальную основу социального статуса.

Другой эпизод, в котором друга Кендека Асхата избивает отец, демонстрирует, как через телесное наказание и последующее раскаяние ребенок усваивает границы дозволенного и недозволенного, а также сложную диалектику вины и прощения, характерную для традиционной морали. Важно, что наказание вписано в систему коллективных ожиданий и всегда сопровождается ритуалами примирения, что соответствует дюркгеймовскому пониманию морали как системы коллективных представлений, поддерживаемых санкциями. Через повседневные практики, такие как совместная работа, общие трапезы, ритуалы гостеприимства и т.п., (интернализация ценностей по Парсонсу), обеспечивающей мотивационную приверженность индивида социальной системе.

В традиционной башкирской культуре особое место в системе социализации занимает институт соседства. Есть даже такая башкирская поговорка «Күрше хаҡы – Тәңре хаҡы», дословный перевод которой означает, что соседей необходимо почитать как верховного бога неба Тенгри, т.е. добрососедские отношения очень высоко ценятся в башкирской общине. Соседство представляет собой форму социальной организации, которая встраивается между семьей и общиной, создавая дополнительные каналы трансляции культурных норм. Одним из таких соседей Кендека является Исабек. Он не является родственником главного героя, и именно этот факт превращает их отношения в модель социализации, основанную на добровольном выборе референтной фигуры, а не на кровнородственной обязанности – это один из «подмиров», в трактовке Бергера и Лукмана [3, с. 93]. С социологической точки зрения, это

пример внефамильной социализации, где агент влияния не обладает формальной властью родителя, но приобретает власть моральную, основанную на личном авторитете и доверии. Исабек гораздо старше мальчика и включает его в свою трудовую деятельность – как в кузнице помощником, так и позднее подпаском. Через это включение в труд ребенок усваивает не только практические навыки, но и систему ценностей: ответственность, дисциплину, чувство сопричастности к общему делу. Ибо труд в традиционном обществе выступает не просто экономической необходимостью, а фундаментальной онтологической практикой, конституирующей человеческое в человеке. Включение в совместный труд представляет собой механизм интернализации культурных образцов (по Парсонсу), где ребенок через практическую деятельность усваивает ценностные ориентации, характерные для его социальной группы. Однако принципиально важно, что этот процесс происходит не через вербальное наставничество, а через совместное действие, где наставник выступает как модель для подражания, что соответствует концепции «скрытого педагогического воздействия» [6, 2007]. Однако ключевым социализирующим моментом в отношениях с Исабеком становятся ночные разговоры у костра, где тот раскрывает свою судьбу: историю побега с Кавказа, предательства своего рода и обретения нового дома в башкирском ауле. Как пишет Карим: «Беглец я! Роду, обычаю изменивший отступник я. И я же милосердия и благого разума слуга. Вот так душа надвое разделилась» [11, с.122]. Через эту исповедь Кендек усваивает сложность человеческой судьбы, двойственность морального выбора и возможность обретения новой идентичности вне рамок рода. С точки зрения теории символического интеракционизма, рассказ Исабека представляет собой акт принятия установки другого: герой учится видеть мир глазами человека, чья судьба принципиально отличается от судьбы окружающих. Это формирует у ребенка способность к рефлексии, которая, по Миду, «возникает только в условиях самосознания и делает возможным намеренный контроль и организацию индивидуум его поведения со ссылкой на социальное и физическое окружение» [14, с. 229-230]. Кроме того, факт доверия, которое Исабек оказывает мальчику, сообщая ему свою тайну, формирует у героя чувство собственного достоинства и ответственности. Он становится не просто наблюдателем, но участником чужой судьбы, что является важным

этапом в становлении социальной субъектности. Гибель Исабека, спасающего жеребенка в ледоходе, и символические похороны (в могилу опускают седло, кинжал и шапку) становятся финальным актом его социализирующего влияния. Кендек видит, что достоинство и самопожертвование являются высшими ценностями, вне зависимости от происхождения человека. Фраза из письма с фронта, где автор посылает Исабеку «именной привет» среди безымянных приветов соседям, ясно указывает на уникальность этой фигуры: он был не просто соседом, он был наставником, влияние которого вышло далеко за пределы одного двора. Конечно, Исабек, по теории Парсонса, выступает как агент вторичной социализации, но его функция выходит за рамки обычной трансляции норм: он передает не только культурные образцы, но и опыт преодоления культурного разрыва между «своим» и «чужим» [15, с. 250]. Эта двойственность составляет особую ценность опыта, передаваемого герою и возможность отнесения к агентам первичной социализации.

Сверстники как агенты социализации

Безусловно, одним из важнейших агентов социализации являются друзья, группа сверстников. Хотя многие ученые относят их к вторичной группе агентов (Кули, Парсонс и др.), но в реальной жизни друзья-сверстники часто становятся референтной группой (по Р. Мертону), то есть группой, на чьи нормы ориентируется индивид в первую очередь и где он сталкивается с необходимостью выстраивать горизонтальные отношения, свободные от иерархической субординации, характерной для семьи. В повести этот этап социализации представлен через несколько эпизодов. Первый такой момент – поход в Уфу мальчишек «за калачами», который представляет собой пространственный аспект социализации, связанный с освоением городского пространства как иной социальной реальности. Для сельского мальчика город представляет собой мир с другими правилами, другими нормами и другими людьми. Этот опыт расширяет горизонты сознания героя, знакомит его с множественностью социальных миров. С точки зрения социологии, это пример «вторичной социализации» (по П. Бергеру и Т. Лукману) – освоения институциональных «субмиров», которые требуют от индивида усвоения специфических ролевых репертуаров. Городское пространство выступает как институциональная среда, где действуют

иные, чем в ауле, правила социального взаимодействия, где «люди вместе создают человеческую окружающую среду во всей совокупности ее социо-культурных и психологических образований» [3, с. 36]. Для героя, чья предшествующая социализация проходила в преимущественно гомогенной сельской среде, столкновение с городом становится первым опытом культурной гетерогенности, что является важнейшим этапом в формировании способности ориентироваться в множественных социальных контекстах.

Но кроме познания иного социально-территориального пространства этот эпизод, описанный в повести, подчеркивает и особый статус гостя в башкирской общине. В башкирской культуре гостеприимство представляет собой не просто бытовую практику, а высокоразвитый социальный институт, занимающий одно из значимых мест в иерархии ценностей. Как отмечают исследователи, обычаи взаимопомощи и предоставления путнику крова и пищи были жизненно необходимыми в контексте кочевого, а далее полукочевого образа жизни, и именно суровые условия существования, сопряженные с немалыми трудностями и лишениями, обусловили появление гостеприимства как «своеобразной формы социального сотрудничества и взаимопомощи людей» [16, с. 188]. Человек в степи мог оказаться у порога чужого дома не по своей воле, и в таких случаях невозможно было обойтись без взаимного гостеприимства. Исходя из этого, гость в башкирской традиции воспринимается как носитель благодати и праздника. Особое почтение оказывалось незваным гостям, поскольку в них могли увидеть самого Всевышнего или его посланника.

Применительно к эпизоду похода мальчиков в Уфу, ключевым моментом становится то, что старшие горожане признают мальчиков гостями. Это признание автоматически запускает систему поведенческих норм, предписанных гостевой этикой. Гость, согласно башкирской традиции, не должен подвергаться расспросам, он должен быть принят с уважением и угощением. Мальчики в этом эпизоде впервые оказываются в позиции, где их статус в рамках социальной иерархии переопределяется: они не «дети» в смысле подчиненных и несовершеннолетних, а «гости» – носители почетного статуса, к которому прилагаются особые правила обращения. С точки зрения социализации, это переопределение статуса имеет принципиальное

значение. Ребенок в традиционном обществе обычно находится в позиции младшего, подчиненного. Признание его гостем означает временное выравнивание социальной дистанции между ним и взрослым. Взрослый говорит с мальчиком не сверху вниз, не поучая и не наставляя, а как с равным – в рамках той ролевой позиции, которую диктует гостевой этикет: «Хай, хай, хай, сваты! Пожалуйте в дом» … Славно! Что нас вспомнили, вниманием удостоили – это очень хорошо, очень похвально, сваты» [11, с.73]. Несмотря на скудное угощение (размоченный горох), хозяин подает его как почетное «сватово угощение», а после трапезы ведет беседу на равных: «На город посмотреть пришли, сваты?», и далее: «Вы, сваты, правильно поступили, что в город пришли. Отрадно, что растете вы, путешествуя, мир постигая. Так и надо» [11, с.74]. Один из главных моментов – что взрослый не поучает мальчиков, а беседует с ними как с равными, признавая их высокий статус гостей («сватов»). Вступая в коммуникацию со взрослым в статусе гостя, мальчик, как и его сверстники, осваивают новый ролевой репертуар: они учатся держаться с достоинством, благодарить, соблюдать этикетные нормы, что в итоге встраивается в его габитус как «инкорпорированная история» [4, с. 47].

Также, касаемо сверстников как агентов первичной социализации, показателен эпизод драки героя со сверстником Хамитьяном, которое выполняет в нарративе несколько социализирующих функций. Во-первых, оно маркирует вступление героя в мир конкурентных отношений, где статус и авторитет не даются автоматически по праву родства, а завоёвываются и подтверждаются в открытом соперничестве. Это переход от предписанного к достигаемому статусу [15, с. 255]. Во-вторых, драка, как и последующее урегулирование конфликта, подчинена неписаным правилам мужской этики: противник, даже враждуя, не преступает границ чести, а вражда со временем способна перерасти в уважение и товарищество. Тем самым герой усваивает норму, согласно которой конфликт является не разрывом социальной ткани, а регулируемым обычаем способом утверждения достоинства и выстраивания иерархии. Принципиально, что дальнейшие отношения героя с Хамитьяном эволюционируют от вражды к товариществу. Динамика «драка → примирение → дружба» воспроизводит архаический

обрядовый сценарий инициации и нормативного обмена, в ходе которого соперники взаимно признают друг друга. Социологически это означает, что община санкционирует конфликт как допустимый, но требующий разрешения механизм социализации: вражда, не выходящая за рамки обычая, в конечном счёте «не имеет другой цели, кроме как обеспечить регулярное сотрудничество вступающих таким образом в отношения функций». [10, с.127]. Через этот эпизод герой интернализует одну из центральных норм традиционного мужского кодекса, заключающегося в умении «держать» конфликт достойно и завершать его миром.

Детские игры как механизм социализации

Особое место в социализации подрастающего поколения принадлежит игровому ее аспекту, ибо детские игры представляют собой значимый в социализирующем плане механизм. Игра в традиционном обществе не просто выполняла функцию досуга, а была важнейшим механизмом в в развитии ребенка, что соответствует концепции Дж. Г. Мида, который выделял стадию организованной игры как ключевой этап в формировании «генерализованного другого» – способности воспринимать установки всего сообщества [14, с. 227-237].

В повести «Долгое-долгое детство» игровая деятельность мальчиков аула занимает значительное место, и наиболее показательным в социализирующем плане является эпизод игры в «Германскую войну». Как свидетельствует текст, игра эта была «самой большой, самой настоящей игрой»: «До обеда мы кто где: по дому посильную работу делаем, мелкими играми забавляемся. А к вечеру собираемся все вместе и делимся на два войска. Играем в самую большую, самую настоящую игру, которая называется "Германской войной"» [11, с.57]. Данная игра представляет собой классический пример ролевого моделирования взрослых социальных отношений в контексте сюжетно-ролевой игры. В игре «Германская война» мальчики воспроизводят не бытовые, а военно-политические отношения: Первая мировая война, конфликт между Россией и Германией, что отражает исторический контекст описываемого периода.

Принципиально важно, что в этой игре действуют формальные правила и распределение ролей: «делимся на два войска». Каждый

участник занимает определенную позицию, которая требует от него специфического поведения. Это соответствует стадии организованной игры в терминологии Дж. Г. Мида, где ребенок учится воспринимать установки всего сообщества, а не только отдельных партнеров по игре. В отличие от спонтанной имитации, организованная игра требует согласования действий, подчинения общим правилам и принятия коллективной ответственности.

Показательно, что игровое насилие в «Германской войне» носит реалистичный, почти буквальный характер: «Однако и там и здесь бьюсь яростно, беспощадно, редко когда бывает, чтобы кровь из носа не пошла или там без синяка обошлось или подбитого глаза. О пуговицах и речи нет, все с воротника счистил» [11, с.57]. С точки зрения социализации, этот аспект игры выполняет несколько функций. Во-первых, через телесное, физическое переживание конфликта ребенок интериоризирует представление о войне как о жестокой реальности, а не абстрактном понятии, которое отводится мужчине [4, с. 64]. Во-вторых, игра выступает как определенный механизм катарсиса, своего рода безопасного проживания агрессивных импульсов в контролируемой среде. В-третьих, через игровое насилие усваиваются границы допустимого: даже в самой «яростной» схватке действуют правила, которые нельзя нарушать.

Повесть фиксирует наличие у мальчишек своей иерархии, которую все соблюдали. Наиболее ярким проявлением этой иерархии является фигура Шагидуллы, которого автор характеризует как человека, обладающего редким даром: «Какой только игры не выдумает, каких загадок не загадает!» [11, с.22]. Этот персонаж воплощает институт лидерства в детской группе, который имеет четкие основания: признание сверстниками его авторитета основано на практической полезности (умение придумывать игры) и интеллектуальном превосходстве (знание загадок). В повести эта иерархия проявляется в том, как мальчики ждут сигнала вожака: «Наверное, в это праздничное утро вожак решил бросить боевой клич. Иначе он меня Рукавказом не окликнул бы» [11, с.22]. Статус вожака настолько высок, что его слово определяет начало игры, и все подчиняются этому без дополнительных обсуждений. Это усвоение вертикальных социальных связей является важнейшим этапом социализации, подготавливающим ребенка к функционированию в

любом социальном институте, где существует иерархия. Еще один персонаж, которого хотелось бы выделить, – это мальчик Насип по прозвищу Удачливая Рука. Этот второстепенный персонаж интересен тем, что его социальный статус в группе определяется не силой или интеллектом, а специфической функцией – умением приносить удачу. Его ценят не за личные достижения, а за способность обеспечивать успех общего дела. Этот персонаж иллюстрирует, что детская иерархия более гибка и многомерна, чем взрослая: здесь могут быть признаны разные типы социальной полезности. В контексте концепции габитуса П. Бурдье, игровая деятельность мальчиков в повести представляет собой механизм инкорпорации культурных норм – их перевода из внешних правил во внутренние диспозиции. Через многократное повторение игровых ситуаций, через телесный опыт участия в схватках, через усвоение иерархических отношений ребенок не просто узнает правила, а впитывает воедино телесное, космическое и социальное пространства [4, с.64].

«Долгое-долгое детство» как социологическая метафора

Уже название повести содержит глубокую социологическую метафору. Если в модернизированном обществе детство – это относительно короткий, институционально оформленный этап (ясли, сад, школа), после которого индивид вступает во взрослую жизнь, то в традиционном обществе социализация не имеет резких институциональных границ: она «долгая», потому что ребёнок долго находится в эмоционально насыщенном поле семьи и старшего поколения, впитывая традицию через повседневное соприсутствие. При этом множественные агенты (семья, религия, община, школа, государство) действуют не последовательно, а накладываясь друг на друга, и синтез их влияний требует длительного времени, а освоение культурного кода продолжается в течение всей жизни через ритуалы и быт. Вообще, сам автор подчеркивал, «что поэт долго-долго не выходит из детства, остается ребенком» [12]. Это означает, что полная социализация – это не просто усвоение норм, а прохождение дюркгеймовского обряда инициации.

Предпоследнюю главу повести Мустай Карим озаглавил как «Нас "увековечивают"» [11, с.229-233]. Эта часть концептуально завершает процесс социализации, выводя его на метафизический уровень. «Увековечивание» здесь является не столько актом создания

материального памятника посредством фотографии, сколько фиксацией личности в памяти народа через ее вклад в общую жизнь, через детей и через преемственность традиций. По сути, данная глава аккумулирует все предыдущие этапы жизни Кендека. «Увековечивание» происходит через память, через продолжение жизни в детях и делах. В терминах теории габитуса, в этой главе раскрывается его суть как «деятельного присутствия всего прошлого, продуктом которого он является» [4, с. 135]. Именно это «прошлое, ставшее настоящим» и есть суть «увековечивания»: человек продолжает жить в практиках, установках и ценностях тех, кто пришел после него. Данный этап представляет собой интеграцию всех ранее усвоенных ролей и норм в целостную идентичность, где личность обретает субъектность не как изолированный атом, а как носитель коллективного опыта.

В целом повесть «Долгое-долгое детство» не только фиксирует конкретные механизмы социализации в традиционном башкирском обществе, но и предлагает универсальную модель становления личности через включение в коллективные практики, труд, игру, ритуал и память – модель, которая сохраняет свою значимость для понимания процессов социализации в любом традиционном социуме [18, с. 90]. Фольклорные мотивы и народные предания, органично вплетенные в ткань повествования, служат важнейшим каналом трансляции коллективных представлений. Сказки, легенды, пословицы – все это формы, в которых «обобщенный другой» обращается к ребенку, передавая ему не только знания, но и систему оценок, эмоциональных реакций, способов осмысления мира.

Детство в повести Мустая Карима не является биологическим или психологическим периодом. Это растянутый во времени процесс инкультурации и интернализации базовых ценностей, который не завершается с наступлением формальной зрелости. С социологической точки зрения, «долгое-долгое детство» означает, что социализация не сводится к раннему усвоению ролей и норм, но продолжается на протяжении всей жизни, особенно в периоды социальных трансформаций. Герой Карима не просто усваивает готовые схемы, а постоянно пересобирает свою идентичность заново, сталкиваясь с новыми агентами и новыми контекстами. Именно эта незавершенность, эта принципиальная открытость делает его

личностью синтетической, способной удерживать множественность ценностных систем без потери внутреннего единства. Как пишет сам автор в предисловии: «Рассказчик – я сам... и не только я сам» [11, с.5]. Такая амбивалентность субъекта повествования отражает неоднозначность самой идентичности, которая всегда есть диалог разных голосов.

Заключение

Таким образом, повесть Мустая Карима «Долгое-долгое детство» выступает как уникальный социологический документ, зафиксировавший процесс формирования синтетической идентичности в условиях столкновения традиционных и модернизационных агентов социализации. Семья и этническая община транслируют ценности патриархальной культуры, советская школа и колхоз – ценности модернизации и коллективизации, фронтовое братство – ценности солидарности и самопожертвования. Все эти агенты действуют одновременно, и их взаимоналожение порождает не эклектичную смесь, а новое качество: личность, способную удерживать множественность смысловых горизонтов. Механизмами этого процесса выступают «значимые другие» и «обобщенный другой», через которых происходит интернализация как традиционных, так и модернизационных ценностей. Феномен «долгого-долгого детства» означает, что этот процесс социализации и инкультурации не завершается с наступлением формальной зрелости, а продолжается на протяжении всей жизни, делая личность принципиально открытой к диалогу и синтезу. Именно в этом, возможно, и заключается главный урок повести для социологии: личность формируется не в рамках одного института или одной ценностной системы, а в пространстве их пересечения, и именно это пересечение является источником подлинной человеческой сложности и богатства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баимов Р.Н. Повесть Мустая Карима «Долгое-долгое детство» // Творчество Мустая Карима: Сборник статей. Уфа: Башкнигоиздат, 1980. С. 180–210.

2. Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии / пер. с англ. Р. Сафронова.– М.: Новое литературное обозрение, 2019.– 208 с.

3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.

4. Бурдье П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

5. Бурдье П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992), М.: ИД «Дело», 2016. 718 с.

6. Бурдье П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования / Пер. с фр. Н. А. Шматко. – М.: Просвещение, 2007. – 272 с.

7. Вахитов А.Х. Жанровое своеобразие повести Мустая Карима «Долгое-долгое детство» // Проблемы жанра в современной башкирской литературе. Уфа: БФ АН СССР, 1979. С. 270–290.

8. Дюркгейм Э. Социология образования. М.: ИНТОР, 1996. 77 с.

9. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.

10. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод соц иологии / Пер. с фр. и послесловие Л.Б. Гофмана. М.: Наука, 1990. 575 с.

11. Карим М. Деревенские адвокаты: Повести. / пер. с башкирского И.Каримова. М: Современник, 1989. С.3-246.

12. Каримова С. Младшая мать. https://hrono.ru/text/2006/karim10_06.html?ysclid=mubak2p0g7583931151

13. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс, 1994. 420 с.

14. Мид Дж. Г. Дух, самость и общество // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: МГУ, 1994. С. 220–286.

15. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2002. 880 с.

16. Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.-Л.: АН СССР, 1955. 392 с.

17. Тённис Ф. Общность и общество / Пер. с нем. А.Н. Малинкина // Социологический журнал. 1998. № 3-4. С. С. 206-229].

18. Херсковиц М. Культурная антропология. М.: РОССПЭН, 2001. 520 с.

REFERENCES

1. Baimov R.N. Povest' Mustaya Karima «Dolgoe-dolgoe detstvo» [The novella by Mustai Karim "The Long-Long Childhood"] //

Tvorchestvo Mustaya Karima: Sbornik statei. Ufa: Bashknigoizdat, 1980. Pp. 180–210. (In Russian).

2. Berger P. Svyashchennaya zavesa. Elementy sotsiologicheskoi teorii religii [The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion] / transl. from English by R. Safronov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 208 p. (In Russian).

3. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti [The Social Construction of Reality]. Moscow: Medium, 1995. 323 p. (In Russian).

4. Bourdieu P. Prakticheskii smysl [The Logic of Practice]. St. Petersburg: Aleteiya, 2001. 562 p. (In Russian).

5. Bourdieu P. O gosudarstve: kurs lektsii v Kollezh de Frants (1989-1992) [On the State: Lectures at the Collège de France (1989-1992)]. Moscow: ID «Delo», 2016. 718 p. (In Russian).

6. Bourdieu P., Passeron J.-C. Vosproizvodstvo: elementy teorii sistemy obrazovaniya [Reproduction in Education, Society and Culture] / transl. from French by N.A. Shmatko. Moscow: Prosveshchenie, 2007. 272 p. (In Russian).

7. Vakhitov A.Kh. Zhanrovoe svoeobrazie povesti Mustaya Karima «Dolgoe-dolgoe detstvo» [Genre originality of Mustai Karim's novella "The Long-Long Childhood"] // Problemy zhanra v sovremennoi bashkirskoi literature. Ufa: BF AN SSSR, 1979. Pp. 270–290. (In Russian).

8. Durkheim E. Sotsiologiya obrazovaniya [Sociology of Education]. Moscow: INTOR, 1996. 77 p. (In Russian).

9. Durkheim E. Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie [Sociology: Its Subject, Method, and Purpose]. Moscow: Kanon, 1995. 352 p. (In Russian).

10. Durkheim E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii [The Division of Labour in Society. The Rules of Sociological Method] / transl. from French and afterword by L.B. Gofman. Moscow: Nauka, 1990. 575 p. (In Russian).

11. Karim M. Derevenskie advokaty: Povesti [The Village Advocates: Novellas] / transl. from Bashkir by I. Karimov. Moscow: Sovremennik, 1989. Pp. 3–246. (In Russian).

12. Karimova S. Mlacshaya mat' [The Younger Mother]. Available at:

https://hrono.ru/text/2006/karim10_06.html?ysclid=mubak2p0g7583931151 (In Russian).

13. Cooley C.H. Chelovecheskaya priroda i sotsial'nyi poryadok [Human Nature and the Social Order]. Moscow: Ideya-Press, 1994. 420 p. (In Russian).

14. Mead G.H. Dukh, samost' i obshchestvo [Mind, Self and Society] // Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': Teksty. Moscow: MGU, 1994. Pp. 220–286. (In Russian).

15. Parsons T. O strukture sotsial'nogo deistviya [The Structure of Social Action]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2002. 880 p. (In Russian).

16. Rudenko S.I. Bashkiry: Istoriko-etnograficheskie ocherki [The Bashkirs: Historical and Ethnographic Essays]. Moscow-Leningrad: AN SSSR, 1955. 392 p. (In Russian).

17. Tönnies F. Obshchnost' i obshchestvo [Community and Society] / transl. from German by A.N. Malinkina // Sotsiologicheskii zhurnal. 1998. No. 3-4. Pp. 206–229. (In Russian).

18. Herskovits M. Kul'turnaya antropologiya [Cultural Anthropology]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 520 p. (In Russian).

Информация об авторах

С.Т. Сагитов – доктор социологических наук, ректор.

Information about the authors

S.T. Sagitov – Doctor of Sociological Sciences, rector.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 13.08.26; принята к публикации 09.09.2026.

The article was submitted 13.08.26; accepted forpublication 09.09.2026.

СОЦИАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 340.12:37.013
DOI 10.21510/3034-2678-2026-3-28-62

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА ПРАВА (Л. И. ПЕТРАЖИЦКИЙ, М. Я. ЛАЗЕРСОН): ОБОСНОВАНИЕ УСЛОВИЙ РЕАЛИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РОЛИ ПРАВА

Филюс Флюрович Яхин
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия
yahin_filyus@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1525-8867

Аннотация. Статья посвящена условиям реализации воспитательной роли права применительно к традиционным российским духовно-нравственным ценностям, закреплённым в нормативных правовых актах. Цель - выявить, при каких условиях эти ценности становятся частью правосознания и действенным регулятором поведения. Исследование опирается на базовые концепции психологической школы права (Л.И. Петражицкий, М.Я. Лазерсон). Показано, что нравственные (императивные) и правовые (императивно-атрибутивные) переживания различаются по структуре, но связаны генетически и функционально. Традиционные ценности и «социально-приспособленное интуитивное право» М.Я. Лазерсона предложено рассматривать как связанные, но не тождественные концепты: первые могут существовать в нравственной форме, второе по определению императивно-атрибутивно. Раскрыта диалектика двух процессов: эволюционного (социальный отбор, формирующий социально-приспособленное интуитивное право) и педагогического (социальная педагогика права, направляющая это формирование). Обосновано, что нормативное закрепление ценностей необходимо, но недостаточно: атрибутивность - свойство психики адресата, а не текста

© Яхин Ф. Ф., 2026.

нормы. На основе анализа дефектов законотворчества и правоприменения сформулированы три системных условия действенности правового закрепления традиционных ценностей: аксиологический резонанс (соответствие закрепляемого содержания интуитивно-правовым ожиданиям адресатов), технико-юридическое совершенство законов (минимизация «когнитивного шума») и институциональная последовательность правоприменения (валидация нормативных схем реальной практикой). Выдвинута гипотеза о связи концепции социальной педагогики права М.Я. Лазерсона с теорией схемообразующей функции права (К. Хофф, Дж. Уолш).

Ключевые слова: традиционные ценности, психологическая школа права, Л.И. Петражицкий, М.Я. Лазерсон, социальная педагогика, императивно-атрибутивные эмоции, интуитивное право, правовая политика, правосознание, правовой нигилизм, схемообразующая функция права

Для цитирования: Яхин Ф.Ф. Традиционные ценности и психологическая школа права (Л. И. Петражицкий, М. Я. Лазерсон): обоснование условий реализации воспитательной роли права // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им.М.Акмуллы. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2026. №3. С. 28-62.

SOCIAL PEDAGOGY

Original article

TRADITIONAL VALUES AND THE PSYCHOLOGICAL S CHOOL OF LAW (L.I. PETRAZHITSKY, M.YA. LAZERSON): SUBSTANTIATING CONDITIONS FOR IMPLEMENTING THE EDUCATIONAL ROLE OF LAW

Filius Iakhin
Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Akmulla, Ufa, Russia
yahin_filyus@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1525-8867

Abstract. The article examines the conditions for implementing the educational role of law in relation to traditional Russian spiritual and moral values enshrined in normative legal acts. Its aim is to identify the conditions under which these values become part of legal consciousness and an effective regulator of behaviour. The study draws on the basic concepts of

the psychological school of law (L.I. Petrazhitsky, M.Ya. Lazerson). It is shown that moral (imperative) and legal (imperative-attributive) experiences differ in structure but are linked genetically and functionally. Traditional values and M.Ya. Lazerson's "socially adapted intuitive law" are proposed as related but non-identical concepts: the former may exist in a moral form, whereas the latter is by definition imperative-attributive. The article reveals the dialectic of two processes: an evolutionary one (social selection forming socially adapted intuitive law) and a pedagogical one (social pedagogy of law guiding this formation). It is substantiated that the normative codification of values is necessary but insufficient: attributivity is a property of the addressee's psyche, not of the text of a norm. Based on an analysis of defects in lawmaking and law enforcement, three systemic conditions for the effectiveness of the legal codification of traditional values are formulated: axiological resonance (correspondence of the codified content to the addressees' intuitive-legal expectations), technical and legal perfection of the laws (minimization of "cognitive noise"), and institutional consistency of law enforcement (validation of normative schemas by real practice). A hypothesis is advanced about the connection between M.Ya. Lazerson's concept of social pedagogy of law and the theory of the schematizing function of law (K. Hoff, J. Walsh).

Keywords: traditional values, psychological school of law, L.I. Petrazhitsky, M.Ya. Lazerson, social pedagogy, imperative-attributive emotions, intuitive law, legal policy, legal consciousness, legal nihilism, schematizing function of law

For citing: Iakhin F.F. Traditional values and basic concepts of the psychological school of law (L.I. Petrazhitsky, M.Ya. Lazerson): substantiating the conditions for implementing the educational role of law // Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla. Series: Social Sciences and Humanities. 2026. No. 3. pp. 28-62.

Введение

Государственная политика России по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, закрепленная Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809, определяет в качестве правовых инструментов своей реализации совершенствование нормативно-правовой базы и разработку документов стратегического планирования [1]. Параллельно действуют

Основы государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденные Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168, ориентированные на формирование устойчивого уважения к закону и преодоление правового нигилизма [2]. Однако связь между этими двумя линиями политики проработана недостаточно: нормативное закрепление ценностей задает ориентиры для формирования мировоззрения российских граждан, тогда как вопрос усвоения, интериоризации и закрепления традиционных ценностей в правосознании (правовой психике) граждан, остается в тени.

Анализ современного научного дискурса свидетельствует о глубоком интересе исследователей к ценностному измерению российской правовой системы. В работах по теории государства и права подробно исследуется процесс онтологического укоренения этических категорий в правовой реальности, выстраивается понятийно-категориальный аппарат для интеграции традиционных идеалов в систему нормативных регуляторов [17]. В доктрине конституционного права фокус смещается на проблемы толкования Указа № 809 и обоснование юридического приоритета духовно-нравственных ценностей в качестве исторически обусловленной «матричной основы» национального права [19; 20]; детально разбираются вопросы гармонизации актов стратегического планирования с конституционными правами и свободами через призму идей солидаризма и защиты культурной идентичности [3]. В трудах по юридической психологии и педагогике внимание переносится на ментальные и поведенческие аспекты правовой жизни: исследуются психологические барьеры, возникающие в условиях «аксиологического конфликта» между декларируемыми государством ценностными ориентирами и установками глобализированного общества потребления [7]. Авторы обоснованно доказывают, что механический перенос моральных догм в нормативное поле не гарантирует их автоматического усвоения правосознанием, и предлагают педагогические методики правового просвещения молодежи.

Однако, признавая высокую научную ценность указанных исследований, приходится констатировать значительный **теоретико-методологический пробел**. В большинстве работ практически не

освещаются конкретные условия, обеспечивающие реальную эффективность интериоризации традиционных ценностей в правосознание граждан. Исследователи фиксируют общую необходимость ценностного транзита, но оставляют без должного внимания «инфраструктуру» этого процесса – механизм, с помощью которого абстрактный нормативный принцип трансформируется в устойчивую внутреннюю установку индивида. Более того, потенциал Указа № 809 анализируется, как правило, обособленно – вне контекста воспитательной роли права. Традиционные ценности редко позиционируются как стержневой элемент правового воспитания, способный не просто ограничивать девиации, а качественно перестраивать структуру правосознания, превращая внешнее нормативное требование государства во внутреннее убеждение личности.

Указанные обстоятельства ставят вопрос о том, какие психологические аспекты реализации правовой политики государства и воспитательной роли права необходимо учитывать для обеспечения сохранения и укрепления нормативно закрепленных традиционных ценностей. Восполнить этот пробел позволяет обращение к теоретическому наследию отечественной психологической школы права – учению Л.И. Петражицкого (1867-1931) об императивно-атрибутивных эмоциях и концепции социальной педагогики и воспитательной роли права М.Я. Лазерсона (1887-1951). Л.И. Петражицкий заложил основы различения правовых и нравственных переживаний, позволяющего понять, почему нормативное закрепление ценности само по себе не делает ее регулятором поведения. М.Я. Лазерсон развил эти идеи в направлении целенаправленного формирования правосознания через политику права и социальную педагогику права. Данные подходы дают теоретический язык для описания того самого «механизма», который в современной литературе остается нераскрытым.

Проблема исследования состоит в следующем: при каких базовых условиях реализации воспитательной роли права традиционные ценности становятся устойчивыми положительными структурами правосознания и действенным регулятором правового поведения?

Научная разработанность темы. Реконструкция учения Лазерсона выполнена Е.В. Тимошиной [18]. Работы по психологической школе права (Н.В. Варламова [5], А.А. Зотов [9]) раскрывают отдельные аспекты теории Петражицкого, но не связывают ее с проблематикой традиционных ценностей. Работа Е.С. Бурлаки [4] лишь намечает тему правового воспитания, не рассматривая ее в этом ключе. Что касается актуальной юридической литературы о традиционных ценностях, то она сосредоточена преимущественно на исследовании нормативного закрепления ценностей и доктринального их обоснования как правовых явлений [3; 17; 19; 20]. Психолого-правовые аспекты механизма, благодаря которому закрепленная ценность становится действенным регулятором поведения, в этих работах практически не рассматривается.

Научная новизна работы состоит в применении базовых концепций психологической школы права о различении правовых и нравственных переживаний, механизме формирования социально приспособленного интуитивного права, содержания социальной педагогики и воспитательной роли права к проблеме интериоризации традиционных ценностей в правосознании индивидов. В дополнение к имеющимся в юридической литературе актуальным исследованиям, в которых традиционные ценности рассматриваются преимущественно в аспекте нормативного закрепления и доктринального обоснования, в настоящей работе предложен иной ракурс – воспитательная роль права как инструмент обеспечения их действенности. Обосновано, что нормативное закрепление ценности необходимо, но недостаточно: атрибутивность - свойство психики адресата, а не текста нормы. Также в контексте воспитательной роли права показано, что действенность ценностей зависит не только от качества законодательства, но и от последовательности правоприменения. Выдвинута гипотеза о связи концепции социальной педагогики М.Я. Лазерсона с теорией схемообразующей функции права (К. Хофф, Дж. Уолш).

Цель статьи – выявить условия реализации правовой политики государства и воспитательной роли права, при которых традиционные ценности становятся устойчивыми структурами правосознания и действенным регулятором поведения, – с опорой на концепции психологической школы права Л.И. Петражицкого и М.Я. Лазерсона.

Теоретико-методологическую основу работы составляют: психологический реализм Л.И. Петражицкого и М.Я. Лазерсона; системная теория права Д.А.Керимова; концепция схемообразующей функции права К. Хофф и Дж. Уолша.

Методы исследования: историко-правовая реконструкция (вспомогательная), сравнительный анализ, теоретическое моделирование, анализ нормативных документов.

Материалы исследования: работы М.Я. Лазерсона («Общая теория права. Введение в изучение права», 1930; «Социальная педагогика и правовое воспитание», 1927), работы Л.И. Петражицкого, Е.В. Тимошиной, Н.В. Варламовой, А.А. Зотова, С.Н. Ковальчука; Указ Президента РФ № 809; Основы государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан; исследования по системному подходу в праве, воспитательной функции права, правовому нигилизму.

Результаты исследования

1. Психологическая школа права: основные идеи и современное состояние

Психологическая школа права - направление в юридической науке, основанное на представлении о праве как о психическом явлении. Наиболее основательное развитие оно получило в трудах Л.И. Петражицкого, который определил право как «*императивно-атрибутивные психические переживания людей»* [14, с. 84–88]. Согласно его теории, право – это не система норм, а «психические процессы особого рода», реальное существование которых локализовано в человеческой психике.

Ключевая идея Л.И. Петражицкого состояла в том, что право и мораль различаются не по источнику, а по типу эмоций, их порождающих. Нравственные переживания имеют чисто императивный характер («я должен»), тогда как правовые – императивно-атрибутивный («я должен, и другой вправе требовать»). Именно атрибутивность придаёт правовым эмоциям ту мотивационную силу, которой лишены эмоции нравственные.

На этой основе Л.И. Петражицкий выстраивает классификацию права: *позитивное* (совокупность норм, обращённых к подчиненным лицам) и *интуитивное* (сумму императивно-атрибутивных переживаний индивидов), официальное (пользующееся поддержкой

государства) и неофициальное. Принципиально важным является тезис о том, что интуитивное право первично по отношению к праву позитивному; разрыв между ними, предупреждал Л.И. Петражицкий, грозит социальными потрясениями [14, с. 129–134].

Л.И. Петражицкий стремился создать универсальную психолого-социологическую науку - «эмоциональную социологию», согласно которой общество должно перейти от бессознательного к осознанному самосовершенствованию при помощи политики правовой мотивации. Именно этот аспект его учения - идея целенаправленного формирования правосознания - стал отправной точкой для концепции социальной педагогики права его ученика - М.Я. Лазерсона.

М.Я. Лазерсон принадлежит к числу наиболее последовательных продолжателей психологической школы права. Как отмечает Е.В. Тимошина, «в отличие от некоторых других учеников Л.И. Петражицкого, пробовавших свои силы в различных методологических направлениях, Лазерсон последовательно придерживался позиции психологического реализма» [18, с. 245].

Учение Л.И. Петражицкого оказало заметное влияние на философско-правовую мысль России, Польши, Западной Европы и США. Его последователи – П.А. Сорокин, Г.Д. Гурвич, Н.С. Тимашев - развивали психологическую теорию права в феноменологическом и социологическом направлении. Однако в советский период школа была вытеснена на периферию юридической науки. Ситуация изменилась на рубеже XX-XXI веков, когда началась постепенная «реанимация» наследия Л.И. Петражицкого. В работах Е.В. Тимошиной [19], Н.В. Варламовой [5], А.А. Зотова [9], С.Н. Ковальчука [11] психологическая теория права рассматривается не только как исторический факт, но и как источник идей, сохраняющих эвристический потенциал. Так, Н.В. Варламова отмечает, что конструкция «правомочие – правообязанность» заключает в себе глубокий коммуникативный смысл [5, с. 73-75]. А.А. Зотов показывает, что идеи Л.И. Петражицкого обнаруживают преемственность с современными подходами в социологии права**,** раскрывая механизмы мотивации социального действия через призму правовой психики [9, с. 113-115].

Таким образом, психологическая школа права представляет собой не только исторический этап развития юриспруденции, но и

живую традицию, идеи которой сохраняют актуальность для обоснования необходимых условий имплементации воспитательной роли права как инструмента сохранения и укрепления традиционных ценностей.

2. Правовые и нравственные переживания в психологической теории права: различение и системные взаимосвязи

Обосновывая концепцию интуитивного права, Л.И. Петражицкий исходит из деления этических эмоций на два класса: «нравственные переживания сопровождаются чисто-императивными представлениями, правовые же – императивно-атрибутивными» [14, с. 41]. В основе нравственных переживаний лежат «чисто-императивные, безпритязательные этические эмоции, в основе же правовых переживаний - аттрибутивные или притязательные эмоции долга» [14, с. 42].

Нравственная эмоция – односторонняя: она переживается как обязанность, но не сопровождается переживанием чьего-либо притязания. Правовая эмоция – двусторонняя: обязанность одного переживается одновременно как притязание другого. Атрибутивность - «специфический признак правовых явлений, в отличие от нравственных» [14, с. 45]. Л.И. Петражицкий подчёркивал, что «великое достоинство и преимущество императивно-атрибутивных эмоций состоит именно в той силе, неуклонности и решимости мотивационного давления, которые сообщаются этическому сознанию моментом атрибутивности» [14, с. 43].

Таблица 1.

Различия нравственных и правовых переживаний[3]

Критерий	Нравственные переживания	Правовые переживания
Структурные особенности	Односторонне-обязывающие (исключительно императивные)	Двусторонние (сочетание императивного и атрибутивного начал)
Психологическая формула	Осознание личного долга («Я обязан»)	Наличие встречного требования («Мой долг –

[3] Составлено автором по работе Петражицкого Л. И. [14].

		это право другого человека»)
Регулятивный потенциал	Мягкое мотивационное воздействие	Мощное, императивное психическое давление
Эмоциональный фон	Стабильное, бесконфликтное состояние («мирная психика»)	Склонность к детонации конфликтов при ущемлении интересов («взрывчатый характер»)

3. Психологический реализм М.Я. Лазерсона: от правовых эмоций к воспитательной функции права

Центральные идеи психологического реализма – отказ от отождествления права с системой официальных норм и концепция интуитивного права – получили у М.Я. Лазерсона дальнейшее развитие, и именно с ними связано его наиболее оригинальное приращение к теории Л.И. Петражицкого.

М.Я. Лазерсон пересматривает учение об интуитивном праве. Свойства, которые Л.И. Петражицкий приписывал всей сфере интуитивного права – прежде всего индивидуальную изменчивость, – он относит лишь к одному его виду: *индивидуально-приспособленному интуитивному праву* [12, с. 52-56]. Наряду с ним Лазерсон выделяет *общественно-приспособленное (социально-приспособленное) интуитивное право* (СПИП), которое «и есть то право, которое обычно именуют естественным правом» [12, с. 56-58].

Ключевое различие между двумя подвидами – в мотивационной природе. Индивидуально-приспособленное право изменчиво и слабо мотивировано; социально-приспособленное, напротив, достигает высокой мотивационной устойчивости и стремится к признанию его универсальности - «что всегда, что везде, что для всех» [12, с. 56-57]. Именно это притязание превращает СПИП в **устойчивую константу правовой психики**, а не в текущее индивидуальное переживание.

Формирование СПИП М.Я. Лазерсон объясняет через механизм *социального отбора*, действующий подобно естественному отбору в биологии: в правовой психике закрепляются те интуитивные правовые эмоции, которые обеспечивают эффективную социальную координацию, тогда как препятствующие ей отсеиваются [12, с. 58-60].

Этот отбор имеет длительный исторический характер и не сводится к единичному акту или сознательному решению законодателя. Естественное право, в понимании М.Я. Лазерсона, и есть не что иное, как «социально-приспособленное интуитивное право» [12, с. 162] – результат длительной эволюции правовой психики.

Отсюда выстраивается диалектика двух взаимосвязанных процессов «жизни» СПИП.

Первый – *эволюционный*. Это социальный отбор, в ходе которого СПИП формируется, закрепляется и передается от поколения к поколению. Применительно к языку Указа № 809 этот процесс может быть осмыслен как **«укрепление и развитие традиционных ценностей»**: укрепление – закрепление в правовой форме уже сложившихся констант правовой психики и формирование правовых гарантий их сохранения, а развитие - продолжение их эволюции в меняющихся условиях в масштабе страны или на глобальном уровне.

Второй – *педагогический*, обратный первому. Уже сформированные нормативные императивы реализуются через *социальную педагогику*: государство сознательно воздействует на правовую психику, культивируя те правовые эмоции, которые соответствуют СПИП. Если первый процесс – движение «снизу вверх» (от психики к норме), то второй - движение «сверху вниз» (от нормы к психике). М.Я. Лазерсон не считает эволюционный отбор единственным механизмом: поскольку он подчиняется определенным закономерностям, государство, вооружённое знанием психологической теории права, способно сознательно влиять на него [12, с. 64]. Именно в этом состоит принципиально новая роль государства: не аппарат принуждения, а субъект, целенаправленно культивирующий те правовые эмоции, которые обеспечивают эффективную социальную координацию, и нейтрализующий те, которые ей препятствуют [13; 18, с. 248].

Именно на этом основании М.Я. Лазерсон формулирует центральный тезис своей концепции: право играет чрезвычайно важную воспитательную роль, а государство призвано сознательно и планомерно использовать эту роль. Он прямо писал о необходимости признания громадной воспитательной роли права как о принципиальном сдвиге в правопонимании [12, с. 119]. *Воспитательная функция права* не является для Лазерсона чем-то

производным - она есть сущностное свойство права, вытекающее из его психической природы.

Наиболее развернутое обоснование этого тезиса дано в работе «Социальная педагогика и правовое воспитание. Проф. Л.И. Петражицкому – к 35-летию его научной деятельности» [13]. Социальная педагогика понимается здесь как та область теории и практики, в которой право выполняет свою воспитательную миссию. Ключевая идея: право должно стать инструментом сознательной и тщательно проработанной политики права, направленной на формирование правосознания граждан [13]. Конечной же целью этого процесса выступает развитие социально-приспособленного интуитивного права граждан [12, с. 162].

Целью правового воспитания, таким образом, оказывается не просто знание законов или уважение к ним, а формирование устойчивых правовых эмоций, действующих автономно, без внешнего принуждения. Иными словами, цель – формирование активного субъекта права, чьи внутренние правовые эмоции согласованы с требованиями социальной жизни [11; 12].

Здесь, однако, необходимо обозначить уязвимость его концепции социального отбора, который определяет набор правовых эмоций, включаемых в СПИП, и их характеристики. М.Я. Лазерсон не дает четкого ответа о причинах и механизме выделения конкретных их видов [18, с. 258-261]: критерии *«социальной приспособленности»* остаются неопределенными. В историческом эволюционном процессе это не создает проблемы – там отбор идет стихийно, и его результат проверяется временем. Но когда государство берет на себя роль субъекта, целенаправленно воздействующего на правосознание граждан, неопределенность критериев оборачивается риском: под видом защиты прав человека или интересов общества (отдельных категорий населения, меньшинств, противодействия дезинформации и т.д.) или правового просвещения, воспитания гражданственности может осуществляться манипуляция, которая, наоборот, подрывает СПИП и равным образом – традиционные ценности. Этот риск не отменяет эвристической ценности рассматриваемой концепции, однако он должен быть четко осознан при выработке стратегий правовой политики и реализации воспитательной роли права.

На российском государственном уровне органический ценностный каркас, формирующийся в правовой психике, получает нормативное воплощение в перечне традиционных ценностей, закрепленном Указом № 809. При этом совершенствование законодательства рассматривается как ключевой правовой инструмент их защиты и развития. Подобный подход ставит принципиальный вопрос о соотношении интуитивного права, формируемого в процессе правового воспитания, и содержания традиционных ценностей, артикулированных государством. Этому исследованию и посвящен следующий раздел работы.

4. Традиционные ценности и социально-приспособленное интуитивное право: соотношение концептов

Анализируя соотношение данных понятий, мы исходим из рабочего тезиса: они тесно связаны, но не тождественны. Ниже это положение обосновывается через раскрытие их сходства и различий, определение условий, при которых ценность принимает правовую форму, а также через выявление следствий для правовой политики и социальной педагогики права.

Функциональное сходство. Традиционные ценности определены в Указе № 809 как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению» [1]. Социально-приспособленное интуитивное право, по М.Я. Лазерсону, – это совокупность правовых эмоций, прошедших социальный отбор, закрепившихся в психике и обладающих высокой мотивационной силой [12]. Таким образом, в обоих случаях речь идет о надличностных, устойчивых и эмоционально укорененных регуляторах поведения, воспроизводимых в процессе воспитания.

Однако сходство не означает тождества.

Различия. Для точной демаркации концептов необходимо рассмотреть ключевые различия между ними.

Первое: *психологическая форма*. Ценность в своей исходной форме переживается как долг и не порождает встречного притязания. Социально-приспособленное интуитивное право, напротив, по определению носит императивно-атрибутивный характер и содержит притязание. Отсюда следует важное ограничение: часть констант из Указа № 809 (например, *милосердие* или *приоритет духовного над*

материальным) по самой своей природе плохо поддается переводу в форму правового требования. Следовательно, правовая политика имеет дело лишь с определенным подмножеством данного перечня – теми ценностями, которые могут быть артикулированы на языке прав и обязанностей.

Второе: *источник и носитель*. Перечень в Указе – результат директивного решения государства. Социально-приспособленное интуитивное право в своей основе – результат длительного социального отбора в «народно-правовой психике» [12, с. 140-165]. Совпадение содержания этих двух систем нельзя считать безусловной данностью, это сугубо эмпирический вопрос. Поскольку М.Я. Лазерсон сам не эксплицирует, почему эволюционный отбор выделяет именно эти конкретные права [18, с. 258–261], утверждение об их полном тождестве с государственным перечнем остается научной гипотезой.

Третье: универсальность и самобытность**.** М.Я. Лазерсон приписывал естественному праву притязание на универсальность и связывал будущее правосознания с общечеловеческим правопорядком [12; 18, с. 261]. Указ № 809, напротив, подчеркивает уникальное, самобытное проявление традиционных российских ценностей. Возникающее противоречие частично снимается тем, что в государственный перечень входят константы универсального звучания (жизнь, достоинство, права и свободы человека, гуманизм, справедливость), а сам нормативный акт содержит положения, связывающие традиционные ценности России с исконными общечеловеческими духовно-нравственными ориентирами. Сопоставление с концепцией Лазерсона, таким образом, будет наиболее корректным именно для универсальной части перечня. Что касается специфически национальной его составляющей, то её осмысление требует дополнительных исследований теоретического и эмпирического характера.

Выявленные различия показывают, что рассматриваемые концепты не являются тождественными, хотя и обладают глубоким функциональным сходством. В этом контексте закономерно возникает вопрос: каким образом ценность, существующая в этической (нравственной) форме, способна приобрести форму правовую и при каких условиях разворачивается этот процесс?

Л.И. Петражицкий допускал преобразование нравственных переживаний в правовые, когда неисполнение долга начинает осознаваться как нарушение права другого лица [5, с. 73–75]. Эволюция ценности может идти по двум траекториям:

Путь «снизу» (психологический): переход происходит непосредственно в психике субъектов, когда этическая норма приобретает двусторонний, императивно-атрибутивный характер.

Путь «сверху» (нормативный): официальное закрепление ценности в законе, обычае или прецеденте, которое призвано вызвать в психике адресата гетерономную правовую эмоцию, формируя тем самым положительное право.

Здесь, однако, необходимо принципиальное уточнение. Атрибутивность, согласно психологической теории права, – это свойство живого человеческого переживания, а не текста нормативного акта. Официальное предписание может вызвать правовую эмоцию, но может и остаться пустой декларацией, если адресат не воспринимает государственное притязание как справедливое. По М.Я. Лазерсону, положительное право обладает подлинной мотивационной силой лишь тогда, когда по своему содержанию оно совпадает с естественным (социально-приспособленным интуитивным) правом [12, с. 86-88]. Отсюда следует ключевой вывод: нормативное закрепление ценности государством – условие необходимое, но недостаточное. Достаточным условием оно становится исключительно при совпадении транслируемого «сверху» набора и содержания традиционных ценностей с интуитивными правовыми ожиданиями адресатов.

Почему же нравственной формы недостаточно? Из психологической теории права Л.И. Петражицкого и М.Я.Лазерсона следует вывод, принципиальный для правовой политики и социальной педагогики. Виды права М.Я. Лазерсон выстраивает по возрастанию их мотивационной силы: индивидуально-приспособленное интуитивное право – общественно-приспособленное (естественное) право [12, с. 83–85]. Нравственные переживания в эту иерархию не входят: не обладая атрибутивностью, они уступают по силе воздействия на поведение любому виду правовых эмоций. Л.И. Петражицкий прямо связывал интенсивность мотивационного давления с моментом атрибутивности, отмечая, что «великое достоинство и преимущество императивно-

атрибутивных эмоций состоит именно в той силе, неуклонности и решимости мотивационного давления, которые сообщаются этическому сознанию моментом атрибутивности» [15, с. 19-22]. Отсюда следует, что опора исключительно на нравственное воспитание стратегически недостаточна: ценность, переживаемая индивидом только как односторонний нравственный долг, не обладает той побудительной силой, которую она приобретает, будучи осмысленной как взаимное притязание. Формирование именно императивно-атрибутивных (правовых) эмоций выступает необходимым условием устойчивой трансляции традиционных ценностей в обществе.

В то же время данный вывод не следует истолковывать как отрицание нравственных оснований права. Позиция Л.И. Петражицкого и М.Я. Лазерсона не противоречит отечественной традиции, настаивающей на этической укорененности правовых норм. В контексте психологической теории права речь идет не о противопоставлении морали и права, а о различении психологических форм, в которых может переживаться одно и то же ценностное содержание. Нравственные основания права реальны: именно нравственные эмоции служат исходным материалом для правовых, именно они питают естественное право как константный элемент народно-правовой психики [12, с. 77-78]. Более того, Л.И. Петражицкий рассматривал переход нравственного содержания в правовую форму как движение вперед, а не как утрату морального начала. В его трактовке распространение в обществе императивно-атрибутивных эмоций, закрепляющих социально разумные варианты поведения, выступает прямым проявлением социального и правового прогресса [5, с. 76-77].

Различие, которое необходимо здесь удерживать, – это различие между генезисом нормы и психологической формой ее переживания. Норма может иметь этическое происхождение и нравственное обоснование – этот факт психологическим реализмом не отменяется. Однако эффективность ее мотивационного воздействия на поведение граждан напрямую зависит от того, переживается ли она адресатом в императивно-атрибутивной форме (как притязание). Тезис о мотивационной специфике нравственных переживаний – это не принижение морали, а экспликация психологического механизма, без

учета которого правовая политика рискует остаться декларацией. Как писал М.Я. Лазерсон, «нравственность не знает притязаний и поэтому представляет масштаб, не адекватный праву» [12, с. 22-25]. Именно поэтому для трансляции традиционных ценностей недостаточно абстрактной апелляции к нравственному чувству: государственная политика требует их перевода в плоскость живого правосознания, органически принимаемого обществом.

Следует отметить, что ряд традиционных ценностей – достоинство, справедливость, гуманизм – по своему содержанию близки к базовым константам интуитивного права: фундаментальным императивно-атрибутивным убеждениям, которые переживаются обществом как безусловные и составляют психологическую основу всякого устойчивого правопорядка [5, с. 73-75]. Это означает, что правовая политика государства в рамках реализации Указа № 809 имеет дело не с «внешним», искусственным материалом, а с уже существующими в общественном правосознании ментальными предрасположенностями. Следовательно, задача социальной педагогики состоит не в том, чтобы директивно «внедрить» эти ценности, а в том, чтобы актуализировать их переживание как живых правовых эмоций, укрепив их взаимный, императивно-атрибутивный характер.

5. Качество законотворчества как условие реализации традиционных ценностей

Указ № 809 определяет ключевые правовые инструменты реализации государственной политики – совершенствование нормативно-правовой базы и разработку документов стратегического планирования. Однако эти инструменты работают эффективно лишь при условии, что закрепляемые нормы воспринимаются адресатами как справедливые. В противном случае норма остается на бумаге, а реальное правосознание формируется под влиянием повседневной практики - прежде всего правоприменительной.

Если право выполняет воспитательную функцию, то качество самих законов становится главным условием ее реализации. Несовершенный закон не просто плохо работает: он активно деформирует правосознание, разрушая доверие к праву как к предсказуемому регулятору. Как подчеркивал признанный авторитет отечественной теории права Д.А. Керимов, «создание правового

государства, установление режима правопорядка в стране предполагает прежде всего наличие совершенных законов» [10, с. 3]. Неудачная формулировка, двусмысленность и внутренняя противоречивость нормы создают «шумы» в правовом регулировании, усложняющие понимание закона. Особое значение ученый придавал системности законодательства, указывая, что статьи, их части, главы и разделы нормативного акта должны логически вытекать друг из друга, образуя целостную систему [10, с. 62]. Нарушение этой системности порождает правовую неопределенность, при которой гражданин теряет способность предвидеть юридические последствия своих действий и утрачивает доверие к правовой системе.

В контексте идей М. Я. Лазерсона это означает следующее: если интуитивное право формируется под влиянием повседневного правового опыта, то некачественный закон неизбежно становится источником деструктивных психических переживаний. Гражданин латентно усваивает установку, что позитивное право – это не инструмент достижения справедливости, а инструмент произвола. Дефекты законотворчества, таким образом, прямо подрывают воспитательную роль права. Как отмечал Д.А. Керимов, высокая степень совершенства текста закона минимизирует затруднения при его последующей реализации [10, с. 84], а значит, позволяет ему эффективнее выполнять свою социально-педагогическую, воспитательную функцию. Классические отечественные исследования природы правового нигилизма также подтверждают эту зависимость. Как указывает Н.В. Варламова, несовпадение ценностного (аксиологического) и должного (деонтического) компонентов в структурах правопонимания приводит к тому, что позитивное право воспринимается личностью не как разделяемая ценность, а как инструмент внешнего отчужденного принуждения, что выступает главным истоком деформации правосознания [6, с. 73-75].

Таким образом, качество законотворчества выступает вторым фундаментальным условием действенности правовой институционализации традиционных ценностей. Обратимся к третьему условию - последовательности и системности правоприменения.

6. Практика правоприменения как фактор реализации воспитательной роли права

Правоприменительная практика не является лишь технической процедурой реализации юридических норм. Как отмечают А.В. Малько и В. А. Рудковский, она выступает самостоятельным фактором оптимизации осуществления права и оказывает непосредственное влияние на формирование правосознания и правовой культуры общества [14]. Если закон применяется избирательно, судебные решения по аналогичным делам противоречивы, а неисполнение правовых предписаний остается безнаказанным, адресат усваивает не декларативный текст закона, а реальный порядок вещей.

Если несовершенство закона - это в известной степени аналог неясности или непоследовательности требований со стороны воспитателя, то дефекты правоприменения выступают прямым аналогом педагогического попустительства или произвола. Избирательность органов власти формирует феномен так называемого «дискреционного нигилизма», при котором внешняя легальность процедур маскирует нелегитимный характер управления и разрушает границы нормативности [8]. В результате у граждан закрепляется установка: «правила необязательны, если за их исполнением не следят». Когда один человек получает реальный срок, а другой за аналогичное деяние остается на свободе, право перестает восприниматься как равный для всех регулятор. Подобный дисбаланс подрывает саму возможность формирования социально-приспособленного интуитивного права: если внутреннее интуитивное чувство справедливости систематически опровергается повседневной практикой правоприменения, оно либо отторгается субъектом, либо деформируется в сторону глубокого социального цинизма и правового нигилизма.

Н.В. Варламова, анализируя истоки правового нигилизма в постсоветской России, указывает, что это явление характеризуется тремя базовыми признаками: юридической некомпетентностью, негативной оценкой права (отрицанием его позитивной роли как способа регулирования общественных отношений) и распространённостью навыков неправового или противоправного поведения, [6, с. 79]. Существенно, что ключевой акцент автор делает именно на негативной ценностной оценке права. Юридическая некомпетентность сама по себе может порождать как нигилизм, так и

слепой правовой идеализм, а распространенность противоправных практик часто свидетельствует не об отрицании ценности права как такового, а о временном расхождении личных интересов субъекта с общественными [6, с. 81]. Для нашего исследования данное уточнение принципиально: правовой нигилизм формируется не столько из-за дефицита информации или незнания законов, сколько из-за проживания негативного правового опыта, главным источником которого и выступает дефектная правоприменительная практика.

Здесь уместно обратиться к понятию дискреционного нигилизма, введенному в научный оборот Д. И. Зайцевым [8]. Под ним понимается деформация правосознания правоприменителя (прежде всего субъекта исполнительной власти), выражающаяся в негативном отношении к административному усмотрению и умышленном отказе от реализации своих дискреционных полномочий. Это явление тесно связано с феноменом «нелегитимной законности»: правоприменитель, формально действуя в рамках жестких предписаний, фактически уклоняется от творческого исполнения закона там, где требуется принятие нестандартных управленческих решений, и тем самым подрывает общественное доверие к праву в целом. Дискреционный нигилизм должностных лиц выступает частным, но крайне показательным случаем более широкой проблемы: деформированное правосознание самих субъектов правоприменения неизбежно репродуцирует деструктивные правовые эмоции у адресатов правовых норм. В контексте государственной политики по защите традиционных ценностей данный риск означает, что сухой нормативизм исполнительной власти способен превратить живые ценностные ориентиры (такие как справедливость или гуманизм) в мертвые бюрократические декларации.

Связь с психологической теорией права здесь носит непосредственный характер. Как показывает Н.В. Варламова, анализируя учение Л.И. Петражицкого, правовые явления укоренены исключительно в психике субъекта, а реальная действенность позитивного права напрямую зависит от его соответствия интуитивно-правовым переживаниям [5, с. 75]. Если социально-приспособленное интуитивное право формируется под влиянием повседневного опыта, то дефекты правоприменения неизбежно становятся источником опыта деструктивного. Вместо правовых эмоций, резонирующих с

ценностным каркасом СПИП, в психике граждан закрепляются противоположные интенции - правовой цинизм, системное недоверие к институтам власти и устойчивая установка на обход закона. Данные ментальные маркеры фиксируются в интуитивном правосознании и репродуцируются в повседневном поведении. В терминах М.Я. Лазерсона, в обществе начинает доминировать «индивидуально-приспособленное» интуитивное право, онтологически враждебное «социально-приспособленному».

Закономерный результат подобного «педагогического брака» в публично-правовой сфере – массовый правовой нигилизм и деградация правовой культуры. М.Я. Лазерсон не мог предвидеть специфических форм современных деформаций госаппарата, однако его эволюционно-психологическая концепция исчерпывающе объясняет, почему они имеют столь разрушительные последствия для общества: они выступают фактором, перманентно опровергающим те правовые эмоции, которые государство призвано культивировать и транслировать.

Отсюда следует фундаментальный вывод: воспитательная роль права напрямую обусловлена качеством его практического функционирования. Если законы неясны и противоречивы, а практика их применения избирательна и несправедлива, право вместо уважения к закону воспитывает в обществе правовой нигилизм. Концепция социальной педагогики и воспитательной роли права М.Я. Лазерсона имплицитно требует безупречного качества правовой политики как императивного условия реализации этого механизма. Следовательно, проблема правового воспитания – это не столько проблема дидактики, образования или просвещения, сколько проблема системных качеств самого права и его реализации – ясности, логичности, аксиологической справедливости законов и последовательности в их применении.

Таким образом, последовательность и справедливость правоприменения выступают третьим необходимым условием действенности правового закрепления традиционных ценностей.

7. Схемообразующая функция права: значение для реализации традиционных ценностей

Следующий фундаментальный вопрос состоит в том, каким образом право на когнитивно-психологическом уровне формирует ментальные категории, сквозь призму которых человек воспринимает

социальную реальность. Ответ на него может быть получен через сопоставление идей М.Я. Лазерсона о воспитательной роли права с современной когнитивной концепцией схемообразующей функции права. Подобное сопоставление требует исследовательской осторожности: в данном случае речь идет именно о научной гипотезе, а не о доказанном теоретическом тождестве.

Традиционно в зарубежной правовой социологии ключевой акцент смещался на две базовые функции. Первая - регулятивная, или предписывающая (*command function*), в рамках которой право напрямую воздействует на поведение адресатов, трансформируя внешние стимулы, экономические риски и информационное поле. Вторая – экспрессивная (*expressive function*), развернуто описанная К. Санстейном: здесь право выступает символическим ориентиром для социальных норм, поскольку индивиды учитывают транслируемые законом смыслы и репутационные ожидания окружающих [21, p. 2021-2023]. Механику когнитивно-правового развития личности на стыке этих функций подробно анализировали Дж. Тапп и Л. Кольберг [22, p. 65-68]. Однако, как показывают новейшие междисциплинарные исследования, классического дуализма этих функций явно недостаточно для объяснения того, какими путями право глубоко и долгосрочно трансформирует ценностный каркас общества. Т. Тайлер убедительно доказывает, что подчинение закону детерминировано не механическим калькулированием выгод и санкций, а внутренней легитимностью норм в восприятии граждан [23, p. 3-5].

Логическим выходом из этого теоретического тупика стала предложенная К. Хофф и Дж. Уолшем концепция «третьей функции права» – схемообразующей (конституирующей), направленной на трансформацию фундаментальных культурных категорий [20, p. 2-4].

В когнитивной психологии категории понимаются как ментальные структуры, упорядочивающие восприятие субъекта. Право, согласно К. Хофф и Дж. Уолшу, активно участвует в конструировании этих структур: оно создает новые социальные роли (например, «защитник прав потребителей», «жертва домашнего насилия»), кристаллизует типы взаимодействий и задает образцы поведения. Данные категории, будучи интериоризированными психикой человека в виде внутренних ментальных схем, начинают автономно направлять его поведение – индивид действует в

соответствии с ними даже в условиях полного отсутствия внешнего контроля [20, p. 10-11].

Здесь и возникает принципиальный вопрос о возможной конвергенции когнитивного подхода с концепцией М.Я. Лазерсона, в которой интуитивное право трактуется как совокупность императивно-атрибутивных эмоций, действующих автономно, без гетерономного принуждения. Социально-приспособленное интуитивное право, по Лазерсону, обладает высокой мотивационной силой и имманентно притязает на универсальность [12, с. 71-72]. Это притязание на универсальность может быть интерпретировано как психологический аналог когнитивной категоризации: интуитивное право изначально задает устойчивые смысловые координаты, сквозь призму которых человек воспринимает юридически значимые ситуации и определяет в них собственный ролевой статус.

Однако необходимо подчеркнуть принципиальное различие между рассматриваемыми подходами. Правовые эмоции в трактовке М. Я. Лазерсона – это интроспективные, индивидуальные аффективные переживания. Категории К. Хофф и Дж. Уолша, напротив, представляют собой разделяемые социумом когнитивные схемы и прототипы, верифицируемые посредством полевых и естественных экспериментов. Полное отождествление этих феноменов было бы методологической ошибкой. Скорее, можно говорить о том, что современная когнитивная наука, переживающая бурное развитие со второй половины XX века, обнаруживает ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АНАЛОГИ тех феноменов, которые Лазерсон фиксировал на уровне интуитивного права, и предлагает для них иную, экспериментально верифицируемую объяснительную модель.

Концепция схемообразующей функции права выступает логичным продолжением когнитивного подхода к исследованию человеческой психики и поведения. Она не отрицает полностью классические теории правосознания, психологическую теорию права, а на новейшем междисциплинарном уровне эксплицирует, как в процессе реализации юридических норм происходит кристаллизация типичных ментальных паттернов – схем, во многом детерминирующих правовое поведение личности. Воспитательная функция права, артикулируемая выверенной правовой политикой государства, способна выступать катализатором формирования устойчивых

позитивных ментальных структур, органично обеспечивающих воспроизводство правомерного поведения и трансляцию традиционных ценностей.

Для правовой политики это имеет принципиальное значение. Если право действительно играет воспитательную роль и одновременно выполняет схемообразующую функцию, то реализация традиционных ценностей в юридическом поле не может сводиться к их механическому декларированию или пассивному закреплению в нормах. Необходим отход от абстрактного «совершенствования нормативных правовых актов» в пользу формирования целостной системы позитивного права и механизмов его реализации, органически имплементирующих воспитательный потенциал юридических институтов. Подобный подход призван обеспечить формирование и укрепление согласованных с традиционными ценностями категорий правосознания (правовых убеждений, установок, эмоционального отношения к праву и т.д.), сквозь призму которых человек воспринимает социальные ситуации, оценивает поведение окружающих и определяет собственные притязания и обязанности.

Традиционные ценности в этой перспективе могут быть трансформированы из отчужденных абстрактных категорий в конкретные, генерируемые правом правовые эмоции (в понимании Л.И. Петражицкого и М.Я. Лазерсона) или когнитивные правовые схемы. Последние включают в себя как рациональные убеждения о праве, так и эмоционально выраженное отношение субъекта к закону и своему правомерному поведению. В качестве примеров таких ментальных конструктов можно привести внутренние императивы: «Соблюдая закон, я проявляю уважение к достоинству других людей», «Ответственное выполнение работы – это проявление созидательного труда», «Выполнение договоров – это справедливо». Таким образом, правовая политика, определяющая стратегические цели реализации воспитательной функции права, должна быть сфокусирована на целенаправленном конструировании согласованных с традиционными ценностями элементов правовой психики – живых правовых эмоций и устойчивых когнитивных схем.

8. Системные условия правовой институционализации традиционных ценностей

Проведенный междисциплинарный анализ позволяет эксплицировать три фундаментальных условия, при которых традиционные ценности, получившие нормативно-правовую артикуляцию (в частности, в Указе № 809), могут успешно интериоризироваться правосознанием граждан и трансформироваться в действенный автономный регулятор социального поведения. В терминах психологического реализма и когнитивного подхода речь идет о переходе от внешнего государственного принуждения (гетерономного позитивного права) к устойчивым ментальным структурам правовой психики – социально-приспособленному интуитивному праву и позитивным когнитивным схемам.

Ни одно из этих условий не является достаточным само по себе – они образуют синергетическую систему, где дефект одного элемента обнуляет эффективность остальных.

1. Аксиологический резонанс: соответствие позитивных норм интуитивно-правовым ожиданиям адресатов

Нормативная фиксация ценностного каркаса в тексте Указа или законов выступает условием необходимым, но стратегически недостаточным. Императивно-атрибутивная природа (притязание и долг) является имманентным свойством живой человеческой психики, а не буквы нормативного акта. Если транслируемое государством «сверху» содержание не соотносится с глубинными ментальными константами, выработанными обществом «снизу» в ходе длительного социально-культурного отбора, правовая политика рискует выродиться в искусственную идеологическую индоктринацию.

В когнитивном аспекте закон должен не насильственно «внедрять» чуждые категории, а резонировать с уже существующими в народно-правовой психике предрасположенностями. Установление степени и глубины этого ценностного совпадения – сугубо эмпирический вопрос. Для верификации данного условия принципиальное значение приобретают современные исследования механизмов правовой социализации личности [22] и когнитивной природы легитимности. Как убедительно доказывает Т. Тайлер, императив добровольного подчинения праву детерминирован не страхом перед легальной санкцией (регулятивная функция) и не конформизмом (экспрессивная функция), а внутренним признанием авторитета нормы и ее содержательной справедливости [23, p. 12-15].

Следовательно, первым условием эффективности является аксиологическое соответствие конструируемых государством когнитивных схем реальной структуре интуитивного правосознания граждан.

2. Технико-юридическое совершенство: обеспечение системности законотворчества

Качество текста закона выступает главным фактором реализации его схемообразующей и социальной-педагогической функций. Несовершенный, двусмысленный или логически противоречивый нормативный акт не просто снижает эффективность регулирования – он выступает источником деструктивного ментального опыта. Внутренние коллизии, терминологическая неопределенность и дефекты законодательной логики создают непреодолимые «шумы» в правовой коммуникации между государством и обществом.

Когда текст закона лишен системности, он утрачивает способность поставлять правовой психике четкие и понятные категории (схемы) для интерпретации социальных ситуаций. Вместо формирования предсказуемого когнитивного прототипа дефектное нормотворчество дезориентирует субъекта, провоцируя ментальный диссонанс. Как справедливо отмечал Д.А. Керимов, установление прочного правопорядка априори предполагает наличие совершенных, логически выверенных законов, статьи и разделы которых образуют строго монолитную систему [10, с. 62]. Таким образом, предусмотренное Указом № 809 «совершенствование нормативно-правовой базы» должно включать в себя не только декларативное обновление содержания, но и жесткую фильтрацию текстов на предмет соответствия высшим стандартам законодательной техники, чтобы обеспечить когнитивную доступность и системную непротиворечивость юридических конструкций.

3. Институциональная последовательность правоприменительной практики

Правоприменительная практика является ключевым воспитательным и верифицирующим фактором, переводящим идеальные нормативные модели в плоскость повседневной психической реальности. Гражданин интериоризирует не абстрактную волю законодателя, а живой, наблюдаемый порядок вещей. Если

практика исполнительных и судебных органов демонстрирует избирательность, безнаказанность определенных персоналий или групп либо противоречивость решений по аналогичным кейсам, правосознание адресата фиксирует непреодолимый разрыв между должным (деонтическим) и сущим.

В терминах социальной педагогики М.Я. Лазерсона, дефекты правоприменения подрывают действенность воспитательной роли права, а с точки зрения когнитивного подхода – они разрушают легитимность нормативно созданных категорий. Избирательный «дискреционный нигилизм» правоприменителей [8] подает обществу когнитивный сигнал о фиктивности официальных правил. Если интуитивное чувство справедливости систематически опровергается опытом взаимодействия с государственным аппаратом, правовые эмоции граждан неизбежно деформируются в сторону цинизма, правового отчуждения и укоренения навыков противоправного поведения [6, с. 81]. Бюрократический формализм, управленческий или правоохранительный произвол, коррупция блокируют эволюционный отбор позитивных правовых эмоций. Таким образом, третьим условием выступает институциональная последовательность и справедливость правоприменения, обеспечивающая реальную жизненную валидацию тех ценностных ориентиров, которые государство стремится закрепить в сознании общества.

Таким образом, правовая политика, ориентированная на эффективное сохранение и трансляцию традиционных российских духовно-нравственных ценностей, должна быть сфокусирована на одновременном, скоординированном обеспечении всех трех обозначенных условий. Точечные административные усилия, сводящиеся исключительно к правовому просвещению или хаотичному принятию новых декларативных актов, без системного повышения качества законотворчества и преодоления нигилизма внутри самого государственного аппарата, могут, к сожалению, остаться нереализованными благими пожеланиями.

Заключение

Проведенное исследование выстроено по следующей логике. Сначала зафиксирован существенный пробел в современном научно-теоретическом дискурсе: правовые аспекты реализации традиционных ценностей обсуждаются преимущественно на уровне их формального

нормативного закрепления и доктринального обоснования, тогда условия их практической действенности остаются нераскрытыми. Затем на основе методологии психологической школы права проведено разграничение правовых и нравственных переживаний, показана их генетическая и функциональная взаимосвязь. Далее реконструирована оригинальная концепция М.Я. Лазерсона, раскрывающая диалектику двух процессов – эволюционного (социальный отбор, формирующий социально-приспособленное интуитивное право) и педагогического (социальная педагогика и воспитательная функция права, направляющая это формирование). Наконец, на этой теоретической основе сопоставлены традиционные ценности и социально-приспособленное интуитивное право, проанализированы системные дефекты законотворчества и правоприменения, а также сформулированы три условия действенности правовой институционализации ценностей.

Главный вывод исследования заключается в следующем: нормативное закрепление традиционных ценностей выступает условием необходимым, но недостаточным для того, чтобы они стали органической частью правосознания граждан. Атрибутивность является свойством живой правовой психики адресата, а не деонтического текста нормы. Ценность, переживаемая индивидом исключительно как односторонний нравственный долг, не обладает той интенсивностью мотивационного давления, которую она приобретает, будучи осмысленной в качестве взаимного правового притязания. Поэтому для успешной трансляции традиционных ценностей требуется не просто их директивное позитивное закрепление, но и обеспечение комплекса системных условий, при которых нормативные правовые акты, издаваемые в целях реализации традиционных ценностей, воспринимаются обществом как содержательно справедливые.

Выявленные в работе три условия образуют неделимую синергетическую систему:

1. *аксиологический резонанс* – соответствие закрепляемого государством содержания интуитивно-правовым ожиданиям адресатов;

2. *системность законотворчества и технико-юридическое совершенство законов* – минимизация «когнитивного шума»,

порождаемого двусмысленностью, декларативностью и внутренней противоречивостью норм;

3. *институциональная последовательность правоприменения* – валидация и подтверждение ценностных ориентиров, декларируемых в законодательстве, реальной государственно-правовой практикой.

Дефект любого из указанных элементов полностью практически обнуляет эффективность остальных. Точечные административные усилия, сводящиеся к поверхностному правовому просвещению или хаотичному принятию новых декларативных актов, без системного повышения качества законотворчества и преодоления нигилизма внутри самого государственного аппарата, могут остаться нереализованными.

Ограничения исследования. Работа носит преимущественно теоретико-методологический характер; сформулированные выводы опираются на историко-правовую реконструкцию трудов Л.И. Петражицкого, М.Я. Лазерсона и релевантную вторичную литературу. Самостоятельная эмпирическая проверка в рамках данной статьи не проводилась. Кроме того, концепция М.Я. Лазерсона исчерпывающе не объясняет, как именно разворачивается социальный отбор правовых эмоций в истории; в этих условиях попытки целенаправленного государственного формирования правовой психики граждан сопряжены с риском манипуляции. Данный риск не отменяет высокой эвристической ценности рассматриваемого подхода, но должен строго осознаваться субъектами при выработке долгосрочных стратегий правовой политики.

Направления дальнейших исследований. Перспективными векторами продолжения работы выступают: во-первых, прикладное эмпирическое изучение компонентов правосознания граждан в части того, как переживаются общественным сознанием отдельные традиционные ценности: как сугубо морально-нравственные ориентиры, или как правовые эмоции; во-вторых, развернутая экспериментальная проверка гипотезы о схемообразующей функции права применительно к ценностному каркасу Указа № 809; в-третьих, разработка строгих технико-юридических критериев соответствия принимаемых законов и правоприменительной практики заявленным государством ценностным ориентирам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

1. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

2. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Российская газета. 2011. № 151.

Литература

3. Аничкин Е.С. Современная роль конституционного права в укреплении традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества / Е.С. Аничкин // Российско-азиатский правовой журнал. – 2025. – № 4. – С. 27-33.

4. Бурлака Е.С. Теория Петражицкого и правовое воспитание: эмоции как инструмент формирования правовой грамотности / Е.С. Бурлака // Альманах молодого исследователя. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2023. – Вып. 18. – С. 45–52.

5. Варламова Н.В. Права человека в психологической теории права Л.И. Петражицкого: реконструкция и критическая интерпретация / Н.В. Варламова // Антиномии. – 2022. – Т. 22, вып. 2. – С. 73–95. – DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_73.

6. Варламова Н.В. Правовой нигилизм в постсоветской России: понимание, истоки, следствия / Н.В. Варламова. – Текст: непосредственный // Драма российского закона / ответственный редактор В.П. Казимирчук. – Москва: Юридическая книга, 1996. – С. 73–105. – (Конфликт закона и общества).

7. Гневашева Е.А. Интериоризация традиционных духовно-нравственных ценностей у школьников в условиях аксиологического конфликта / Е.А. Гневашева // Известия высших учебных заведений. Социология. Этнология. Политология. – 2025. – Т. 18, № 4. – С. 39-50. – DOI 10.31660/1993-1824-2025-4-39-50.

8. Зайцев Д. И. Дискреционный нигилизм как нелегитимная законность: о пределах нормативности в публичном управлении / Д. И.

Зайцев. – Текст: непосредственный // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2026. – № 5(141). – С. 66–75. – DOI 10.17803/2311-5998.2026.141.5.066-075.

9. Зотов А.А. Социальные особенности психологической теории права Л. И. Петражицкого / А.А. Зотов // Социологические исследования. – 2020. – №5. – С. 113–120. – DOI 10.31857/S013216250009396-8.

10. Керимов Д.А. Законодательная техника: научно-методическое и учебное пособие / Д. А. Керимов. – Репринтное издание. - Москва: Норма, 2019. – 127 с.

11. Ковальчук С.Н. Макс Лазерсон: правовед, политик, публицист / С.Н. Ковальчук. – Рига: Институт философии и социологии Латвийского университета, 2015. – 220 с.

12. Лазерсон М.Я. Общая теория права. Введение в изучение права / М. Лазерсон. – Рига: Жизнь и культура, 1930. – 377 с.

13. Лазерсон М.Я. Социальная педагогика и правовое воспитание. Проф. Л.И. Петражицкому – к 35-летию его научной деятельности / М. Лазерсон. – Рига, 1927. – 44 с.

14. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. – Санкт-Петербург: Типография СПб. акционерного общества «Слово», 1907. – Т. 1. – 656 с.

15. Малько А.В. Правоприменительная политика как фактор оптимизации осуществления права / А.В. Малько В.А. Рудковский // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 1 (27). – С. 6-13.

16. Пяткина С.А. Русская буржуазная правовая идеология: учебное пособие / С. А. Пяткина. – Москва: ВЮЗИ, 1980. – 86 с.

17. Романовская В.Б. Традиционные ценности в структуре правовой реальности: культурно-антропологические аспекты и социокультурная динамика / В. Б. Романовская, В. П. Сальников, И. И. Сальникова // Правовая культура. – 2026. – № 1 (64). – С. 14-25.

18. Тимошина Е.В. Психологический реализм: М.Я. Лазерсон / Е. В. Тимошина // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2014. – № 5. – С. 245-264.

19. Хужина О.Н. Традиционные духовно-нравственные ценности в российском праве: постановка научной проблемы / О. Н.

Хужина // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2023. – № 3 (63). – С. 38-44.

20. Хужина О.Н. О юридическом приоритете традиционных духовно-нравственных ценностей / О.Н. Хужина, Е.А. Плешаков // Вестник Владимирского юридического института. – 2024. – № 2 (71). – С. 89-95.

Источники на иностранных языках

21. Hoff K. The Third Function of Law is to Transform Cultural Categories / K. Hoff, J. Walsh // Policy Research Working Paper / World Bank. – 2019. – No. 8954. – 44 p. – URL: https://documents.worldbank.org/curated/en/489991565093510423/The-Third-Function-of-Law-Is-to-Transform-Cultural-Categories (дата обращения: 30.09.2026).

22. Sunstein C. R. On the Expressive Function of Law / C. R. Sunstein // University of Pennsylvania Law Review. – 1996. – Vol. 144, No. 5. – pp. 2021–2053.

23. Tapp J.L. Developing Senses of Law and Legal Justice / J. L. Tapp, L. Kohlberg // Journal of Social Issues. – 1971. – Vol. 27, No. 2. – pp. 65–91.

24. Tyler T.R. Why People Obey the Law / T.R. Tyler. – Princeton : Princeton University Press, 2006. – 299 p.

REFERENCES

Normative legal acts

1. Ukaz Prezidenta RF ot 09.11.2022 № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey» [Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of 09.11.2022 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values"]. Sobranie zakonodatel'stva RF, 2022, No. 46, art. 7977.

2. Osnovy gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v sfere razvitiya pravovoy gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan (utv. Prezidentom RF 28.04.2011 № Pr-1168) [Fundamentals of State Policy of the Russian Federation in the Sphere of Development of Legal Literacy and Legal Consciousness of Citizens]. Rossiyskaya gazeta, 2011, No. 151.

Literature

3. Anichkin E.S. Sovremennaya rol' konstitutsionnogo prava v ukreplenii traditsionnykh dukhovno-nravstvennykh tsennostey rossiyskogo obshchestva [The Modern Role of Constitutional Law in Strengthening Traditional Spiritual and Moral Values of Russian Society]. Rossiysko-aziatskiy pravovoy zhurnal, 2025, No. 4, pp. 27–33.

4. Burlaka E.S. Teoriya Petrazhitskogo i pravovoe vospitanie: emotsii kak instrument formirovaniya pravovoy gramotnosti [Petrazhitsky's Theory and Legal Education: Emotions as a Tool for Forming Legal Literacy]. Al'manakh molodogo issledovatelya. Vyp. 18. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy yuridicheskiy institut (filial) Universiteta prokuratury RF, 2023, pp. 45–52.

5. Varlamova N.V. Prava cheloveka v psikhologicheskoy teorii prava L.I. Petrazhitskogo: rekonstruktsiya i kriticheskaya interpretatsiya [Human Rights in L.I. Petrazhitsky's Psychological Theory of Law: Reconstruction and Critical Interpretation]. Antinomii, 2022, Vol. 22, No. 2, pp. 73–95. DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_73.

6. Varlamova N.V. Pravovoy nigilizm v postsovetskoy Rossii: ponimanie, istoki, sledstviya [Legal Nihilism in Post-Soviet Russia: Understanding, Origins, Consequences]. Drama rossiyskogo zakona / ed. by V.P. Kazimirchuk. Moscow: Yuridicheskaya kniga, 1996, pp. 73–105.

7. Gnevasheva E.A. Interiorizatsiya traditsionnykh dukhovno-nravstvennykh tsennostey u shkol'nikov v usloviyakh aksiologicheskogo konflikta [Interiorization of Traditional Spiritual and Moral Values among Schoolchildren in the Context of Axiological Conflict]. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Etnologiya. Politologiya, 2025, Vol. 18, no. 4, pp. 39–50. DOI 10.31660/1993-1824-2025-4-39-50.

8. Zaytsev D.I. Diskretsionnyy nigilizm kak nelegitimnaya zakonnost': o predelakh normativnosti v publichnom upravlenii [Discretionary Nihilism as Illegitimate Legality: On the Limits of Normativity in Public Administration]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA), 2026, No. 5 (141), pp. 66–75. DOI 10.17803/2311-5998.2026.141.5.066-075.

9. Zotov A.A. Sotsial'nye osobennosti psikhologicheskoy teorii prava L.I. Petrazhitskogo [Social Features of L.I. Petrazhitsky's Psychological Theory of Law]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2020, No. 5, pp. 113–120. DOI 10.31857/S013216250009396-8.

10. Kerimov D.A. Zakonodatel'naya tekhnika: nauchno-metodicheskoe i uchebnoe posobie [Legislative Technique: Scientific-Methodological and Textbook]. Reprint ed. Moscow: Norma, 2019. 127 p.

11. Koval'chuk S.N. Maks Lazerson: pravoved, politik, publitsist [Max Lazerson: Legal Scholar, Politician, Publicist]. Riga: Institut filosofii i sotsiologii Latviyskogo universiteta, 2015. 220 p.

12. Lazerson M.Ya. Obshchaya teoriya prava. Vvedenie v izuchenie prava [General Theory of Law. Introduction to the Study of Law]. Riga: Zhizn' i kul'tura, 1930. 377 p.

13. Lazerson M.Ya. Sotsial'naya pedagogika i pravovoe vospitanie. Prof. L.I. Petrazhitskomu – k 35-letiyu ego nauchnoy deyatel'nosti [Social Pedagogy and Legal Education. To Prof. L.I. Petrazhitsky – on the 35th Anniversary of His Scientific Activity]. Riga, 1927. 44 p.

14. Mal'ko A.V., Rudkovskiy V.A. Pravoprimenitel'naya politika kak faktor optimizatsii osushchestvleniya prava [Law Enforcement Policy as a Factor in Optimizing the Implementation of Law]. Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika, 2014, No. 1 (27), pp. 6–13.

15. Petrazhitskiy L.I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriyey nravstvennosti. T. 1 [Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality. Vol. 1]. St. Petersburg: Tipografiya SPb. aktsionernogo obshchestva «Slovo», 1907. 656 p.

16. Pyatkina S.A. Russkaya burzhuaznaya pravovaya ideologiya: uchebnoe posobie [Russian Bourgeois Legal Ideology: Textbook]. Moscow: VYuZI, 1980. 86 p.

17. Romanovskaya V.B., Sal'nikov V.P., Sal'nikova I.I. Traditsionnye tsennosti v strukture pravovoy real'nosti: kul'turno-antropologicheskie aspekty i sotsiokul'turnaya dinamika [Traditional Values in the Structure of Legal Reality: Cultural-Anthropological Aspects and Sociocultural Dynamics]. Pravovaya kul'tura, 2026, No. 1 (64), pp. 14–25.

18. Timoshina E.V. Psikhologicheskiy realizm: M.Ya. Lazerson [Psychological Realism: M.Ya. Lazerson]. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie, 2014, No. 5, pp. 245–264.

19. Khuzhina O.N. Traditsionnye dukhovno-nravstvennye tsennosti v rossiyskom prave: postanovka nauchnoy problemy [Traditional Spiritual and Moral Values in Russian Law: Formulation of a Scientific

Problem]. Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii, 2023, No. 3 (63), pp. 38–44.

20. Khuzhina O.N., Pleshakov E.A. O yuridicheskom prioritete traditsionnykh dukhovno-nravstvennykh tsennostey [On the Legal Priority of Traditional Spiritual and Moral Values]. Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta, 2024, No. 2 (71), pp. 89–95.

Foreign sources

21. Hoff K., Walsh J. The Third Function of Law is to Transform Cultural Categories. Policy Research Working Paper 8954. World Bank, 2019. 44 p.
https://documents.worldbank.org/curated/en/489991565093510423/The-Third-Function-of-Law-Is-to-Transform-Cultural-Categories (accessed: 30.09.2026).

22. Sunstein C.R. On the Expressive Function of Law. University of Pennsylvania Law Review, 1996, vol. 144, no. 5, pp. 2021–2053.

23. Tapp J.L., Kohlberg L. Developing Senses of Law and Legal Justice. Journal of Social Issues, 1971, vol. 27, no. 2, pp. 65–91.

24. Tyler T.R. Why People Obey the Law. Princeton: Princeton University Press, 2006. 299 p.

Информация об авторе

Ф.Ф. Яхин – кандидат юридических наук, магистр психологии, специалист-эксперт Проектного офиса, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия, yahin_filyus@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1525-8867.

Information about the author

F. F. Iakhin – Candidate of Sciences (Law), Master of Psychology, Specialist-Expert of the Project Office, Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Akmulla, Ufa, Russia, yahin_filyus@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1525-8867.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 15.08.2026; принята к публикации 10.09.2026.
The article was submitted 15.08.2026; accepted for publication 10.09.2026.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 37.01:378
DOI: 10.21510/3034-2678-2026-3-63-86

СТРУКТУРА И КОМПОНЕНТЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ БУДУЩЕГО IT-СПЕЦИАЛИСТА: АВТОРСКАЯ МОДЕЛЬ

Ильяс Габдуллович Разяпов
Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Казань, Россия
razyapovig@gmail.com
https://orcid.org/0009-0006-4656-0830

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема структурирования и диагностики технологического мышления как ключевой компетенции будущих IT-специалистов. В условиях стремительной цифровизации всех сфер жизни и высокой динамики изменений в области информационных технологий традиционные подходы к формированию профессионального мышления студента требуют пересмотра. Автором предлагается оригинальная интегративная модель, которая представляет технологическое мышление IT-специалиста как многомерный, системный феномен, состоящий из шести взаимосвязанных компонентов: когнитивного, деятельностно-операционального, образно-пространственного, мотивационно-ценностного, рефлексивно-оценочного и коммуникативно-кооперативного. Каждый компонент, в свою очередь, структурируется на три ключевые группы элементов, что позволяет сохранить глубину анализа и одновременно обеспечивает операциональность для педагогического проектирования.

Методологическая ценность работы состоит в синтезе классических положений отечественной педагогики и психологии с современными концепциями вычислительного мышления. В статье раскрывается специфика каждого компонента: от фундаментальных

© Разяпов И. Г., 2026.

понятийно-системных знаний и алгоритмической компетентности до навыков командного взаимодействия, этической ответственности и саморефлексии, что особенно значимо для IT-сферы, где ошибки и недопонимание могут иметь критические последствия. Особое внимание уделяется взаимосвязи компонентов, при которой дисбаланс одного из них ведёт к нарушению всей системы мышления. В работе также предложены критерии оценки уровней сформированности мышления (алгоритмический, рационализаторский, изобретательский) и дан перечень диагностического инструментария для каждого компонента модели. Представленная работа имеет чёткую практико-ориентированную направленность и может служить теоретической основой для модернизации образовательных программ, разработки методик преподавания и создания оценочных средств в вузовской подготовке будущих программистов, системных архитекторов и разработчиков. Статья представляет интерес для преподавателей педагогических и IT-дисциплин, аспирантов и исследователей в области профессионального образования.

Ключевые слова: технологическое мышление, IT-специалист, модель мышления, когнитивный компонент, деятельностно-операциональный компонент, мотивационно-ценностный компонент, профессиональная подготовка, профессиональное образование, вычислительное мышление, педагогика профессионального образования, рефлексия, коммуникативные компетенции, структура технологического мышления, компоненты мышления.

Для цитирования: Разяпов И.Г. Структура и компоненты технологического мышления будущего it-специалиста: авторская модель, «Вестник БГПУ им. М. Акмуллы» // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2026. №3. С. 63-86.

PEDAGOGICS

Original article

STRUCTURE AND COMPONENTS OF TECHNOLOGICAL THINKING OF FUTURE IT SPECIALISTS: AUTHOR'S MODEL

Ilyas Gabdullovich Razyapov

Volga Region State University of Physical Education, Sports and Tourism, Kazan, Russia
razyapovig@gmail.com

Abstract. This article examines the pressing issue of structuring and assessing technological thinking as a key competency of future IT specialists. Given the rapid digitalization of all spheres of life and the rapid pace of change in information technology, traditional approaches to developing students' professional thinking require revision. The author proposes an original integrative model that presents the technological thinking of IT specialists as a multidimensional, systemic phenomenon consisting of six interconnected components: cognitive, activity-operational, figurative-spatial, motivational-value, reflective-evaluative, and communicative-cooperative. Each component, in turn, is structured into three key groups of elements, which allows for the preservation of depth of analysis while simultaneously ensuring operationality for pedagogical design.

The methodological value of the work lies in its synthesis of classical tenets of Russian pedagogy and psychology with modern concepts of computational thinking. The article explores the specifics of each component: from fundamental conceptual-systemic knowledge and algorithmic competence to teamwork skills, ethical responsibility, and self-reflection, which is particularly significant for the IT sector, where errors and misunderstandings can have critical consequences. Particular attention is paid to the interrelationships among the components, in which an imbalance in one leads to a disruption of the entire thinking system. The paper also proposes criteria for assessing the levels of development of thinking (algorithmic, rationalization, and inventive) and provides a list of diagnostic tools for each component of the model. This work has a clear practice-oriented focus and can serve as a theoretical basis for modernizing educational programs, developing teaching methods, and creating assessment tools in the university training of future programmers, system architects, and developers. The article will be of interest to teachers of pedagogical and IT disciplines, graduate students, and researchers in the field of vocational education.

Keywords: technological thinking, IT specialist, thinking model, cognitive component, activity-operational component, motivational-value

component, professional training, vocational education, computational thinking, pedagogy of vocational education, reflection, communicative competencies, structure of technological thinking, components of thinking

For citation: Razyapov I.G., The Structure and components of technological thinking of a future IT specialist: Author's mode // Bulletin of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla. Series: Social Sciences and Humanities. 2026. No.3. pp. 56-76.

Введение

Стремительная цифровизация и высокая динамика изменений в IT-сфере требуют пересмотра подходов к подготовке специалистов [5, 6, 17]. Ключевой компетенцией становится технологическое мышление, однако его структура применительно к IT-профилю остаётся недостаточно разработанной. Существующие модели ориентированы преимущественно на инженерные и рабочие специальности [4, 8, 9, 13, 20], тогда как деятельность программиста, архитектора и разработчика имеет свою специфику: оперирование абстракциями, коллективная работа, необходимость рефлексии и этической ответственности [3, 21]. Концепции вычислительного мышления акцентируют алгоритмическую составляющую, но часто игнорируют мотивационные, коммуникативные и рефлексивные аспекты, критически важные для IT-сферы [19]. Возникает противоречие между потребностью практики в целостной модели технологического мышления и отсутствием операционализированных средств для диагностики и педагогического проектирования [1, 10, 18]. Цель исследования – разработка и обоснование интегративной модели структуры технологического мышления будущего IT-специалиста, включающей взаимосвязанные компоненты и критерии уровней их сформированности.

Методы исследования

Исследование выполнено на основе теоретического анализа научной литературы по педагогике, психологии, информатике и методике профессионального образования (22 источника). Использовались методы синтеза, абстрагирования и системного моделирования для выделения ключевых компонентов мышления. Проведён анализ типовых профессиональных задач IT-специалиста (разработка алгоритмов, проектирование БД, написание кода,

тестирование, командная работа и взаимодействие с заказчиком) с целью выявления требований к мыслительной деятельности. На основе этого осуществлялась группировка элементов в компоненты и выстраивание их иерархии. Для верификации содержания каждого компонента привлекались работы по деятельностному и компетентностному подходам.

Результаты исследования и обсуждение

На основе анализа научной литературы и с учетом специфики профессиональной деятельности IT-специалиста предлагается интегративная модель структуры технологического мышления. Модель включает шесть взаимосвязанных компонентов, каждый из которых, в свою очередь, структурируется на три обобщённые группы элементов. Такая структура, с одной стороны, отражает многомерность технологического мышления, а с другой – сохраняет операциональность для педагогического проектирования и диагностики (Рис.1).

Выбор шести компонентов обусловлен необходимостью более полного охвата всех аспектов профессиональной деятельности IT-специалиста: от когнитивных и операциональных умений до мотивационных, рефлексивных и коммуникативных качеств. Группировка по три подпункта в каждом компоненте позволяет сохранить глубину анализа, избегая излишней дробности, и даёт возможность чётко соотнести каждый элемент с конкретными профессиональными задачами.

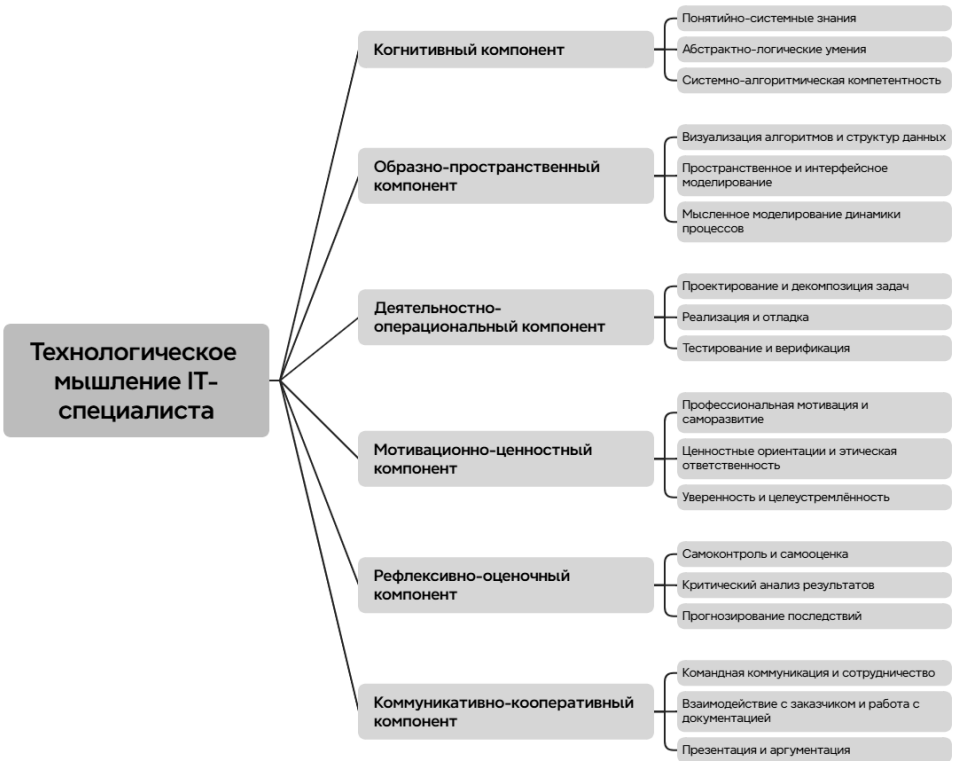

Рис.1. Структура технологического мышления и его компоненты

Ниже приводится подробная характеристика каждого компонента с указанием его трёх ключевых составляющих и связи с профессиональными задачами в области информационных технологий.

1. Когнитивный компонент

Когнитивный компонент представляет собой систему фундаментальных знаний, понятийного аппарата и интеллектуальных умений, необходимых для осознанного выполнения профессиональной деятельности. Понятийный компонент характеризует уровень технологических знаний и степень их освоения [1]. В структуру когнитивного компонента входят три группы элементов:

1.1. Понятийно-системные знания – включает знание понятийного аппарата информатики и программирования (алгоритм, программа, данные, объект, класс, поток, процесс и др.), а также знаний об архитектуре вычислительных систем, операционных системах, сетевых протоколах и технологиях разработки программного обеспечения [10].

1.2. Абстрактно-логические умения – способность к абстрагированию, обобщению, классификации, установлению причинно-следственных связей, выделению существенных свойств объекта.

Абстрагирование является одним из ключевых навыков вычислительного мышления, позволяющим делать проблему более понятной за счёт отбрасывания несущественных деталей [19].

1.3. Системно-алгоритмическая компетентность – способность разрабатывать, анализировать и реализовывать алгоритмы решения задач, оценивать их сложность, а также понимание программной системы как целостного образования, знание принципов модульности, иерархичности [11].

Когнитивный компонент выступает фундаментальной основой технологического мышления IT-специалиста. Без глубоких теоретических знаний невозможно эффективное решение нестандартных профессиональных задач, а способность к системному видению позволяет специалисту не замыкаться на отдельных фрагментах кода, а воспринимать разрабатываемый продукт целиком.

2. Деятельностно-операциональный компонент

Деятельностно-операциональный компонент включает совокупность практических умений, навыков и способов действий, которые специалист применяет при решении технологических задач. Деятельностный компонент проявляется в способности мыслить в предмете и решать технологические задачи [9], а в свою очередь, выделяет оперативный компонент как способность быстро и вовремя реагировать на изменения, корректировать ход деятельности. Данный компонент включает три основные группы:

2.1. Проектирование и декомпозиция задач – умение разбивать сложную проблему на более мелкие, структурированные подзадачи, разрабатывать архитектуру программной системы, выбирать подходящие шаблоны проектирования (распознавание паттернов), а декомпозиция в свою очередь является одним из фундаментальных приёмов вычислительного мышления [12, 17].

2.2. Реализация и отладка – умение писать программный код на различных языках программирования, использовать среды разработки, отлаживать программы, находить и исправлять синтаксические, логические и семантические ошибки, а также способность быстро

адаптироваться к изменяющимся требованиям и вносить коррективы в проект [7].

2.3. Тестирование и верификация – способность разрабатывать тестовые сценарии, проводить модульное, интеграционное и системное тестирование, использовать автоматизированные средства контроля качества кода, а также создавать прототипы и модели для проверки гипотез.

Деятельностно-операциональный компонент является наиболее явно проявляемой стороной технологического мышления IT-специалиста. Именно через практическую деятельность (написание кода, отладку, тестирование) происходит материализация абстрактных моделей в работающие программные продукты. Уровень сформированности данного компонента напрямую влияет на производительность и качество труда.

3. Образно-пространственный компонент

Образно-пространственный компонент отражает способность создавать, удерживать и оперировать мысленными образами, представлять структуры данных, архитектуру системы, динамику процессов. Одним словом, образный компонент представляет собой как способность представить образ конечного результата технологической деятельности.

Компонент включает три составляющие:

3.1. Визуализация алгоритмов и структур данных – умение представлять процесс выполнения алгоритма в виде блок-схем, диаграмм, графов; способность мысленно «проигрывать» работу алгоритма на конкретных данных; восприятие и создание UML-диаграмм (Unified Modeling Language – унифицированный язык моделирования и т.д. [2].

3.2. Пространственное и интерфейсное моделирование – способность представлять расположение элементов пользовательского интерфейса, навигационные связи, логику взаимодействия человека с системой; умение работать с визуальными редакторами и инструментами прототипирования.

3.3. Мысленное моделирование динамики процессов – способность представлять изменение состояний системы во времени (с учётом многопоточности, асинхронности, временных задержек), прогнозировать поведение системы при различных сценариях

использования, а также выявлять потенциальные «узкие места» и конфликты ресурсов.

В отличие от традиционного технического мышления, где образный компонент часто связан с трёхмерными физическими объектами, в IT-сфере данный компонент преимущественно оперирует логическими и динамическими образами. Однако при разработке игр, систем виртуальной и дополненной реальности активно задействуется и классическое пространственное воображение [15].

4. Мотивационно-ценностный компонент

Мотивационно-ценностный компонент определяет направленность личности на осуществление технологической деятельности, систему внутренних побуждений и ценностных ориентаций. Мотивационный компонент является важнейшей частью структуры технического мышления и выполняет интегративную функцию [4]. Структура компонента включает три элемента:

4.1. Профессиональная мотивация и саморазвитие – устойчивый интерес к IT-сфере, стремление к решению сложных технологических задач, желание создавать качественные программные продукты, а также потребность в непрерывном обучении, освоении новых технологий, языков программирования и методологий [5, 16, 21]. Что в свою очередь способствует тому, что специалист, обладающий технологическим мышлением, способен к непрерывному обновлению и пополнению знаний за счёт самообразования [13].

4.2. Ценностные ориентации и этическая ответственность – понимание социальной значимости IT-профессии, осознание ответственности за создаваемые программные системы (особенно в области безопасности данных, искусственного интеллекта, защиты персональной информации), а также следование профессиональным и этическим нормам [3].

4.3. Уверенность и целеустремлённость – вера в возможность решения новых, нестандартных проблем, готовность браться за сложные задачи и доводить их до завершения**,** способность мобилизовать интеллектуальные и волевые ресурсы в условиях неопределённости [21].

Мотивационно-ценностный компонент играет системообразующую роль: даже при высоком уровне когнитивных и операциональных способностей отсутствие интереса к профессии и

мотивации к саморазвитию ведёт к профессиональной стагнации. В IT-сфере, характеризующейся высокой скоростью технологических изменений, внутренняя мотивация становится критическим фактором успеха, а этическая рефлексия – условием социально ответственной деятельности.

5. Рефлексивно-оценочный компонент

Рефлексивно-оценочный компонент обеспечивает самоанализ, контроль и оценку собственной деятельности, включая размышление, самонаблюдение, осмысление человеком собственных действий, а также её результатов и последствий. В структуру компонента входят три группы:

5.1. Самоконтроль и самооценка – способность проверять правильность собственных действий, кода, алгоритмов, выявлять ошибки и своевременно их исправлять, а также адекватно оценивать уровень своих знаний и умений, определять зоны ближайшего развития и выявлять профессиональные дефициты [8].

5.2. Критический анализ результатов – умение анализировать эффективность созданного программного продукта, выявлять узкие места, проблемы производительности, безопасности, масштабируемости, сравнивать с эталонными показателями и альтернативными решениями.

5.3. Прогнозирование последствий – способность предвидеть возможные негативные последствия принимаемых технических решений (сбои в системе, появление уязвимостей, проблемы совместимости, снижение производительности), а также анализировать долгосрочные эффекты внедрения разработанного программного обеспечения.

В IT-сфере рефлексивно-оценочный компонент приобретает особую значимость, поскольку ошибки (особенно в системах, обрабатывающих персональные данные или управляющих критической инфраструктурой) могут иметь серьёзные социально-экономические последствия. Развитая рефлексия позволяет специалисту не только находить и устранять ошибки в своей работе, но и постоянно совершенствовать методы и подходы, а также своевременно пересматривать принятые проектные решения.

6. Коммуникативно-кооперативный компонент

Коммуникативно-кооперативный компонент отражает способность специалиста к эффективному общению, взаимодействию и совместной деятельности в рамках проектной команды, а также с заказчиками, пользователями и другими персонами в рамках профессиональной деятельности. Необходимость выделения данного компонента обусловлена коллективным характером разработки программного обеспечения, а также важностью передачи знаний и опыта. Данный компонент включает три составляющие:

6.1. Командная коммуникация и сотрудничество – умение ясно и лаконично излагать технические идеи, обсуждать архитектурные решения, участвовать в совещаниях (планнерках, рабочих встречах), вести переписку в рабочих чатах и системах трекинга задач, готовность к парному программированию, коллективной отладке, совместной работе над общим кодом, умение конструктивно обсуждать замечания.

6.2. Взаимодействие с заказчиком и работа с документацией – способность собирать и анализировать требования, формулировать вопросы, презентовать результаты работы, объяснять технические ограничения нетехническим специалистам. Умение создавать, читать и поддерживать техническую документацию (спецификации, руководства, комментарии в коде, README-файлы), включая навык «декодирования» – перевода знаково-символьной информации (UML-диаграмм, ER-моделей, API-спецификаций) во внутренние мысленные модели и обратно.

6.3. Презентация и аргументация – способность убедительно представлять свои идеи, обосновывать выбор технологических решений, защищать проект перед коллегами и руководством, участвовать в профессиональных дискуссиях, готовить демонстрационные материалы и проводить презентации разработанного продукта.

Коммуникативно-кооперативный компонент является одним из ключевых для успешной работы в современной IT-индустрии, где всё чаще применяются гибкие методологии, требующие постоянного взаимодействия членов команды. Без развитых коммуникативных навыков даже высококвалифицированный специалист не сможет эффективно интегрироваться в коллективную разработку, что снижает общую продуктивность команды. Кроме того, умение работать с

документацией и доносить техническую информацию до заказчика напрямую влияет на успешность проектов.

Взаимосвязь компонентов в структуре технологического мышления IT-специалиста

Все шесть компонентов технологического мышления находятся в диалектическом единстве и взаимно обусловливают друг друга [20]. Когнитивный компонент снабжает деятельность знаниями и понятиями. Деятельностно-операциональный обеспечивает практическую реализацию замыслов. Образно-пространственный позволяет видеть целостную картину и детали одновременно, мотивационно-ценностный направляет и поддерживает активность, в тоже время рефлексивно-оценочный осуществляет контроль и коррекцию, а коммуникативно-кооперативный делает возможным коллективную работу и передачу опыта.

Нарушение развития любого из шести компонентов ведёт к дисбалансу всей системы. Например, недостаточная сформированность рефлексивно-оценочного компонента может привести к тому, что специалист не замечает собственных ошибок и не может их исправить. Отсутствие мотивации делает деятельность формальной и неэффективной. Неразвитость коммуникативных навыков затрудняет командную работу и понимание требований заказчика. Поэтому формирование технологического мышления будущего IT-специалиста должно быть целостным и затрагивать все выделенные компоненты. Только при гармоничном развитии всех шести составляющих можно говорить о полноценном технологическом мышлении, позволяющем специалисту эффективно решать профессиональные задачи в быстро меняющейся цифровой среде.

Описание компонентов с привязкой к профессиональным задачам IT

Когнитивный компонент в профессиональных задачах IT

Рассмотрим, как когнитивный компонент технологического мышления проявляется в типичных профессиональных задачах IT-специалиста.

Задача: разработка алгоритма сортировки данных. Для ее решения специалист должен обладать понятийным аппаратом (знать различные алгоритмы сортировки, их сложность, особенности применения), уметь абстрагироваться от конкретной реализации,

выделять существенные свойства алгоритмов, применять логико-математические методы анализа. Без глубоких знаний структур данных и алгоритмов невозможно выбрать оптимальное решение для конкретной задачи.

Задача: проектирование базы данных. Специалисту необходимо владеть системными знаниями о нормализации, транзакциях, индексах, а также уметь абстрагироваться от конкретной СУБД, видеть общие принципы, а работа с данными, в том числе их структурирование и анализ входят в состав навыков вычислительного мышления [19].

Деятельностно-операциональный компонент в профессиональных задачах IT

Задача: написание программного кода для веб-приложения. Специалист выполняет декомпозицию общей задачи на функции и модули, использует шаблоны проектирования, пишет код на языке программирования, отлаживает его, тестирует.

В IT-сфере аналогом является процесс поиска и устранения ошибок, который требует оперативности, системности и методичности.

Задача: рефакторинг устаревшего кода. Специалист должен уметь выбирать оптимальные способы переработки, применять автоматизированные инструменты.

Образно-пространственный компонент в профессиональных задачах IT

Задача: проектирование архитектуры распределенной системы. Специалисту необходимо представлять взаимодействие компонентов, потоки данных, сценарии отказов. Он должен мысленно моделировать динамику системы, возможные задержки, конфликты.

Задача: создание пользовательского интерфейса. Разработчик должен визуально представлять расположение элементов, навигацию, адаптивный дизайн. Пространственное мышление здесь проявляется в оперировании двумерным экранным пространством, а в случае VR/AR-приложений - и трехмерным виртуальным пространством.

Мотивационно-ценностный компонент в профессиональных задачах IT

Задача: освоение новой технологии (например, фреймворка для машинного обучения). Специалист, обладающий высокой профессиональной мотивацией, самостоятельно изучает документацию, выполняет обучающие проекты, посещает вебинары и

способен к непрерывному обновлению и пополнению знаний за счет самообразования [13].

Задача: принятие этически сложного решения (например, о внедрении системы слежения). Здесь необходимы ценностные ориентации, понимание социальной ответственности IT-специалиста. Мотивационно-ценностный компонент определяет, будет ли специалист использовать свои навыки во благо или во вред.

Рефлексивно-оценочный компонент в профессиональных задачах IT

Задача: анализ производительности разработанной системы. Специалист проводит профилирование, выявляет узкие места, оценивает эффективность алгоритмов, сравнивает с альтернативными решениями [19].

Задача: рецензирование кода коллеги. Специалист анализирует чужой код, высказывает замечания, предлагает улучшения, при этом рефлексирует и свои собственные подходы, позволяя на основе предшествующего опыта порождать новые свойства, качества.

В IT-сфере практика проверки и анализа кода является мощным инструментом развития рефлексии, поскольку учит смотреть на свою работу глазами других, аргументировать решения, воспринимать критику.

Коммуникативно-кооперативный компонент в профессиональных задачах IT

Задача: коллективная разработка программного продукта в команде. Для её решения специалист должен уметь чётко формулировать технические идеи, участвовать в обсуждениях, совещаниях (планнерках, ретроспективах), вести переписку в рабочих чатах и системах трекинга задач. Без развитых коммуникативных умений даже квалифицированный разработчик не сможет эффективно интегрироваться в общий процесс, что ведёт к задержкам, дублированию функциональности и конфликтам при слиянии кода.

Задача: взаимодействие с заказчиком и сбор требований. Специалист должен уметь переводить бизнес-потребности на язык технических спецификаций, задавать уточняющие вопросы, выявлять скрытые противоречия в исходных данных, визуализировать будущую систему с помощью диаграмм и прототипов, а также

аргументированно объяснять технические ограничения (сроки, совместимость, бюджет) нетехническим специалистам.

В IT-сфере коммуникативная компетентность становится неотъемлемым условием эффективной работы в рамках гибких методологий, где постоянный обмен информацией между членами команды, менеджерами и стейкхолдерами определяет качество и скорость разработки, а также позволяет своевременно корректировать вектор движения проекта.

Уровни сформированности технологического мышления IT-специалиста

В качестве критерия сформированности технологического мышления у будущего IT-специалиста можно выделить три уровня оценки [8]:

1. Низкий (алгоритмический) уровень

Характеризуется слабой выраженностью хотя бы одного из компонентов (когнитивного, деятельностного, образного). Деятельность ограничивается использованием готовых алгоритмов, шаблонов, копированием решений. Студент может написать простую программу по образцу, но испытывает трудности при изменении условий задачи. Понятийный аппарат фрагментарен, образные представления неполны. На этом уровне будущий IT-специалист еще не способен к самостоятельной разработке сложных систем, нуждается в постоянном руководстве.

2. Средний (рационализаторский) уровень

Все компоненты умеренно выражены, либо один компонент выражен ярко при слабом развитии других. Деятельность выходит за рамки стандартных решений, присутствуют элементы творчества. Студент может модифицировать существующие алгоритмы, адаптировать их к новым условиям, находить пути оптимизации. На этом уровне IT-специалист способен работать над типовыми проектами, вносить усовершенствования, но для создания принципиально новых решений ему не хватает креативности и системности.

3. Высокий (изобретательский) уровень

Характеризуется умеренной выраженностью всех компонентов и яркой выраженностью хотя бы одного. Деятельность носит творческий, изобретательский характер, приводит к существенным

изменениям объекта преобразования. Студент способен генерировать оригинальные алгоритмы, проектировать сложные системы, находить нестандартные решения. Высокий уровень технологического мышления позволяет IT-специалисту создавать инновационные программные продукты, проводить научные исследования, руководить разработкой [14].

Диагностический инструментарий оценки компонентов технологического мышления

Для практической оценки уровня сформированности компонентов технологического мышления у будущих IT-специалистов можно использовать следующий инструментарий [8]:

1. Для оценки когнитивного компонента – тесты на знание понятий, алгоритмов, структур данных; задачи на абстрагирование и логическое мышление.

2. Для оценки деятельностно-операционального компонента – практические задания по программированию, задачи на декомпозицию, отладку, тестирование.

3. Для оценки образно-пространственного компонента – задачи на визуализацию алгоритмов, чтение UML-диаграмм, проектирование интерфейсов.

4. Для оценки мотивационно-ценностного компонента – опросники профессиональной мотивации, интервью, анализ портфолио.

5. Для оценки рефлексивно-оценочного компонента – анализ самоотчетов, решение задач с последующей самооценкой.

6. Для оценки коммуникативно-кооперативного компонента применяются экспертное наблюдение за групповой проектной деятельностью студентов, кейс-метод с ситуационными задачами на взаимодействие, а также самооценочные опросники и рефлексивные эссе по итогам командной работы.

Заключение

Проведенное теоретическое исследование позволило обосновать интегративную модель структуры технологического мышления будущего IT-специалиста, включающую шесть взаимосвязанных компонентов: когнитивный, деятельностно-операциональный, образно-пространственный, мотивационно-ценностный, рефлексивно-оценочный и коммуникативно-

кооперативный компонент. Модель синтезирует достижения отечественной педагогики и психологии и современные концепции вычислительного мышления.

Специфика технологического мышления IT-специалиста по сравнению с другими профессиями заключается в следующем:

1. Преобладание логико-алгоритмической составляющей над наглядно-действенной. В отличие от инженера-механика, IT-специалист редко имеет дело с физическими объектами, его преобразовательная деятельность протекает в виртуальном пространстве [22].

2. Высокая степень абстрактности оперируемых объектов (переменные, функции, классы, потоки данных) требует развитого формально-логического мышления.

3. Особая роль рефлексивного компонента, связанная с необходимостью постоянного тестирования и отладки собственного кода.

4. Доминирование деятельностно-операционального компонента в профессиональной деятельности – основная работа IT-специалиста заключается в написании, модификации и отладке программного кода, что требует высокой оперативности.

5. Мотивационно-ценностный компонент приобретает особое значение в связи с необходимостью непрерывного самообразования и быстрой смены технологий.

6. Коммуникативно-кооперативный компонент в IT-сфере выходит за рамки «обычных» коммуникативных навыков, становясь условием коллективной разработки, согласования архитектурных решений и эффективного взаимодействия в распределённых командах.

Разработанная модель может служить теоретической основой для проектирования образовательных программ подготовки IT-специалистов, разработки методик формирования технологического мышления, создания диагностического инструментария для оценки уровня его сформированности [18].

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются: эмпирическая верификация предложенной модели, разработка и апробация системы педагогических условий формирования технологического мышления у студентов IT-

направлений, создание методического обеспечения для диагностики и развития каждого компонента модели [6].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абдулгалимов Г.Л. Актуальные проблемы и направления модернизации современного технологического образования в педагогическом вузе / Г. Л. Абдулгалимов, О. А. Косино, К. В. Гоголданова // Современное технологическое образование: Сборник статей, докладов и материалов XXIX Международной научно-практической конференции, Москва, 20-22 ноября 2023 года. – Москва: Ассоциация технических университетов, 2023. – С. 18-21. – EDN AHLDBO.

2. Астрейко С.Я. Информационно-творческая подготовка студентов в рамках содержания новых специальностей технологического и художественного образования в Республике Беларусь / С. Я. Астрейко // Современное технологическое образование: Сборник статей, докладов и материалов XXIX Международной научно-практической конференции, Москва, 20-22 ноября 2023 года. – Москва: Ассоциация технических университетов, 2023. – С. 29-32. – EDN PZQSNN.

3. Белова Т.П. Формирование технологических компетенций в вузе в оценках студенческой молодежи / Т. П. Белова, И. И. Яковлева // Научный результат. Социология и управление. – 2023. – Т. 9, № 4. – С. 73-86. – DOI 10.18413/2408-9338-2023-9-4-0-6. - EDN HYMPCX.

4. Гайнеев Э.Р. Особенности технического мышления современного квалифицированного рабочего / Э. Р. Гайнеев // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 3. – С. 10-15. – EDN SJEEIB.

5. Гильмеева Р.Х. Разработка тематического информационного сайта с искусственным интеллектом как инструмент формирования профессиональных компетенций студентов IT-специальностей в образовании / Р. Х. Гильмеева, И. Г. Разяпов, О. А. Любягина // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2026. – № 1. – С. 157-164. – EDN WECUGQ.

6. Гильмеева Р.Х. Факторы формирования профессиональной направленности студентов вузов / Р. Х. Гильмеева,

И. Г. Разяпов, О. А. Любягина // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2026. – № 1(74). – С. 248-263. – DOI 10.31773/2078-1768-2026-174-248-263. – EDN LXEJDP.

7. Дьяченко Э.А. Инженерное образование на уроках технологии / Э. А. Дьяченко // Современное технологическое образование: Сборник статей, докладов и материалов XXIX Международной научно-практической конференции, Москва, 20-22 ноября 2023 года. – Москва: Ассоциация технических университетов, 2023. – С. 70-73. – EDN NXEZGT.

8. Кобякова М.В. Определение уровня развития технологического мышления студентов технического учебного заведения / М. В. Кобякова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – № 11(126). – С. 103-107. – EDN PLSLLN.

9. Кобякова М.В. Развитие технологического мышления студентов средствами информационно-коммуникационных технологий / М. В. Кобякова // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 1. – С. 30-34. – EDN PXGDAR.

10. Константинова, Н. В. Феномен технологической грамотности в контексте научно-педагогических исследований / Н. В. Константинова // Мир науки, культуры, образования. - 2024. - № 3(106). – С. 253-258. – DOI 10.24412/1991-5497-2024-3106-253-258. – EDN NULSGE.

11. Косыхин В.Г. Перспективы технологического мышления и научно-исследовательской деятельности в технократическую эпоху / В.Г. Косыхин // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. – 2020. – Т. 22. – С. 7-17. – EDN BLRRSC.

12. Крашенинников В. В. Развитие творческого мышления в процессе проектной деятельности в условиях цифровой трансформации технологического образования / В. В. Крашенинников, И. И. Некрасова // Вестник педагогических инноваций. – 2021. – №4(64). – С. 66-75. – DOI 10.15293/1812-9463.2104.07. – EDN SQINCN.

13. Овечкин В.П. Технологическое мышление специалиста: структура и условия формирования в вузе / В. П.

Овечкин, Я. В. Чуб // Педагогическое образование. – 2009. – № 3. – С. 137-143. – EDN KWUSTF.

14. Романов В.В. Исследование базовых типов мышления и уровня креативности у представителей двух профессиональных групп / В. В. Романов, Е.Ф. Черникова // Вестник МГЭИ (on line). – 2020. – № 1. – С. 120-132. – DOI 10.37691/2619-0265-2020-0-1-120-132. – EDN RRZULX.

15. Сидоров О.В. Техническое мышление как составляющая системы технологического мышления / О. В. Сидоров // Проблемы и перспективы физико-математического и технического образования: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Ишим, 20-21 ноября 2014 года / отв. ред. Т.С. Мамонтова. – Ишим: Филиал ФГБОУ ВПО "Тюменский государственный университет" в г. Ишиме, 2014. – С. 186-191. – EDN UBTPCH.

16. Титов В.А. Искусственный интеллект в образовании / В. А. Титов // ПРИОРИТЕТНЫЕ направления развития науки и образования: сборник статей XIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 23 июня 2020 года. - Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. – С. 40-43. - EDN VRBPEN.

17. Федорова Е. А. Цифровая трансформация образования в педагогическом университете / Е. А. Федорова, Е. В. Шабанов // Наукосфера. – 2021. – № 7-1. – С. 63-66. – DOI 10.5281/zenodo.5105892. - EDN DQZAJF.

18. Хаялиева С.З. Анализ педагогических подходов к формированию технологической компетентности / С. З. Хаялиева // Kant. – 2021. – № 1(38). – С. 349-353. – DOI 10.24923/2222-243X.2021-38.73. – EDN GMENCX.

19. Хеннер Е.К. Вычислительное мышление в контексте высшего образования: аналитический обзор / Е.К. Хеннер // Образование и наука. – 2024. – Т. 26, № 2. – С. 35-59. – DOI 10.17853/1994-5639-2024-2-35-59. – EDN QDKPPQ.

20. Хотунцев Ю.Л. Системное технологическое мышление и технологическая культура человека / Ю. Л. Хотунцев, П. А. Якушкин, А. Ж. Насипов // Технологическое образование и устойчивое развитие региона. – 2012. – Т. 1, № 1-1(7). – С. 9-14. – EDN TFCRDX.

21. Шабанов Е.В. Технологическая компетентность бакалавра в цифровом и онлайн форматах как образование будущего / Е. В. Шабанов // Профессиональное обучение: теория и практика : Материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной актуальным вопросам профессионального и технологического образования в современных условиях, Ульяновск, 31 мая 2021 года. – Ульяновск: Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, 2021. – С. 203-208. – EDN MVENDB.

22. Шумейко Т.С. Развитие инженерного мышления у будущих педагогов средствами STEM-дисциплин / Т.С. Шумейко // Формирование мышления в процессе обучения естественнонаучным, технологическим и математическим дисциплинам: Сборник статей международного научно-образовательного форума, Екатеринбург, 21-22 ноября 2024 года. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2024. – С. 261-266. – EDN STWCUK.

REFERENCES

1. Abdulgalimov G.L. Actual problems and directions of modernization of modern technological education in a pedagogical university / G.L. Abdulgalimov, O.A. Kosino, K.V. Gogoldanova // Modern technological education: Collection of articles, reports and materials of the XXIX International scientific and practical conference, Moscow, November 20-22, 2023. – Moscow: Association of Technical Universities, 2023. – pp. 18-21. – EDN AHLDBO.

2. Astreyko, S. Ya. Information and creative training of students in the framework of the content of new specialties in technological and art education in the Republic of Belarus / S. Ya. Astreyko // Modern technological education: Collection of articles, reports and materials of the XXIX International scientific and practical conference, Moscow, November 20-22, 2023. – Moscow: Association of Technical Universities, 2023. – pp. 29-32. – EDN PZQSNN.

3. Belova TP Formation of Technological Competencies at the University in the Assessments of Student Youth / TP Belova, I. I. Yakovleva // Scientific Result. Sociology and Management. – 2023. – Vol. 9, No. 4. – pp. 73-86. – DOI 10.18413/2408-9338-2023-9-4-0-6. – EDN HYMPCX.

4. Gaineev ER Features of Technical Thinking of a Modern Skilled Worker / ER Gaineev // Pedagogical Education in Russia. – 2014. – No. 3. – pp. 10-15. – EDN SJEEIB.

5. Gilmeeva, R. Kh. Development of a thematic information website with artificial intelligence as a tool for developing professional competencies of students majoring in IT in education / R. Kh. Gilmeeva, I. G. Razyapov, O. A. Lyubyagina // Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts. – 2026. – No. 1. – pp. 157-164. – EDN WECUGQ.

6. Gilmeeva, R. Kh. Factors in developing professional orientation of university students / R. Kh. Gilmeeva, I. G. Razyapov, O. A. Lyubyagina // Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. - 2026. – No. 1 (74). – pp. 248-263. – DOI 10.31773/2078-1768-2026-174-248-263. – EDN LXEJDP.

7. Dyachenko E.A. Engineering education in technology lessons / E.A. Dyachenko // Modern technological education: Collection of articles, reports and materials of the XXIX International scientific and practical conference, Moscow, November 20-22, 2023. – Moscow: Association of Technical Universities, 2023. – pp. 70-73. – EDN NXEZGT.

8. Kobyakova M.V. Determining the level of development of technological thinking of students of a technical educational institution / M.V. Kobyakova // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. – 2012. – No. 11 (126). – pp. 103-107. – EDN PLSLLN.

9. Kobyakova M.V. Development of students' technological thinking by means of information and communication technologies / M. V. Kobyakova // Pedagogical education in Russia. – 2013. – No. 1. – pp. 30-34. – EDN PXGDAR.

10. Konstantinova N.V. The phenomenon of technological literacy in the context of scientific and pedagogical research / N. V. Konstantinova // The world of science, culture, education. – 2024. – No. 3 (106). – pp. 253-258. – DOI 10.24412/1991-5497-2024-3106-253-258. – EDN NULSGE.

11. Kosykhin V.G. Prospects for Technological Thinking and Research Activity in the Technocratic Era / V. G. Kosykhin // Mysl: Journal of the St. Petersburg Philosophical Society. – 2020. – Vol. 22. – pp. 7-17. – EDN BLRRSC.

12. Krasheninnikov V.V. Development of Creative Thinking in the Process of Project Activity in the Context of Digital Transformation of Technological Education / V.V. Krasheninnikov, I. I. Nekrasova // Bulletin

of Pedagogical Innovations. – 2021. – No. 4 (64). – pp. 66-75. – DOI 10.15293/1812-9463.2104.07. – EDN SQINCN.

13. Ovechkin V. P. Technological thinking of a specialist: structure and conditions of formation at a university / V. P. Ovechkin, Ya. V. Chub // Pedagogical education. – 2009. – No. 3. – pp. 137-143. – EDN KWUSTF.

14. Romanov V.V. Study of basic types of thinking and level of creativity among representatives of two professional groups / V.V. Romanov, E.F. Chernikova // Bulletin of MGEI (on line). – 2020. – No.1. – pp. 120-132. – DOI 10.37691/2619-0265-2020-0-1-120-132. – EDN RRZULX.

15. Sidorov O.V. Technical thinking as a component of the system of technological thinking / O.V. Sidorov // Problems and prospects of physics, mathematics and technical education: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference, Ishim, November 20-21, 2014 / ed. T.S. Mamontova. – Ishim: Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Tyumen State University" in Ishim, 2014. – pp. 186-191. – EDN UBTPCH.

16. Titov V. A. Artificial intelligence in education / V.A. Titov // PRIORITY directions of development of science and education: Collection of articles of the XIII International scientific and practical conference, Penza, June 23, 2020. – Penza: "Science and Education" (IP Gulyaev G.Yu.), 2020. – pp. 40-43. – EDN VRBPEN.

17. Fedorova E.A. Digital transformation of education at a pedagogical university / E.A. Fedorova, E.V. Shabanov // Scienceosphere. – 2021. – No. 7-1. – pp. 63-66. – DOI 10.5281/zenodo.5105892. – EDN DQZAJF.

18. Khayalieva, S. Z. Analysis of Pedagogical Approaches to the Formation of Technological Competence / S. Z. Khayalieva // Kant. – 2021. – No. 1 (38). – pp. 349-353. - DOI 10.24923/2222-243X.2021-38.73. – EDN GMENCX.

19. Henner, E. K. Computational Thinking in the Context of Higher Education: An Analytical Review / E. K. Henner // Education and Science. – 2024. – Vol. 26, No. 2. – pp. 35-59. – DOI 10.17853/1994-5639-2024-2-35-59. – EDN QDKPPQ.

20. Khotuntsev Yu.L. Systems technological thinking and technological culture of man / Yu. L. Khotuntsev, P.A. Yakushkin, A.Zh.

Nasipov // Technological education and sustainable development of the region. – 2012. – Vol. 1, No. 1-1 (7). – pp. 9-14. – EDN TFCRDX.

21. Shabanov E.V. Technological competence of a bachelor in digital and online formats as education of the future / E. V. Shabanov // Professional training: theory and practice: Proceedings of the IV International scientific and practical conference dedicated to topical issues of professional and technological education in modern conditions, Ulyanovsk, May 31, 2021. – Ulyanovsk: Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, 2021. – pp. 203-208. – EDN MVENDB.

22. Shumeiko T.S Development of engineering thinking in future teachers by means of STEM disciplines / T.S Shumeiko // Formation of thinking in the process of teaching natural sciences, technology and mathematics: Collection of articles from the international scientific and educational forum, Yekaterinburg, November 21-22, 2024. – Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2024. – pp. 261-266. – EDN STWCUK.

Информация об авторе

И.Г. Разяпов – старший преподаватель.

Information about the author

I.G. Razyapov – senior lecturer.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 10.08.2026; принята к публикации 09.09.2026.
The article was submitted 10.08.2026; accepted forpublication 09.09.2026.

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

Научная статья
УДК 316.77
DOI: 10.21510/3034-2678-2026-3-87-100

ЦИФРОВОЙ СЛЕД КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ: АНАЛИЗ ПРИСУТСТВИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (НА ПРИМЕРЕ НУРИМАНОВСКОГО РАЙОНА)

Регина Азатовна Ахметова [1]***, Гузэль Фанузовна Кунгурцева*** [2]
[1] *Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия*
[2] *Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия*
[1] *nurislamovs_1991@mail.ru*
[2] *kungurtzeva62@mail.ru*

Аннотация. В условиях стремительного развития цифровых технологий перед учреждениями культуры встаёт вызов: как, осваивая онлайн-форматы, не утратить уникальность музейного опыта. Эффективное использование цифровых каналов становится не просто трендом, а жизненной необходимостью для музеев, стремящихся привлекать новую аудиторию и актуализировать культурное наследие.

В данной работе проведён комплексный анализ цифрового присутствия краеведческого музея Нуримановского района Республики Башкортостан в социальной сети «ВКонтакте».

Цели: зафиксировать текущую онлайн-активность; выявить достоинства стратегии цифрового взаимодействия; определить системные недостатки; сформулировать рекомендации по оптимизации цифрового следа.

Методологическая база исследования опирается на три ключевых подхода: количественный анализ метрик (подписчики, охваты, вовлечённость), качественный контент-анализ (тематика, форматы, визуальное сопровождение) и сравнительный анализ с аналогичными музеями региона.

© Ахметова Р. А., Кунгурцева Г. Ф., 2026.

Эмпирическая база включает статистику «ВКонтакте» за период январь-декабрь 2025 года (подписчики, охваты, реакции), типологию контента (анонсы мероприятий, исторические справки, фотоотчёты), активность аудитории (лайки, комментарии, репосты) и сезонные паттерны вовлечённости.

Выявленные проблемы: дефицит образовательного контента (преобладают анонсы мероприятий); низкая интерактивность (отсутствуют опросы, викторины и дискуссионные форматы, стимулирующие диалог с аудиторией); нерегулярность публикаций (эпизодический постинг не формирует привычку регулярного посещения страницы); слабое визуальное сопровождение (используются снимки низкого разрешения; инфографика и мультимедиа практически не применяются); отсутствие контент-плана.

Перспективные направления развития: внедрение еженедельного контент-плана с тематическими рубриками; создание мини-видео о «звездах» коллекции; запуск онлайн-квестов по истории района; использование сторис для «закулисных» сюжетов; организация коллабораций с местными блогерами и школами.

Ожидаемые результаты реализации рекомендаций: прогнозируемый рост вовлечённости аудитории на 30-40 %, расширение географического охвата, формирование устойчивого онлайн-сообщества любителей краеведения, укрепление имиджа музея как современного культурно-просветительского центра.

Таким образом, цифровая трансформация музея не подменяет офлайн-деятельности музея, а является её стратегическим дополнением, открывающим новые возможности для диалога с публикой и сохранения культурного наследия.

Ключевые слова: цифровое присутствие, краеведческий музей, социальные сети, культурное наследие, контент-анализ, количественный анализ, сравнительный анализ, контент-план, цифровая трансформация

Для цитирования: Ахметова Р.А., Кунгурцева Г.Ф. Цифровой след краеведческого музея: анализ присутствия в социальных сетях (на примере Нуримановского района) // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2026. №3. С. 87-100.

YOUNG RESEARCHERS' PRESENTATIONS

Original article

THE DIGITAL FOOTPRINT OF A LOCAL HISTORY MUSEUM: AN ANALYSIS OF SOCIAL MEDIA PRESENCE (BASED ON THE NURIMANOVSKY DISTRICT)

Regina A. Akhmetova [1], Guzel F. Kungurtseva[2]
[1] Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Akmulla, Ufa, Russia
[2] Ufa University of Science and Technology
[1] nurislamovs_1991@mail.ru
[2] kungurtzeva62@mail.ru

Abstract. Rapid digital development challenges cultural institutions: how to adopt online formats while preserving the uniqueness of the museum experience. Digital channels are essential for museums to attract new audiences and actualize cultural heritage.

This paper analyzes the VKontakte presence of the Nurimanovsky District Local History Museum (Republic of Bashkortostan).

Objectives: to record current online activity; to identify the advantages of the digital engagement strategy; to identify systemic shortcomings; to formulate recommendations for optimizing digital presence.

Methodology: three key approaches – quantitative analysis of metrics (subscribers, reach, engagement); qualitative content analysis (topics, formats, visuals); comparative analysis with similar regional museums.

Empirical base: VKontakte statistics (January–December 2025: subscribers, reach, reactions); content typology (event announcements, historical notes, photo reports); audience activity (likes, comments, reposts); seasonal engagement patterns.

Identified problems: lack of educational content (event announcements dominate); low interactivity (no polls, quizzes or discussion formats encouraging audience dialogue); irregular posting; weak visual accompaniment (low-resolution images; infographics and multimedia rarely used); no content plan.

Promising areas: weekly thematic content plan; mini-videos about collection highlights; online quests on local history; behind-the-scenes stories; collaborations with local bloggers and schools.

Expected results of implementing the recommendations: a projected increase in audience engagement by 30–40%, expansion of geographical reach, formation of a sustainable online community of local history enthusiasts, strengthening the museum's image as a modern cultural and educational center.

Thus, the digital transformation of the museum does not replace its offline activities; rather, it serves as a strategic complement, opening up new opportunities for dialogue with the public and for preserving cultural heritage.

Keywords: digital presence, local history museum, social media, cultural heritage, content analysis, quantitative analysis, comparative analysis, content plan, digital transformation

For citing: Akhmetova R.A., Kungurtseva G.F. Digital Footprint of a Local History Museum: Analysis of Presence in Social Media (Based on the Nurimanovsky District) // Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla. Series: Social Sciences and Humanities. 2026. №3. pp. 87-100.

Введение. Перед каждым учреждением культуры сегодня остро стоит задача построения устойчивого присутствия в виртуальной среде, формирования привлекательного бренда и привлечения новых участников. Основным инструментом, позволяющим решить данную задачу, становятся социальные сети, способные быстро распространять культурные ценности и создавать дополнительный источник знакомства с экспонатами и экспозицией [5; 11; 12; 13].

Вместе с тем большинство региональных музеев испытывает серьёзные затруднения в освоении новейших технологических решений. Чаще всего речь идёт о низком уровне компетенций персонала, отсутствии достаточных финансовых ресурсов и недостаточном понимании требований работы в интернет-пространстве [4; 8].

В то время как Н.И. Гендина [3; 4] и Д.Ю. Гук [5] в своих работах делают акцент на необходимости тотальной оцифровки фондов и внедрении сложных технологий, данное исследование

показывает, что для малых районных музеев с ограниченными ресурсами первоочередной задачей является формирование базовой контент-стратегии и регулярность публикаций.

Цель исследования – проведение комплексного анализа фактического цифрового следа краеведческого музея Нуримановского района и разработка научно-обоснованных рекомендаций по усилению его позиций в социальных сетях.

Задачи исследования:

-оценить качество контента, публикуемого музеем;

-измерить уровень вовлечённости пользователей;

-выявить факторы, сдерживающие эффективность онлайн-деятельности;

-разработать план мероприятий по оптимизации цифровых практик.

Методы исследования. Научно-практическое оснащение исследования базировалось на сочетании контент-анализа и количественно-качественного анализа. Были применены следующие исследовательские техники:

-Контент-анализ официально зарегистрированных профилей музея в социальных сетях, нацеленный на получение объективных сведений о типологии контента, регулярности и особенностях его подачи [3].

-Количественный анализ статистических данных о числе подписчиков, показателях вовлечённости, разновидностях публикуемой информации и реакциях аудитории.

- Сравнительный анализ с аналогичными учреждениями региона для выявления трендов и отличий.

- Аналитика с помощью специализированных сервисов (инструменты «ВКонтакте»).

Результаты исследования. Характеристика содержания публикаций

Согласно проведённому контент-анализу, преобладают традиционные информационные сообщения, касающиеся текущих мероприятий (до 60%), немного реже встречаются исторические заметки и описания коллекций (около 20%). Оставшуюся часть занимают фотоматериалы и обзоры завершённых акций (также около 20%) (рис.1.).

Рис. 1 Структура публикуемого контента краеведческого музея Нуримановского района в %.

Максимально продуктивными оказывались публикации, содержащие интересные факты о редких экспонатах с качественным визуальным сопровождением [18].

Уровень вовлечённости аудитории

Несмотря на достаточно высокий потенциал отдельных публикаций, общая вовлечённость остаётся низкой. Средний показатель вовлеченности составляет всего 5-7%, при этом отдельные успешные записи способны достигать больших значений (например, тема редкого предмета привлекает сотни просмотров и вызывает широкий резонанс).

Особенностью поведения аудитории является сезонность: наибольшая активность фиксируется летом, что объясняется традиционными массовыми мероприятиями, организованными музеем.

Сравнительный анализ.

При сопоставлении с прочими организациями, такими как:

-Историко-краеведческий музей г. Белебея,

-Чишминский историко-краеведческий музей,

-Аургазинский историко-краеведческий музей

обнаруживаются существенные пробелы: аналогичные учреждения обладают большей численностью подписчиков и демонстрируют более высокие уровни вовлечённости (от 10 до 12%)

[15; 16; 17]. Вероятные причины отставания в развитии цифрового следа служат, отсутствие выделенного специалиста по соцсетям, дефицит образовательного контента, шаблонный подход к созданию публикаций и отсутствие контент-плана и системы контроля качества.

Обсуждение. Выделив ключевые проблемы, были определены практические меры, направленные на исправление сложившейся ситуации. Среди рекомендованных шагов: Повышение частоты появления интересных статей о выдающихся экспонатах, дополняемых высококачественным визуальным рядом [6; 19]; увеличение доли интерактивных форматов общения с подписчиками путём запуска конкурсов, голосований и викторин [1; 7; 11]; составление регулярного графика выхода публикаций, основанного на календарных событиях и памятных датах, что должно способствовать повышению общей осведомленности и лояльности аудитории [9; 14].

Заключение. Представленное исследование подтвердило наличие существенного резерва для повышения уровня присутствия краеведческого музея Нуримановского района в виртуальном пространстве. Предложенные рекомендации обеспечивают основу для стабильного роста его известности, становления сильного бренда и возможного увеличения финансовой поддержки. Итоги работы имеют универсальное значение и могут служить примером для других небольших районных музеев Республики Башкортостан.

Таким образом, грамотное использование возможностей социальных сетей способно кардинально изменить положение вещей, превратив провинциальный музей в центр возрождения локального наследия и популяризации традиционной культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аверкин М.Г. Модификация форматов коммуникативного взаимодействия современного музея [Электронный ресурс] // ВМ. – 2010. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/modifikatsiya-formatov-kommunikativnogo-vzaimodeystviya-sovremennogo-muzeya (дата обращения: 28.01.2026).

2. Георгиева В. Роль оцифровки и социальных сетей в продвижении музеев Болгарии [Электронный ресурс] // Музеи, библиотеки и архивы в реалиях современного мира : сб. материалов X

Междунар. музейных чтений, Орёл, 20 мая 2021 г. – Т. 9. – Орёл: Орл. гос. ин-т культуры, 2021. – С. 41–52. – EDN INAYKE. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=48002394 (дата обращения: 27.01.2026).

3. Гендина Н.И., Косолапова, Е.В., Родионова, Д.Д., Рябцева Л.Н. Цифровизация музеев и необходимость формирования информационной культуры музеологов [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2021. – № 43. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-muzeev-i-neobhodimost-formirovaniya-informatsionnoy-kultury-muzeologov (дата обращения: 28.01.2026).

4. Гендина Н.И., Косолапова Е.В., Родионова Д.Д., Рябцева Л.Н. Единое цифровое пространство музеев России: проблемы упорядочения контента и пробелы в профессиональной подготовке музейных работников [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2023. – № 50. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/edinoe-tsifrovoe-prostranstvo-muzeev-rossii-problemy-uporyadocheniya-kontenta-i-probely-v-professionalnoy-podgotovke-muzeynyh (дата обращения: 27.01.2026).

5. Гук Д.Ю., Харитонова Т.Ю., Богомазова Т.Г. Музей в современном информационном пространстве: потенциал социальных сетей [Электронный ресурс] // Евразийский союз учёных. – 2015. – № 12-5(21). – С. 17–23. – EDN VOIZJR. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=25606432 (дата обращения: 27.01.2026).

6. Жердева А.В. Основные направления образовательной деятельности историко-краеведческого музея (на примере МКУК «Лискинский историко-краеведческий музей») [Электронный ресурс] // Человек и общество: история и современность: межвуз. сб. науч. трудов / науч. ред. М. В. Шакурова. – Вып. 19. – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2020. – С. 84–88. – EDN PSCUKZ. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=43172020 (дата обращения: 26.01.2026).

7. Караманов А.В. Организация интерактивной музейной среды: от методов к моделям [Электронный ресурс] // Вопросы музеологии. – 2012. – № 2(6). – С. 171–178. – EDN PRXCBV. – URL: https://elibrary.ru/prxcbv (дата обращения: 27.01.2026).

8. Карташева О.А., Казначеева А.А., Климова Н.Ю. Влияние инноваций на экономическую стабильность провинциальных краеведческих музеев [Электронный ресурс] // Вестник Академии

знаний. – 2019. – № 30(1). – С. 75–78. – EDN GVJMKH. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=38224943 (дата обращения: 25.01.2026).

9. Кудрявцева В. В. Социальные сети как инструмент PR для популяризации и продвижения проектов социально-культурной деятельности на примере работы музеев и художественных галерей [Электронный ресурс] // Инновации в отраслях народного хозяйства, как фактор решения социально-экономических проблем современности: сб. докл. и материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 20–21 дек. 2018 г. / АНО ВО «Институт непрерывного образования». – Москва: АНО ВО «Ин-т непрерывного образования», 2018. – С. 334–344. – EDN YUBJMT. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=36789567 (дата обращения: 27.01.2026).

10. Никитина Е. Е. Взаимодействие школы и музея в образовательном пространстве личности / Е.Е. Никитина. [Электронный ресурс] // Ценности и смыслы. – 2013. – № 4(26). – С. 116-121. – EDN RBMTTB. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=20266462 (дата обращения: 27.01.2026).

11. Никуличева А. А., Вахитова Р. Р. Влияние цифровизации на развитие музейной коммуникации [Электронный ресурс] // Наука и практика в образовании: электрон. науч. журн. – 2022. – № 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovizatsii-na-razvitie-muzeynoy-kommunikatsii (дата обращения: 28.01.2026).

12. Ревенко А. А. Деятельность сетевых медиаресурсов по популяризации культурного наследия России в условиях глобализации культурного пространства [Электронный ресурс] // Вопросы теории и практики журналистики. – 2016. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-setevyh-mediaresursov-po-populyarizatsii-kulturnogo-naslediya-rossii-v-usloviyah-globalizatsii-kulturnogo-prostranstva (дата обращения: 28.01.2026).

13. Савельев Д. Л. Региональный музей как коммуникативное пространство в условиях цифровизации: на примере Тюменской области // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnyy-muzey-kak-kommunikativnoe-prostranstvo-v-usloviyah-tsifrovizatsii-na-primere-tyumenskoy-oblasti (дата обращения: 28.01.2026).

14. Сазонова Е. В., Фатова С. А., Калегина А. А. Современные технологии продвижения в сфере культуры

[Электронный ресурс] // Петербургский экономический журнал. – 2020. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tehnologii-prodvizheniya-v-sfere-kultury (дата обращения: 28.01.2026).

15. Социальная сеть "Вконтакте" [Электронный ресурс] // Историко-краеведческий музей г. Белебея. – URL: https://vk.ru/museumbelebey (дата обращения: 27.01.2026).

16. Социальная сеть "Вконтакте" [Электронный ресурс] // Чишминский историко-краеведческий музей. – URL: https://vk.ru/chishmuzei (дата обращения: 27.01.2026).

17. Социальная сеть "Вконтакте" [Электронный ресурс] // Аургазинский историко-краеведческий музей. – URL: https://vk.ru/club194337652 (дата обращения: 27.01.2026).

18. Социальная сеть "ВКонтакте" [Электронный ресурс] // Нуримановский краеведческий музей. – URL: https://vk.ru/mbunkmuseum (дата обращения: 27.01.2026).

19. Столяров, Борис Андреевич. Педагогические аспекты образовательной деятельности музея [Электронный ресурс]: учебное пособие для музейных педагогов и студентов гуманитарно-художественных вузов / Б. А. Столяров; М-во культуры Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное учреждение культуры "Гос. Русский музей", Отд. "Российский центр музейной педагогики и детского творчества", Российская акад. образования. – Санкт-Петербург : Гос. Русский музей, 2013. – 315 с. : ил.: 21 см.; ISBN 978-5-91542-218-5. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006642836/ (дата обращения: 28.01.2026).

REFERENCES

1. Averkin M. G. Modification of Formats for Communicative Interaction in a Modern Museum [Electronic resource] // VM. – 2010. – No. 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/modifikatsiya-formatov-kommunikativnogo-vzaimodeystviya-sovremennogo-muzeya (accessed: 28.01.2026).

2. Georgieva V. The role of digitization and social networks in the promotion of Bulgarian museums [Electronic resource] // Museums, libraries and archives in the realities of the modern world : collection of materials X International. Museum Readings, Orel, May 20, 2021, vol. 9.

Orel : Orel State Institute of Culture, 2021, pp. 41-52. EDN INAYKE. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=48002394 (accessed: 27.01.2026).

3. Gendina N.I., Kosolapova E.V., Rodionova D.D., Ryabtseva, L.N. Digitalization of Museums and the Need to Form an Information Culture of Museum Specialists [Electronic resource] // Vestn. Tom. state. un-ta. Culturology and Art History. – 2021. – No. 43. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-muzeev-i-neobkhodimost-formirovaniya-informatsionnoy-kultury-muzeologov (accessed: 28.01.2026).

4. Gendina N.I., Kosolapova E.V., Rodionova D.D., Ryabtseva L. N. The unified digital space of Russian museums: problems of content ordering and gaps in the professional training of museum workers [Electronic resource] // Vestn. Volume of the State University. Cultural studies and art criticism. – 2023. – № 50. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/edinoe-tsifrovoe-prostranstvo-muzeev-rossii-problemy-uporyadocheniya-kontenta-i-probely-v-professionalnoy-podgotovke-muzeynyh (accessed on 27.01.2026).

5. Guk D.Yu., Kharitonova T.Yu., and Bogomazova T.G. Museum in the Modern Information Space: The Potential of Social Media [Electronic resource] // Eurasian Union of Scientists. – 2015. – No. 12-5(21). – pp. 17–23. – EDN VOIZJR. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=25606432 (accessed: 27.01.2026).

6. Zherdeva A.V. The Main Directions of Educational Activities of the Local History Museum (on the Example of the Liskinsky Local History Museum) [Electronic resource] // Man and Society: History and Modernity: Interuniversity Collection of Scientific Papers / Ed. by M. V. Shakurova. – Issue 19. – Voronezh: Voronezh State Pedagogical University. University, 2020. – pp. 84–88. – EDN PSCUKZ. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=43172020 (accessed: 26.01.2026).

7. Karamanov A. V. Organization of an Interactive Museum Environment: From Methods to Models [Electronic resource] // Issues of Museology. – 2012. – No. 2(6). – pp. 171–178. – EDN PRXCBV. – URL: https://elibrary.ru/prxcbv (accessed: 27.01.2026).

8. Kartasheva O.A., Kaznacheeva A.A., and Klimova N.Yu. The Impact of Innovations on the Economic Stability of Provincial Local History Museums [Electronic resource] // Bulletin of the Academy of

Knowledge. – 2019. – No. 30(1). – pp. 75–78. – EDN GVJMKH. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=38224943 (accessed: 25.01.2026).

9. Kudryavtseva V. V. Social networks as a PR tool for popularization and promotion of projects of socio-cultural activities using the example of museums and art galleries [Electronic resource] // Innovations in the branches of the national economy as a factor in solving socio-economic problems of our time : collection of dokl. and materials of the VIII International Scientific-practical conference, Moscow, 20-21 Dec. 2018 / ANO VO "Institute of Continuing Education". – Moscow: ANO VO "Institute of Continuing Education", 2018. – pp. 334–344. – EDN YUBJMT. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=36789567 (accessed: 27.01.2026).

10. Nikitina E. E. Interaction between a School and a Museum in the Educational Space of an Individual / E. E. Nikitina. [Electronic resource] // Values and Meanings. – 2013. – No. 4(26). – Pp. 116-121. – EDN RBMTTB. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=20266462 (date of access: 27.01.2026).

11. Nikulicheva A.A., Vakhitova R.R. The Influence of Digitalization on the Development of Museum Communication [Electronic resource] // Science and Practice in Education: electronic scientific journal. – 2022. – No. 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovizatsii-na-razvitie-muzeynoy-kommunikatsii (date of access: 28.01.2026).

12. Revenko A. A. Activities of Online Media Resources to Popularize Russia's Cultural Heritage in the Context of Globalization of the Cultural Space [Electronic resource] // Issues of Theory and Practice of Journalism. – 2016. – No. 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-setevyh-mediaresursov-po-populyarizatsii-kulturnogo-naslediya-rossii-v-usloviyah-globalizatsii-kulturnogo-prostranstva (accessed: 28.01.2026).

13. Savelyev D. L. Regional Museum as a Communicative Space in the Context of Digitalization: The Case of the Tyumen Region // Social and Humanitarian Knowledge. – 2023. – No. 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnyy-muzey-kak- kommunikativnoe-prostranstvo-v-usloviyah-tsifrovizatsii-na-primere-tyumenskoy-oblasti (accessed on 28.01.2026).

14. Sazonova E. V., Fatova S. A., and Kalyogina A. A. Modern Technologies of Promotion in the Field of Culture [Electronic resource] // St. Petersburg Economic Journal. – 2020. – No. 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tehnologii-prodvizheniya-v-sfere-kultury (accessed: 28.01.2026).

15. Social network "VKontakte" [Electronic resource] // Belebey Local History Museum. – URL: https://vk.ru/museumbelebey (accessed: 27.01.2026).

16. Social network "VKontakte" [Electronic resource] // Chishma Historical and Local Lore Museum. – URL: https://vk.ru/chishmuzei (accessed: 27.01.2026).

17. Social network "VKontakte" [Electronic resource] // Aurgazinsky Local History Museum. – URL: https://vk.ru/club194337652 (accessed: 27.01.2026).

18. Social network “VKontakte” [Electronic resource] // Nurimanovsky Local History Museum. – URL: https://vk.ru/mbunkmuseum (accessed: 27.01.2026).

19. Stolyarov Boris Andreevich. Pedagogical Aspects of the Museum's Educational Activities [Electronic resource]: A Textbook for Museum Teachers and Students of Humanitarian and Art Universities / B. A. Stolyarov ; Ministry of Culture of the Russian Federation, Federal State Budgetary Institution of Culture "State Russian Museum", Department "Russian Center for Museum Pedagogy and Children's Creativity", Russian Academy of Education. – Saint Petersburg: State Russian Museum, 2013. – 315 p.: ill.: 21 cm.; ISBN 978-5-91542-218-5. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006642836/ (accessed: 28.01.2026).

Информация об авторах

Р.А. Ахметова – магистрант;
Г.Ф. Кунгурцева – доктор социологических наук, профессор.

Information about the authors

R.A. Akhmetova – Master's student;
G.F. Kungurtseva – Doctor of Science (Sociology), Professor.

Вклад авторов

Р.А. Ахметова – сбор материала, обработка материала;
Г.Ф. Кунгурцева – научное редактирование текста; концепция исследования;
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

R.A. Akhmetova – material collection, material processing;
G.F. Kungurtseva – scientific editing of the text; research concept;
The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.07.2026; принята к публикации 09.09.2026.
The article was submitted 15.07.2026; accepted forpublication 09.09.2026.

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

Научная статья
УДК 159.9
DOI: 10.21510/3034-2678-2026-3-101-113

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ГОТОВНОСТИ МОЛОДЕЖИ К БРАКУ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ксения Владиславовна Бастрикова[1], Галина Анатольевна Шурухина[2], Альбина Маратовна Валишина[3]
[1,2,3] Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», Уфа, Россия
[1]kseniya040205@mail.ru
[2] 230659@mail.ru
[3]aam80@mail.ru

Аннотация. В статье представлен обзор научных исследований, позволяющий проследить трансформацию готовности к браку у молодежи. Вступление в брак – важный этап в жизни каждого человека. В последние десятилетия наблюдается процесс трансформации понимания готовности к браку у современной молодёжи. Педагогическая грамотность, устойчивость, развитость бытовых навыков – традиционные характеристики готовности к семейным отношениям, определявшие уровень зрелости в традиционных моделях, переходят в новый вектор восприятия брачных и семейных отношений. Сложное личностное образование, объединяющее комплекс характеристик необходимых в семейной жизни (знания, навыки, умения) соотносят с психологической готовностью к браку. Научные исследования по данной теме позволили разносторонне изучить проблематику: И.В. Гребенников, В.А. Сысенко, Т.В. Андреева, Н, Г. Мяснянкина, Е.П. Ширяева и др. акцентируют внимание на определенных характеристиках, каждую из которых определяют как основную. Е.С. Граненкова, Г.Г. Семенова-Полях, Н.В. Ванюхина предлагают системный подход к изучению

© Бастрикова К. В., Шурухина Г. А., Валишина А. М., 2026.

готовности молодежи к семейной жизни. В современном обществе акцентируется внимание на психологическую составляющую готовности к браку. Брак воспринимается как подтверждение или награда, а не как обязательный «вход» во взрослую жизнь. Данные Росстата подтверждают снижение регистраций молодёжных браков, а «готовность» наполнилась иным смыслом. Все чаще главным в браке становятся эмоциональный фактор, совместимость и взаимное понимание, а не хозяйственные или педагогические навыки, что эмпирически подтверждают Е. И. Ерошенкова, и Е. В. Шитикова, С.В. Несына, Т.А. Гурко и др. на выборках студенческой молодежи. Моральные принципы больше строятся не на правилах «так принято», а на индивидуальных принципах.

Цель исследования: обзорный анализ научных работ, изучающих динамику изменений в теоретических моделях готовности к браку.

Ключевые слова: готовность к браку, молодёжь, семья, брак, личностное становление, эмоциональная поддержка, нравственные ориентиры, психология семьи, трансформация ценностей, отношения.

Для цитирования: Бастрикова К.В., Шурухина Г.А., Валишина А.М. Трансформация теоретических моделей готовности молодежи к браку в современном обществе // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2026. № 3. С. 101-113.

YOUNG RESEARCHERS' PRESENTATIONS

Original article

TRANSFORMATION OF THEORETICAL MODELS OF YOUNG PEOPLE'S READINESS FOR MARRIAGE IN MODERN SOCIETY

Ksenia Vladislavovna Bastrikova[1], Galina Anatolyevna Shurukhina[2], Albina Maratovna Valishina[3]
[1],[2],[3] Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia
[1] kseniya040205@mail.ru
[2] 230659@mail.ru
[3] aam80@mail.ru

Abstract. The article provides an overview of scientific research that allows us to trace the transformation of readiness for marriage among young people. Getting married is an important stage in every person's life. In recent decades, a process of transformation in the understanding of readiness for marriage among today's young people has been observed. Pedagogical literacy, resilience, and the development of everyday skills – traditional characteristics of readiness for family relationships that determined the level of maturity in traditional models – are moving into a new dimension in the perception of marital and family relationships. A complex personal construct that combines a set of characteristics necessary for family life (knowledge, skills, abilities) is associated with psychological readiness for marriage. Scientific research on this topic has made it possible to study the issue from various angles: I.V. Grebennikov, V.A. Sysenko, T.V. Andreeva, N.G. Myasnyankina, E.P. Shiryaeva, and others focus on certain characteristics, each of which is identified as the main one. E.S. Granenkova, G.G. Semyonova-Polyakh and N.V. Vanyukhina propose a systematic approach to studying young people's readiness for family life. In modern society, attention is focused on the psychological component of readiness for marriage. Marriage is perceived as a confirmation or a reward, rather than as a mandatory "entry" into adulthood. Data from Rosstat indicate that young people are registering marriages less frequently, and the very concept of "readiness" has taken on a different meaning. Increasingly, the emotional factor, compatibility, and mutual understanding are becoming the key elements in marriage, rather than household or pedagogical skills, which is empirically confirmed by E. I. Eroshenkova, E. V. Shitikova, S.V. Nesyna, T. A. Gurko, and others based on samples of student youth. Moral principles are increasingly based not on the rule "that's how it's done," but on individual principles.

Keywords: readiness for marriage, youth, family, marriage, personal development, emotional support, moral guidelines, family psychology, transformation of values, relationships.

For citation: Bastrikova K.V., Shurukhina G.A., Valishina A.M. Transformation of theoretical models of young people's readiness for marriage in modern society // Bulletin of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla. Series: Social Sciences and Humanities. 2026. No.3. pp. 101-113.

Введение: Актуальность темы обусловлена степенью теоретической разработанности, подтвержденной теоретическим анализом разных аспектов изучаемой проблематики. Молодежь, особенно в студенческие годы, предпочитает незарегистрированное сожительство без обязательств, аргументируя ограничением личной свободы, необходимостью дополнительного заработка, препятствием профессиональному росту, несформированностью коммуникативных навыков, способствующих психологической комфортности в браке.

Цель исследования: обзорный анализ научных работ, изучающих динамику изменений в теоретических моделях готовности к браку.

Методы: теоретический анализ и синтез научных исследований.

Обсуждение. Вступление в брак – важный этап в жизни каждого человека. Психологическая готовность к браку – многокомпонентное понятие. Готовность к семейным отношениям традиционно определяется «зрелостью», по мнению Е.С. Граненковой, включающей в себя биологическую (тело, когнитивная сфера), психическую (психические сенсорно-познавательные процессы и механизмы) и психологическую (мотивационно-ценностная сфера, саморегуляция) зрелость [4]. В свою очередь И.В. Гребенников акцентирует внимание на педагогической грамотности [3], В.А. Сысенко анализирует устойчивость брака [15], Т.В. Андреева предлагает системную модель психологической готовности [2]. Н.Г. Мяснянкина и Е.П. Ширяева конфликтоустойчивость, самоконтроль, ролевые ожидания и притязания в браке рассматривают как основные характеристики готовности [11]. Исследования Г.Г. Семеновой-Полях и Н.В. Ванюхиной когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты определяют как базовые в психологической готовности молодежи к браку. Авторы подтверждают, что два компонента (когнитивный и эмоциональный) готовности у респондентов 18-23 л., особенно у мужчин, сформированы недостаточно, но с возрастом отмечается положительная динамика в развитии. Третий компонент (поведенческий) у девушек с взрослением характеризуется

увеличением феминистических ценностей, а у мужчин потребности в автономии [14].

Теории готовности к браку сходятся в одном положении: брак – институт, в который вступают, а готовность – «входное» требование к субъекту. Эмпирические исследования последних лет указывают на значительное уменьшение количества зарегистрированных браков среди молодежи. Статистика показывает, что доля молодежных браков в России сократилась: если в 2000 году в возрасте 18-24 лет женились 45,0% мужчин и выходили замуж 57,0% женщин, то к 2023 году эти показатели упали до 18,8% и 30,4% соответственно [13]. Психологически значимым является не количественный показатель, а трансформация смыслов: если ранее брак считался началом пути, то в современном обществе молодежь все чаще выбирает развитие целостной личности, а затем уже семейные отношения, тем самым относя брак к точке подтверждения или вознаграждения.

На данном этапе следует поставить под вопрос структуру существующих теоретических моделей. Классическая модель предлагает последовательность: зрелость – готовность – брак. Современность диктует свои условия: самореализация – брак как подтверждение. Иными словами, входное условие меняется с «готов ли ты?» на «состоялся ли ты как личность?», что ведет к переосмыслению места готовности в теории.

Современные исследования указывают на отдельные аспекты данного противоречия. Е И. Ерошенкова и Е.В. Шитикова на выборке из 217 студентов эмпирически подтвердили: 73% демонстрируют «высокий уровень психологической готовности к браку», но при ранжировании наиболее значимыми выступают эмоционально-терапевтическая функция и личностная идентификация с партнёром, хозяйственно-экономические умения, педагогическая грамотность, выделяемые в традиционных моделях снизили свою значимость. [6]. Полученные данные позволяют отметить, что молодые люди вкладывают в понятие «готовность» иное содержание.

С.В. Несына, исследуя образ семьи (когнитивный компонент психологической готовности к браку) на выборке 270 респондентов, констатирует, что первичным и для юношей, и для девушек является «…профессиональное и личностное развитие… будущая семья – скорее партнерский союз, удовлетворяющий психологические

потребности в поддержке, эмоциональном контакте, доверительном общении…» [12,с.206].

Подтверждением служат результаты исследования нравственных ориентаций современного студенчества. С. В. Мерзлякова показывает, что нравственный компонент готовности к браку слабо связан с традиционными нормативными предписаниями. Нравственные ориентации молодёжи всё чаще строятся не на внешних долженствованиях («так принято», «так положено»), а на индивидуальных критериях – подлинности отношений, взаимном уважении, личностной совместимости. Этап создания семьи становится независимым от социальных правил или этапов взросления. Само решение жениться или выйти замуж теперь является личным выбором, где главное – чувства и психологическая зрелость партнера. Вопрос о готовности к вступлению в брак заменяется на фундаментальный вопрос – как человек определяет для себя очерёдность и условия двух процессов – личностного становления и вступления в отношения [10].

Т.А. Гурко фиксирует «размывание поведенческих норм, регулирующих выбор супруга, содержание супружеских и родительских ролей, взаимоотношения поколений». Автор связывает брак с осознанностью и планированием, а не традициями; женщины строят карьеру и обеспечивают себя сами, наличие мужа ради выживания не принципиально; в одиночку проживание более комфортно – помогают сервисы доставки, общественные институты; личная свобода, карьера и комфорт стали важнее семейных обязательств. В таких условиях брак представляет психологическую ценность, а не экономическую или статусную [5]. Семья перестала быть инструментом для выживания и трансформировалась в союз ради психологического комфорта. Брачные отношения 15-20 лет назад четко определяли диапазон решения первичных семейных задач: четкое распределения ролей в быту, финансовой и социальной сферах при вторичности эмоционального комфорта. В современном обществе названные задачи часто решаются самостоятельно, не требуя присутствия и включенности другого партнера, поэтому от брака ждут другого – эмоционального тепла, психологической поддержки и помощи в самореализации. Следовательно, меняются требования к

будущему партнеру. Бытовые навыки уступили место психологической совместимости.

Эмпирические данные подтверждают это смещение. Е. И. Ерошенкова и Е. В. Шитикова на выборке из 217 студентов показали, что 73% испытуемых демонстрируют «высокий уровень психологической готовности к браку». Ядро готовности представляет собой эмоционально-терапевтическая функция и личностная идентификация с партнером. Современная молодёжь по-прежнему готова создавать семьи, но вкладывает в «готовность» иной смысл, отличающийся от представлений о браке родителей [6].

Е.А. Маннанова и А.А Никитина на выборке из 60 студентов (30 юношей и 30 девушек в возрасте 18-22 лет) обнаружили, что 82% участников имеют низкий уровень нравственной готовности к браку, и лишь 5% продемонстрировали достаточную готовность. Юноши чаще склонны к «абстрактному браку», а девушки больше ориентируются на брак с конкретным человеком и проявляют высокую нравственную готовность [9]. Полученные данные указывают на полоролевые различия в процессе трансформации определения готовность.

Современные исследования и традиционные подходы к изучению семейных отношений в основном ориентированы на уже сложившиеся семьи. Новые формы близких отношений требуют других подходов и инструментов в психологии для изучения заменяющих традиционный брак форм отношений.

О.С. Кучинская в своем исследовании подтверждает важность влияния родительской семьи: дети из полных семей психологически более готовы к браку, чем выросшие с одним родителем. Автор утверждает, что формирование индивидуализированной траектории готовности происходит под влиянием личного опыта, в котором значимое место занимает наблюдение за родительской семьей [8].

Е.Ю. Клепцова и Н.Н. Клепцов указывают на необходимость учета возрастной динамики готовности, что подтверждено на выборке из 415 респондентов: молодежь разных возрастных диапазонов (20 -30 лет и 30-45 лет) понимают готовность к браку по-разному. В младшей группе выраженность полоролевых различий проявляется по шкалам *родительско-воспитательная, эмоционально-псисхотерапевтическая и внешняя привлекательность*, в старшей – по шкалам *хозяйственно-*

бытовая и социальная активность. Результаты подтверждают, что готовность не является статичным качеством [7].

На практике происходит противоречивый процесс: молодые люди очень хотят создать семью, но всё меньше готовы к классическому браку с его обязанностями. Психология семьи оказалась перед необходимостью пересмотреть теоретический статус готовности к браку. Готовность теперь не является «входным условием» предшествующем браку, она является динамической характеристикой, которая сопровождает брак на протяжении его существования.

Г.А. Ахтямова и Г.В. Митина акцентируют внимание на перспективу подготовки молодежи к семейной жизни начиная со школы, отмечая «Уже со школьной скамьи нужно постепенно готовить молодежь к семейной жизни, особенно стоит уделить этому внимание в студенческие годы – период активного жизненного и нравственного становления личности, когда молодые люди впервые сталкиваются со сложным и неизведанным миром. В этот период они особенно нуждаются в правильных жизненных ориентирах и поддержке» [1, с.66].

Заключение. Таким образом, изменения в институте семьи не просто обновили список требований к супругам, а поставили под вопрос традиционные научные теории, которыми исследователи объясняли готовность к браку. Психологам нужен принципиально новый подход, который позволит оценивать готовность к браку одновременно и как личное развитие человека, и как его способность строить отношения в паре.

Проведённый анализ определяет следующие направления для дальнейшей работы:

– изучение в новых социально-психологический и экономических условиях соотношения компонентов готовности к браку: приоритетность эмоционально-терапевтической функции утрачивает ли значение хозяйственно-бытовых навыков полностью или перемещает на более поздние жизненные циклы семейных отношений;

– объяснение гендерных и полоролевых особенностей восприятия семьи и брачных отношений;

– уточнение ведущих механизмом (семейный опыт, образовательная среда, медийный дискурс), которые берут на себя

функцию формирования представлений о готовности при ослаблении нормативных предписаний для конкретизации роли институциональных факторов;

– включение в систему среднего, среднего специального, высшего образования практико-ориентированных факультативных курсов в контексте развития когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов с участием преподавателей семейной психологии в тендеме с практическими специалистами-психологами, работающими по данной проблематике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ахтямова Г. А., Митина Г. В. Формирование готовности молодежи к брачно-семейным отношениям в условиях социальных изменений // Человек в условиях социальных изменений : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 18 апреля 2023 г.). Уфа, 2023. С. 62–66.

2. Андреева Т. В. Психологические аспекты любви и брака // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. № 6. С. 56–63.

3. Гребенников И. В. Воспитательный климат семьи. Москва : Знание, 1976. 40 с.

4. Граненкова Е. С. Психологическая зрелость как компонент готовности молодежи к семейной жизни // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. С. 257–260.

5. Гурко Т. А. Брак и родительство в России. Москва : Институт социологии РАН, 2008. 326 с.

6. Ерошенкова Е. И., Шитикова Е. В. Просоциальные установки и психологическая готовность студенческой молодежи к семейной жизни // Образование и наука. 2026. Т. 28, № 2. С. 113–141.

7. Клепцова Е. Ю., Клепцов Н. Н. Психологическая готовность к вступлению в брак // Системная психология и социология. 2025. № 2 (54). С. 69–78.

8. Кучинская О. С. Психолого-педагогический анализ психологической готовности к браку и семье у школьников и студентов из полных и неполных семей // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2025. Т. 31, № 2. С. 51–57.

9. Маннанова Е. А., Никитина А. А. Психологическая готовность к браку юношей и девушек в период студенчества // Russian Journal of Education and Psychology. 2025. Т. 16, № 2. С. 434–451.

10. Мерзлякова С. В. Нравственные ориентации как фактор развития семейного самоопределения современных студентов // Образование и наука. 2022. Т. 24, № 6. С. 122–152.

11. Мяснянкина Н. Г., Ширяева Е. П. Исследование готовности к браку современной молодежи // Казанский педагогический журнал. 2019. № 2. С. 185–189.

12. Несына С. В. Некоторые аспекты психологической готовности к семейной жизни девушек и юношей // Вектор развития ТГУ. 2011. № 4 (7). С. 204–207.

13. Российский статистический ежегодник. 2024 : стат. сб. / Росстат. Москва : Росстат, 2024. 630 с.

14. Семенова-Полях Г. Г., Ванюхина Н. В. Психологическая готовность молодежи к брачно-семейным отношениям: сравнительный аспект // Азимут научных исследований. 2017. № 1 (18). С. 306–309.

15. Сысенко В. А. Устойчивость брака: проблемы, факторы, условия. Москва : Финансы и статистика, 1981. 199 с.

REFERENCES

1. Axtyamova G.A., Formirovanie gotovnosti molodezhi k brachno-semejny`m otnosheniyam chelovek v usloviyax social`ny`x izmenenij/ G.A. Axtyamova, G.V. Mitina// materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Chelovek v usloviyax social`ny`x izmenenij»(18 aprelya 2023,g.ufa. – pp. 62-66.

2. Andreeva T.V. Psixologicheskie aspekty` lyubvi i braka / T.V. Andreeva // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. – 2007. – № 6. – pp. 56-63.

3. Grebennikov I. V. Vospitatel`ny`j klimat sem`i. – M.: Znanie, 1976. – 40 s.

4. Granenkova E.S. Psixologicheskaya zrelost` kak komponent gotovnosti molodezhi k semejnoj zhizni/ E.S. Granenkova//. Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik – 2012 – № 4. – pp.257-260.

5. Gurko T.A. Brak i roditel`stvo v Rossii. M.: Institut sociologii RAN, 2008. – 326 s.

6. Eroshenkova E.I., Shitikova E.V. Prosocial`ny`e ustanovki i psixologicheskaya gotovnost` studencheskoj molodezhi k semejnoj zhizni // Obrazovanie i nauka. – 2026. – T. 28, – № 2. – pp. 113-141.

7. Klepczova E.Yu. Psixologicheskaya gotovnost` k vstupleniyu v brak / E.Yu. Klepczova, N.N. Klepczov // Sistemnaya psixologiya i sociologiya. – 2025. – № 2 (54). – pp. 69-78.

8. Kuchinskaya O. S. Psixologo-pedagogicheskij analiz psixologicheskoj gotovnosti k braku i sem`e u shkol`nikov i studentov iz polny`x i nepolny`x semej // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psixologiya. Sociokinetika. – 2025. – T. 31, – № 2. pp. 51-57.

9. Mannanova E.A. Psixologicheskaya gotovnost` k braku yunoshej i devushek v period studenchestva / E.A. Mannanova, A.A. Nikitina. – Tekst: neposredstvenny`j // Russian Journal of Education and Psychology. – 2025. – T. 16, – № 2. – pp. 434-451.

10. Merzlyakova S.V. Nravstvenny`e orientacii kak faktor razvitiya semejnogo samoopredeleniya sovremenny`x studentov // Obrazovanie i nauka. – 2022. – T. 24, – № 6. pp. 122-152.

11. Myasnyankina N.G., ShiryaevaE.P.. Issledovanie gotovnosti k braku sovremennoj molodezhi//N.G. Myasnyankina, E.P. Shiryaeva // Kazanskij pedagogicheskij zhurnal– 2019 – № 2. – pp. 185-189

12. Nesy`na S.V. Nekotory`e aspekty` psixologicheskoj gotovnosti k semejnoj zhizni devushek i yunoshej / S.V. Nesy`na//Vektor razvitiya – 2011 – №4(7). – pp.204-207.

13. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. – 2024: Stat. sb. / Rosstat. – Moskva: Rosstat, – 2024. – 630 p.

14. Semenova – Polyax G.G. Vanyuxina N.V. Psixologicheskaya gotovnost` molodezhi k brachno-semejny`m otnosheniyam: sravnitel`ny`j aspekt/ G.G. Semenova – Py`x ,N.V. Vanyuxina//Azimut nauchny`x issledovanij– 2017 – №1(18). – pp.306-309.

15. Sy`senko V.A. Ustojchivost` braka: problemy`, faktory`, usloviya / V. A. Sy`senko. – Moskva: Finansy` i statistika, – 981. – 199 s.

Информация об авторах

К.В. Бастрикова – студент 2 курса бакалавриата направления 44.03.02 Психолого-педагогическое образование профиль «Психологическое консультирование и медиация в социальной

сфере» ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»;
Г.А Шурухина – кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной и социальной психологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмулы»;
А.М. Валишина – старший преподаватель возрастной и социальной психологии ФГБОУ ВО «Башкирсуий государственный педагогический университет им. М. Акмуллы».

Information about the authors

K.V. Bastrikova – 2ndyear bachelor's student majoring in 44.03.02 Psychological and Pedagogical Education, with a specialization in "Psychological Counseling and Mediation in the Social Sphere" at the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla.
G.A. Shurukhina – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor at the Department of Developmental and Social Psychology at the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla.
A.M. Valishina – senior lecturer in developmental and social psychology at the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla.

Вклад авторов

К. В. Бастрикова – сбор материала и обработка материала;
Г.А. Шурухина – научное редактирование текста;
А.М. Валишина – подготовка текста по требованиям журнала
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

K. V. Bastrikova – material collection and processing;
G. A. Shurukhina – scientific editing of the text;

A. M. Valishina – preparing the text in accordance with the journal's requirements.

The authors declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 25.08.2026; принята к публикации 10.09.2026.
The article was submitted 25.08.2026; accepted for publication 10.092026.

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

Научная статья
УДК 327.8
DOI: 10.21510/3034-2678-2026-3-114-136

ИНСТРУМЕНТЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КИТАЯ И ВЛИЯНИЯ НА РОССИЮ

Шамиль Фасхидинович Батыршин[1], Юлия Рустамовна Тутаева[2]
[12] Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия
[1] br.shamil@mail.ru
[2] y_tutayeva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния мягкой силы Китайской Народной Республики в Российской Федерации. В исследовании выявляются основные стратегии и инструменты, используемые КНР для укрепления своего влияния, и оценивается их эффективность. Результаты показывают, что Китай активно использует культурную дипломатию, образовательные программы, медиа, информационные технологии, экономические инициативы, а также инструменты цифрового и спортивного влияния. В России мягкая сила КНР оказывает значительное воздействие на общественное мнение, культурные предпочтения и экономические связи, однако сталкивается с определёнными репутационными вызовами.

Ключевые слова: мягкая сила, Китай, культурная дипломатия, образовательные программы, медиа, экономическое сотрудничество, инструменты влияния

Для цитирования: Батыршин Ш.Ф., Тутаева Ю.Р. Инструменты «мягкой силы» Китая и влияния на Россию // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2026. №3. С. 114-136.

© Батыршин Ш. Ф., Тутаева Ю. Р., 2026.

YOUNG RESEARCHERS' PRESENTATIONS

Original article

INSTRUMENTS OF CHINA'S "SOFT POWER" AND THEIR INFLUENCE ON RUSSIA

Shamil F. Batyrshin[1], Yulia R. Tutaeva[2]
[1,2] Ufa State Technical University, Ufa, Russia

Abstract. The article analyzes the strategies and instruments of "soft power" of the People's Republic of China used in the Russian Federation. It identifies the main channels of influence, including cultural diplomacy, educational programs, media, economic initiatives, as well as digital and sports projects. Their effectiveness is assessed considering reputational risks and the specifics of perception by Russian society. The methodological framework is based on a qualitative analysis of documents, media materials, statistical data, and scientific publications. The results show that China's "soft power" has a significant impact on public opinion, cultural preferences, and economic ties in Russia, forming long-term institutional dependence. At the same time, asymmetry in media presence and challenges related to the perception of the propagandistic nature of some initiatives are noted. Based on the analysis, recommendations are formulated for the Russian side to develop its own "soft power" and maintain balanced interaction.

Key words: soft power, China, cultural diplomacy, educational programs, media, economic cooperation, instruments of influence, Russia, Confucius Institutes

For citation: Batyrshin Sh.F., Tutaeva Yu.R. Instruments of China’s “soft power” and influence on Russia. Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla. Series: Natural Sciences. 2026; (3): 114-136.

В последние десятилетия концепция «мягкой силы» (soft power) стала важным инструментом внешней политики многих государств. Согласно определению Джозефа Ная, мягкая сила представляет собой способность государства добиваться желаемых результатов в международных отношениях не через принуждение (hard power) или

экономические стимулы, а благодаря привлекательности собственной культуры, политических ценностей и внешнеполитического курса [1]. В условиях глобализации и усиления межкультурных связей мягкая сила приобретает особое значение для формирования позитивного имиджа страны.

Актуальность исследования обусловлена растущим влиянием КНР в мире и, в частности, на Россию. Китай превращается в один из центров концентрации управления экономики Земли, и его влияние на Россию, что требует более глубокого анализа механизмов их мягкой силы.

КНР является географическим соседом Российской Федерации, и Россия вынуждена и должна взаимодействовать на различных уровнях: от культурных обменов до экономических инициатив. В России китайские образовательные программы и культурные мероприятия становятся всё более популярными. Их «продвижение» в России вызывают определенные вопросы, потому как в Китае российские мероприятия не проводятся на том же уровне, как и китайские. Понимание механизмов мягкой силы Китая необходимо для выработки адекватной внешнеполитической стратегии Российской Федерации.

Цель исследования – провести комплексный анализ инструментов «мягкой силы» Китайской Народной Республики, используемых для воздействия на Российскую Федерацию, и оценить их эффективность в контексте формирования общественного мнения, культурных предпочтений и экономических связей.

Методика исследования

Теоретической базой работы послужили труды: Дж. Ная [1; 3], а также исследования российских и зарубежных авторов по проблемам мягкой силы, культурной дипломатии и международных отношений. Эмпирическую основу составили официальные документы КНР (материалы съездов КПК, государственные программы), данные международных рейтингов (Global Soft Power Index), публикации китайских государственных СМИ (CGTN, Xinhua), статистические данные о деятельности китайских компаний в России, а также аналитические обзоры и новостные сообщения за 2022–2026 гг.

Методы исследования включают: контент-анализ медиаматериалов и официальных документов, кейс-стади конкретных

инструментов (Институты Конфуция, программа «1000 талантов», кинокопродукция), сравнительный анализ и обобщение данных. Такой подход позволяет системно охарактеризовать стратегию Китая и оценить её воздействие на российское общество и экономику.

Задачи исследования:

1) Выявить исторические и философские основы концепции «мягкой силы» Китая (на базе трудов Конфуция, Сунь-цзы и др.).

2) Систематизировать основные инструменты мягкой силы КНР по ключевым группам (культурно-образовательные, медийные, экономические, спортивные, цифровые, институциональные) и представить их в виде таблицы.

3) Проанализировать конкретные каналы китайского влияния на Россию: Институты Конфуция, фэн-шуй, программа «1000 талантов», медиа (CGTN, Xinhua), TikTok, дунхуа, кинопроекты, спортивные мероприятия, деятельность диаспоры и китайского бизнеса.

Результаты и обсуждение

Историко-философские основы мягкой силы Китая

«Мягкая сила» Китая имеет глубокие исторические корни. Её идеи были сформулированы ещё Лао-цзы, Конфуцием и Сунь-цзы более двух тысяч лет назад [4]. В трактате «Искусство войны» Сунь-цзы провозглашён принцип «война – это путь обмана», отражающий традицию использования непрямых методов воздействия.

Современное развитие «мягкой силы» началось после реформ Дэн Сяопина (1978 г.), когда Китай стал интегрироваться в мировую экономику и политику [4]. В 1990-е годы руководство страны осознало необходимость улучшения международного имиджа. В 2007 году на XVII съезде КПК была официально поставлена задача наращивать потенциал «мягкой силы» культуры – термин закрепили в программных документах партии [4].

Ключевые этапы и инструменты продвижения:

1. Институты Конфуция (с 2004 г.) – глобальная платформа для распространения китайского языка и культуры.

2. Инициатива «Один пояс, один путь» (2010-е гг.) – укрепление влияния через инфраструктурные и культурные проекты.

3. Государственные медиаресурсы (CGTN, Xinhua) – продвижение позитивного образа Китая. Характерная деталь: в логотипах этих медиа иероглифы размещаются выше английских букв, что подчёркивает приоритет национальной культуры и языка. Это контрастирует с российскими международными медиа (например, RT, «Катюша» и иные), где отсутствует явная российская символика и русские буквы.

4. Программа «Тысяча талантов» (Thousand Talents Plan, TTP) 青年千人计划 Qīngnián qiān rén jìhuà (с 2008 г.) – государственная инициатива по привлечению в КНР высококвалифицированных учёных (как китайских специалистов, возвращающихся на родину, так и иностранных экспертов). Цель программы – не только усилить научный потенциал страны, но и получить доступ к патентам на инновационные технологии [17].

В 2025 году Китай запустил новую визовую программу категории «K», направленную на привлечение молодых иностранных специалистов в области науки, технологий, инженерии и математики (STEM). Эта программа не требует предварительного трудового договора, предлагает гибкие условия въезда и ориентирована на выпускников ведущих вузов и молодых учёных в возрасте до 55 лет. Стратегической целью является стимулирование научно-технического развития, конкуренция с Кремниевой долиной и восполнение дефицита в ключевых отраслях, особенно в полупроводниках и биотехнологиях [8].

Отсюда следует, что Китай сочетает исторические традиции стратегической гибкости с современными инструментами «мягкой силы», системно укрепляя своё влияние на международной арене.

Эволюция концепции и классификация инструментов

Эволюция концепции «мягкой силы» в современной политической науке привела к появлению смежных понятий, расширяющих её теоретический аппарат. Так, возникло понятие «умная сила» (smart power) – оно обозначает стратегическое сочетание мягкой и жёсткой силы. Ещё один термин – «острая сила» (sharp power): он описывает манипулятивные практики, нацеленные на подрыв демократических институтов посредством дезинформации [3].

При этом концептуальное ядро по-прежнему составляет классическая модель «мягкой силы». Её инструментарий можно систематизировать в рамках нескольких ключевых групп (табл. 1).

Таблица 1.

Основные группы инструментов «мягкой силы» Китая

1	Культурно-образовательные	Экспорт культурных продуктов (кино, литература), привлечение иностранных студентов, языковые программы, научно-технологическое сотрудничество
2	Медийные и информационные	Международные телеканалы (CGTN, Xinhua), социальные сети, платформы для контента, влияние через блогеров и инфлюенсеров
3	Спортивные и событийные	Крупные международные мероприятия, популяризация кунг-фу и ушу, высокие результаты спортсменов
4	Экономические и коммерческие	Страновой брендинг, продвижение глобальных брендов, инициатива «Один пояс, один путь»
5	Политико-дипломатические	Продвижение политических ценностей, поддержка международных организаций, программы дипломатических обменов, визовые льготы
6	Институциональные	Деятельность НКО и фондов, гуманитарная помощь, поддержка образовательных и экологических проектов за рубежом

Культурно-поведенческие аспекты и традиционные практики

Менталитет китайского народа – ключевой фактор понимания стратегии «мягкой силы» Китая. Распространённое представление о мягкости и доброжелательности китайцев нередко обманчиво: в культуре существует концепция «надевания маски» (带面), когда внешнее поведение не отражает истинных намерений – мягкость снаружи сочетается с твёрдостью внутри. Исторически китайский народ сохранял идентичность не за счёт военной силы, а благодаря гибкости и хитрости, что отражено в философии «Искусства войны» и учениях Конфуция [3].

Одним из инструментов «мягкой силы» выступает чайная церемония. Хотя чай традиционно ассоциируется с Китаем, церемония превратилась в красочное шоу – завораживающее представление, которое формирует позитивный образ страны в глазах иностранцев.

Кинематограф как канал влияния

В. И. Ленин отмечал: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». Китай последовательно реализует этот принцип, превратив кинематограф в один из ключевых каналов «мягкой силы».

Одним из факторов, способствующих развитию киноиндустрии, является рост количества кинозалов: количество кинозалов увеличилось почти в 20 раз: с 3 527 экранов в 2007 году до 75 581 экран в 2020 году по всей стране (рисунок 1). 4 Отмечается рост экранов для 3D-фильмов: в 2018 году насчитывалось около 53,5 тысяч экранов для 3D-фильмов[10].

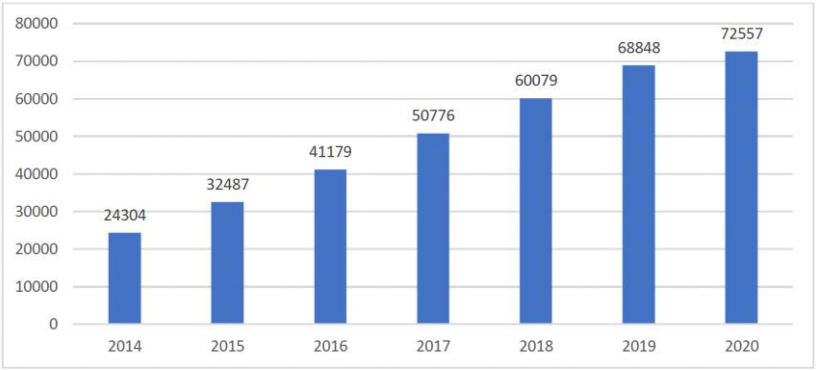

Рис. 1. Рост количества экранов в кинотеатрах с 2014 по 2020 гг.[11].

С середины 2010-х годов КНР активно развивает совместное кинопроизводство. С 2000 по 2019 год Китай выпустил 244 совместных фильма, заключив соглашения о копродукции с 22 странами. Пик пришёлся на 2016 год – 89 проектов, из них 10 американо-китайских. Стратегическими партнёрами выступили Warner Bros. (совместное предприятие Flagship Entertainment, 2015) и Disney (первая копродукция – 2007 г., долгосрочный пакт – 2017 г.).

В Китае действует ограничение на иностранные фильмы. В год максимальное количество квот равняется 34 фильмам. Однако, есть возможность, это продажа прав на фильм китайским компаниям или их совместное производство.

Параллельно Китай наращивает прямые инвестиции в Голливуд, получая возможность влиять на формирование образа КНР в глазах западного зрителя. Так, в 2016 году китайская Dalian Wanda Group за $3,5 млрд приобрела американскую студию Legendary Entertainment – создателя таких кассовых хитов, как «Бэтмен: начало», «Возвращение Супермена» и «Мир Юрского периода». По сообщениям СМИ, это приобретение стало «самым крупным китайским приобретением из зарубежных объектов культуры». Подобные вливания средств в голливудские блокбастеры позволяют Китаю не только участвовать в производственном процессе, но и, как отмечают эксперты, влиять на содержание фильмов, адаптируя их в своих интересах.

Поэтому, Китай выстроил системную модель кинематографической экспансии: от масштабного совместного производства и формирования глобальной копродукционной сети до прямого приобретения ключевых игроков индустрии. Результатом этой стратегии стало укрепление рыночных позиций – по итогам 2024 года кассовые сборы китайского кино превысили $7,75 млрд, а в 2025 году Китай занял 2-е место в мире с объёмом $72,6 млрд. Анимационный фильм «Не Чжа 2» собрал более $22,5 млрд, став лидером мирового проката 2025 года. Так, китайский бизнес “миролюбиво” скупает акции и влияет на мировую сцену восприятия – очень мирно!

Но, на своём рынке, с 2021 года, для иностранного «мягкого влияния» имеются ограничения: Наличие ограничений на инвестиции в сфере аудиовизуального производства; Все иностранные фильмы проходят процедуры оценки в Государственной администрации по кино для получения лицензии публичного показа; Очень низкая доля иностранных фильмов в прокате – менее 20%. Большую долю занимают кино с США; В Китае отсутствуют иностранных платформ потокового видео. Но зато очень хорошо работают местные платформы, такие как: PPTV， Bilibili, iQiyi, Youku, Tencent, WeChat и иные; В России такие платформы отсутствуют, есть только сайты, а сама платформа для скачивания отсутствует.

Китай также инвестирует в киноиндустрию и в России. Примером служит совместный проект «Газпром-Медиа Холдинга» (Россия) и китайской компании Xicheng Media – военный фильм «Союзники», премьера которого запланирована на конец 2026 года. Генеральный директор «Газпром-Медиа Холдинга» Александр Жаров

отметил, что развитие международного кинопроизводства с Китаем является стратегической задачей, а результатом станут востребованные медиапроекты не только в России и Китае, но и далеко за их пределами. У России есть очень хорошие шансы выйти на китайский рынок используя совместные исторические моменты и факты, как освобождение и победу СССР во-второй мировой войне, помощь в формировании и становления Китая, освобождения Китая от японских захватчиков. При СССР выпускались достойные мультфильмы и фильмы снятые режиссёрами из СССР о Китае, дружбы СССР и Китая, такие как: «Победа китайского народа» (1950), «Освобождённый Китай» (1950), «В едином строю»; мультфильмы «Братья Лю» (1953), «Жёлтый аист» (1950), Обезьянья гора (1958). Это положительно сказалось на том, что старое поколение китайцев относится к русским людям как к старшему брату 大哥 Dàgē. И Россия как правопреемница СССР может и должна пользоваться своим колоссальным опытом в продвижении «мягкой силы» на территории Китая.

Однако Китай выступая инициатором и лидером, заходя через разные такие проекты, формируют свой «новый» образ от вынужденного и не добросовестного соседа к образу благонадежного «союзника», а это уже другой образ, и это только первые и скромные шаги на пути «захвата» нашего кино, нашего сознания, и переформатирования отношения к себе.

Так, по данным проведенного опроса аналитического центра ВЦИОМ динамика отношений россиян к Китаю меняется из года в год. Ниже приведены ответы респондентов на вопросы по Китаю.

Таблица 2.

Ваше мнение о Китае за последние 10 лет изменилось или нет, и если да, то в какую сторону?

	2005	2007	2009	2014	2024	2026
Изменилось в лучшую сторону	28	22	24	41	50	48
Не изменилось	38	45	43	41	28	39
Изменилось в худшую сторону	12	8	10	2	3	5
Меня Китай не интересует	16	20	15	12	16	4
Затрудняюсь ответить	6	5	8	4	3	4

Таблица 3.

Как бы Вы в целом оценили сегодняшние отношения между Россией и Китаем?

	2005	2009	2014	2022	2023	2024	2026
Дружественные	19	17	31	28	38	44	34
Хорошие, добрососедские	15	17	29	27	26	28	24
Спокойные	40	39	32	34	25	14	27
Прохладные	11	10	4	4	5	5	8
Напряженные	3	4	1	2	2	2	4
Враждебные	2	1	0	1	1	1	1
Затрудняюсь ответить	10	12	3	4	3	6	2

Таблица 4.

Как Вам кажется, кем сегодня является для России Китай?

	2005	2007	2009	2014	2017	2022	2023	2026
Дружественное государство, союзник	22	27	18	36	27	25	29	29
Стратегический и экономический партнер	34	36	41	49	51	58	56	48
Экономический и политический соперник, конкурент	24	21	24	8	10	8	6	11
Враждебное государство, вероятный противник	4	4	4	1	4	3	2	5
Затрудняюсь ответить	16	13	13	6	8	6	7	7

Таким образом, отношение россиян к Китаю непрерывно меняется. Китая из «мастерской мира» стал восприниматься

крупнейшим мировым производителем промышленных товаров и динамично развивающаяся технологическая страна. После 2022 года «разворота» России в сторону Китая, внешнеполитических и внешнеэкономических связей оценка отношений с Китаем как положительная и добрососедская достигла исторического максимума в 2024 году. Но после столкновения с новой культурой и пересмотра взаимоотношений оценка стала более сдержанной и прагматичной. Представление о Китае как о стратегическом и экономическом партнере по-прежнему доминирует, однако, восприятие Китая как соперника проявляются, согласно опросу, на протяжении последних трёх лет. Это последствия совокупного влияния Китая, как проявление внешнеэкономических отношений, так и внешней политике [18].

Экономический инструментарий

В арсенале китайской внешней политики экономические инструменты занимают центральное место. В отличие от западной модели помощи, часто обусловленной политическими требованиями, китайская модель делает акцент на принципах невмешательства, взаимной выгоды и прагматизма. Однако, как мы видим, что эти заявления остаются лозунгами только на бумаге, а в реальности ситуация определенно иная.

Каналы влияния на Россию

Китай активно использует «мягкую силу» для укрепления влияния на Россию – в экономике, культуре, медиа и других сферах. Ключевую роль в этой стратегии играют финансовые инструменты: Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (AIIB, 2015 г.), где Китай контролирует около 30 % капитала и имеет право вето; Фонд Шёлкового пути с уставным капиталом $40 млрд, финансирующий проекты в рамках инициативы «Один пояс, один путь»; Новый банк развития БРИКС (НБР БРИКС) как площадка для продвижения китайского видения; а также Эксимбанк и Банк развития Китая, выдающие льготные кредиты при условии привлечения китайских подрядчиков и оборудования. Такой механизм формирует долговую зависимость («долговые ловушки»), инфраструктурную взаимозависимость, элитные сети и лобби, а также способствует продвижению китайских стандартов и норм. Например, по данным на 2026 год, Китай входит в число крупнейших кредиторов Казахстана (10,2 млрд долларов) [3], а президент страны Касым-Жомарт

Кемелевич Токаев в студенческие годы проходил стажировку в Китае. На 2 ноября 2026 года, согласно займы в панда-облигациях, размещенных в юанях на внутреннем рынке Китая, выросли в 2,7 раза.

Таблица 1.

Государственный долг Казахстана
(по состоянию на 1 октября 2026 года) [12].

Наименование показателей		тыс. теңге	тыс. долл. США
Государственный долг		38,817,222,322	88,347,457
Долг Правительства Республики Казахстан		36,897,007,860	83,977,076
внешний:		8,082,865,473	18,396,489
1.2.5.	Азиатский банк инфраструктурных инвестиций	509,753,001	1,160,191
1.2.2.	Азиатский Банк Развития	558.612,877	1.271,395
1.2.8.	Экспортно-импортный банк Китайской Народной Республики	109,598,140	227,599
1.2.12	Панда-облигации	655.500,000	1,491,909

Культурные каналы продвижения также разнообразны. В октябре 2024 года в Москве прошёл фестиваль китайских боевых искусств «Легенды кунг-фу», организованный в рамках Года культуры России и Китая. На 2025 год запланированы 10-е Всемирные чемпионаты по кунг-фу в Эмейшане и международные соревнования по ушу в Сиане, при этом в России продолжаются национальные чемпионаты по кудо, саньда и традиционному ушу. Культурное взаимодействие подчёркивает и масштабное проведение Китайского весеннего праздника (Чуньцзе) в Москве, в т.ч. рядом с Красной площадью, – при отсутствии сопоставимых российских мероприятий в Пекине. Кроме того, китайское аниме (дунхуа) активно распространяется через русскоязычные платформы Dunhua TV и Anime1.best (с переводами), а также на VK Видео. Важным цифровым инструментом выступает TikTok (и его китайский аналог Douyin): по данным Mediascope за март 2025 года, платформа занимает второе место по дневной активной аудитории среди видеосервисов в России

(после VK Видео), демонстрируя рост на 15,3 % за год. При этом исследования показывают, что пользователи TikTok воспринимают Китай менее негативно, чем те, кто не пользуется платформой.

Таблица 2.

Данных компании Mediascope[13].

По оценке Mediascope на конец декабря 2025 года, рейтинг соцсетей и мессенджеров выглядит так:

Место	Платформа	Ежемесячная аудитория (MAU), млн
1	ВКонтакте	94,9
2	Telegram	93,6
3	Max	70
4	YouTube	67,4
5	Дзен	66,2
6	TikTok	65,9

Так, Китай системно укрепляет своё влияние, сочетая финансовые рычаги, культурные инициативы и цифровые платформы, в т. ч. на российском направлении.

По данным «Странометр» общая численность диаспоры в мире неуклонно растет:

Рис. 2. Общая численность диаспоры в мире[14].

Исторически значимый элемент взаимодействия – китайская диаспора, существующая в России почти 150 лет (с конца 50-х годов XIX века). Крупнейшие общины сосредоточены в Москве (20–25 тыс. человек) и на Дальнем Востоке (Хабаровск, Владивосток, Уссурийск, Благовещенск, Южно-Сахалинск). Параллельно растёт и студенческая миграция из Китая: в первой половине 2024 года выехало около 450 тыс. человек – на 8 % больше, чем в 2023 году. Однако, точных данных о численности диаспоры нет.

Экономическое присутствие Китая в России также заметно усиливается. Так согласно данные аналитики Руспрофайл, которые опубликовала газета ведомости, с декабря 2021 по февраль 2026 года число компаний с китайским участием выросло с 1 434 до 14 798, а их доля среди иностранных организаций увеличилась с 3,6 % до 22,3 %. В 2025 году открылось рекордное число фирм – 4 317, а совокупная выручка китайского бизнеса в РФ за 2024 год выросла в 2,7 раза.

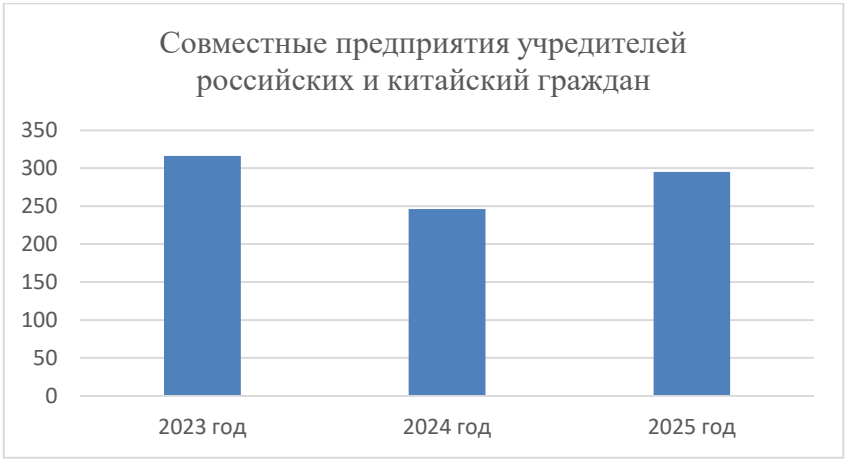

Рис. 3. Общее кол-во СП российский и китайских граждан в РФ[15].

Рис. 4. Общее кол-во юридических лиц ООО/ИП китайских граждан в РФ[16].

Важную роль играют образовательные программы. Китайские университеты (Пекинский университет, Шанхайский университет Фудань) привлекают российских студентов стипендиями и обменными программами. Российские вузы (МГУ, СПбГУ) сотрудничают с китайскими партнёрами: организуют совместные исследовательские проекты и обмены преподавателями. В 2019 году было подписано соглашение о сотрудничестве между МГУ и Пекинским университетом – такие инициативы способствуют формированию позитивного восприятия Китая среди российской молодёжи.

Значимый канал влияния – медиа и информационное пространство. В 2015 году Xinhua и ТАСС подписали соглашение о сотрудничестве: оно предусматривает обмен новостями и совместное производство контента [9]. В 2017 году CGTN запустила русскоязычную версию телеканала, а Китай инвестирует в совместное производство документальных фильмов – например, в 2019 году вышел фильм «Великий шёлковый путь». При этом асимметрия медийного присутствия очевидна: у России нет собственного государственного телеканала на китайском языке.

Особого внимания заслуживает и политический контекст взаимодействия. Пекин не разрешает проводить в Китае Парад Победы в Великой Отечественной войне, но при этом претендует на проведение парада победы во Второй мировой войне, к которой Китай имел опосредованное отношение, – и в этом контексте приписывает себе заслуги советских солдат.

Так, ТАСС 1 февраля 2022 года заявила, что запускает новостную ленту на китайском языке [7]. Однако на самом сайте нет поддержки китайского языка. А у китайских новостных лент есть на русском языке.

Исходя из того, китайская мягкая сила через культурные, образовательные, медийные, спортивные, цифровые и экономические каналы укрепляет отношения с Россией, формирует позитивный имидж среди российской молодёжи и создаёт долгосрочные связи.

Оценка эффективности и репутационные риски

В России влияние Китая проявляется через растущую популярность образовательных программ и культурных мероприятий. Примечательно, что их продвижение часто осуществляется не напрямую китайскими организациями, а российскими центрами и гражданами, что вызывает определённые опасения.

Стратегия Китая соответствует его современной внешнеполитической линии: интересы продвигаются миролюбиво и неспешно, но последовательно. Её эффективность подтверждается позициями в международных рейтингах: Китай занял третье место в Глобальном индексе «мягкой силы», обогнав Германию и показав самое значительное улучшение показателя среди всех национальных брендов (+6,2 балла) [3]. Ключевые достижения: третье место в сфере бизнеса и торговли; третье место в области образования и науки [3].

При этом по параметрам «дружелюбность» и «веселье» (категория «люди и ценности») страна находится лишь на 122-м месте [2], что указывает на потенциал роста социальной привлекательности на международной арене.

Идея позиционирования Китая как «миролюбивого» государства восходит к трудам Конфуция и Сунь-цзы. Один из каналов реализации «мягкой силы» – коммерциализация традиционных практик, отделённых от философских корней. Яркий пример – фэн-шуй («ветер и вода»), даосская практика гармонизации энергии «ци».

С конца XX века фэн-шуй активно распространяется в России и на Западе как элемент массовой культуры. В РФ работают интернет-магазины (TigerTeaClub, Vostoklavka, DomDukha и др.), продающие предметы фэн-шуй: статуэтки, «денежных жаб»,

благовония, амулеты. По учению, они привлекают благополучие, здоровье и карьерный рост [9].

Эффект такой «мягкой силы» двоякий:

1. Утрачивается связь между символикой (например, лягушка с монетой) и духовным ядром традиции: даосы критикуют коммерциализированный фэн-шуй как выродившееся суеверие.

2. Стирание культурной преемственности: традиционные элементы русского быта (иконы, рушники, глиняная игрушка) вытесняются образами китайской демонологии («дракон-хранитель дома», «цилинь») и чужеродными концепциями (зоны багуа, «летящие звёзды»).

Таким образом, через рынок бытовой магии в сознание внедряется инородная метафизика пространства, что можно рассматривать как элемент культурного замещения.

Социологические исследования в данном вопрос не проводились имеются преимущественно описательный характер полученные из официальных СМИ. Так, с углублением внешнеэкономических и внешнеполитических связей с Китаем китайская символика начала появляться на официальных мероприятиях. В 2025 года в Московском метрополитене впервые запустили тематический поезд в честь лунного китайского праздника весны. Оформление было в китайском стиле с изображением змей, золотых драконов, панд. Во Владивостоке, в этом же году прошло шествие с драконом, где местная художница изготовила семиметрового дракона, которому дали имя «Хунлун» (Красный дракон) и ласково прозвали «Федя». Такое сочетание «китайская символика + русское прозвище». В Уфе тоже продвигается чуждая нам китайская культура, так в 2026 году тоже было мероприятие, посвященное китайскому празднику весны с драконами и иными выступлениями [19], [20].

Китайская символика начала пестрить на различных мероприятиях в России, такие как Сунь Укунь из китайских «Записки путешествия на Запад», персонажа Насиду из китайских игр «Genshin Impact». В центре Владивостока появился мурал с изображением китайского дракона и российского орла, созданный китайским художником, где дракон символизирует китайскую культуру, а орёл – российскую государственную эмблему. В городе Казани установлен

расписной памятник панде с элементами татарского флага и казанских архитектурных достопримечательностей, получивший название «Аю» в честь героя татарских сказок. Эти примеры показывают, что китайская символика используется не в «чистом» виде, а в сочетании с местными культурными элементами, так как «мягкая сила» требует мягкого подхода. [21], [22].

Выводы и направления исследований

Китайская стратегия «мягкой силы» – это комплексный подход, сочетающий культурные инструменты с финансовой и цифровой поддержкой. Её ключевые черты: диверсификация методов, адаптация к условиям страны-реципиента (в т.ч. России), долгосрочность и гибкость.

В России влияние реализуется по трём направлениям:

1.Культурно-просветительскому: через фэн-шуй, Институты Конфуция, образовательные программы, популяризацию кун-фу и ушу, распространение дунхуа, кино, выставок, а также активность диаспоры.

2. Медиа-информационному: с помощью каналов CGTN и Xinhua (с русскоязычными версиями и явной государственной маркировкой), а также платформы TikTok, формирующей образ «благонадёжного союзника». Асимметрия медийного присутствия (отсутствие у России госканала на китайском языке) усиливает влияние Китая.

3. Экономическому: через кредиты, инвестиции, интернационализацию юаня и развитие биржевых площадок, что создаёт глубокую экономическую взаимозависимость.

Эффективность китайской «мягкой силы» в России зависит от способности Пекина балансировать между геополитическими амбициями и привлекательностью своей культуры, а также управлять репутационными рисками, включая «долговые ловушки» и восприятие пропаганды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – 192 p.

2. Ильина Ю. И. Инструменты политики «мягкой силы» // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2023. – № 4. – С. 167–185.

3. Nye J. S. Smart Power // New Perspectives Quarterly. – 2009. – Vol. 26, No. 2. – pp. 7–9.

4. Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. – М.: Восточная литература, 2009. – 230 с.

5. Китай запускает новую визовую программу для привлечения IT-специалистов // Tek.fm. – 2025. – URL: https://tek.fm/news/china-k-visa-stem (дата обращения: 10.05.2026).

6. The Thousand Talents Plan is part of China's long quest to become the global scientific leader // The Conversation. – 2020. – URL: https://theconversation.com/the-thousand-talents-plan-is-part-of-chinas-long-quest-to-become-the-global-scientific-leader-145100 (дата обращения: 10.05.2026).

7. ТАСС запускает новостную ленту на китайском языке // ТАСС. – 2022. – URL: https://tass.ru/obschestvo/13578361 (дата обращения: 01.02.2022).

8. China launches new "Category K" visa to attract global STEM talents // Xinhua Net. – 2025. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2025-01/20/c_123456789.htm (дата обращения: 10.05.2026).

9. Товары для фэн-шуй: статуэтки, амулеты, «денежные жабы» [Электронный ресурс] // Интернет-магазин TigerTeaClub. – URL: https://tigerteaclub.ru/catalog/feng-shui (дата обращения: 10.05.2026).

10. Всероссийская академия Внешней торговли. Анализ рынка кино и анимации Китая, возможности продвижения услуг российских экспортеров.
https://export.nso.ru/sites/export.nso.ru/wodby_files/files/page_1845/kitay_4.pdf

11. Интернет сайт аналитики Китая. 行业深度 http://finance.eastmoney.com/a/202105311942917894.html (дата обращения: 13.02.2021).

12. Единая платформа цифровых ресурсов государственных органов. Министерство финансов Республики Казахстан. Государственный и гарантированный государством долг, долг по поручительствам государства (по состоянию на 1 октября 2026 года) – URL:https://www.gov.kz/org/minfin/documents/details/1093789?lang=ru&utm_source=in_materials (дата обращения: 01.10.2026).

13. Интернет статистика – URL: https://elama.ru/blog/socialnye-seti-v-rossii/?ysclid=mw1u5pscs8316256855 (дата обращения: 3 апреля 2026).

14. Сайт сравнений стран мира по любому признаку – URL: https://stranometr.online/country/china/diaspora?ysclid=mw1ulv6n9881862807 (дата обращения: 10.03.2026).

15. Газета Ведомости. Статья «Число компаний с китайским участием в России выросло в 10 раз после 2022 года». – URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2026/03/10/1181653-chislo-kompanii-s-kitaiskim-uchastiem-v-rossii-viroslo-v-10-raz (дата обращения: 10.05.2026).

16. Расширение присутствия китайского бизнеса на территории России – URL: https://precizika.ru/blog/83230/ (дата обращения: 19.05.2026).

17. Генеральное консульство Китайской Народной Республики в Мюнхене, Введение в программу для молодежи на тысячу человек 青年千人计划 URL: https://munich.china-consulate.gov.cn/jywhkj/jy_123265/jy3/201504/t20150401_3969959.htm (дата обращения: 01.04.2015).

18. Россия – Китай: вчера и сегодня В представлениях россиян Китай прочно закрепился как сильная и дружественная страна. Доброжелательный настрой, однако, не мешает нам видеть в Китае самостоятельный центр силы со своими интересами и амбициями. URL:https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-kitai-vchera-i-segodnja (дата обращения: 19.08.2026)

19. Жэньминь Жибао. Во Владивостоке прошло шествие с драконом в честь китайского Нового года. URL:http://russian.people.com.cn/n3/2025/0203/c31519-20272114.html (Дата обращения 03.02.2025).

20. China Global Television Network. «В московском метро запустили тематический поезд к китайскому Новому году» URL:https://russian.cri.cn/2025/01/30/ARTI1777305413803837 (Дата обращения 30.01.2025)

21. 俄罗斯龙报: 从孙悟空到纳西妲：莫斯科两场夏日活动中，中国符号的“跨时空绽放” URL:http://www.dragonnewsru.com/static/content/culture/ru_cultures/2026-08-10/1536412237940530336.html (Дата обращения 10.08.2026).

22. 搜狐公司 “阿尤”来了！彩绘大熊猫雕塑正式亮相国际友城喀山动物园 URL: https://www.sohu.com/a/1015119066_355475?scm=10008.1479_13-1479_13-

68_68.0-0.0-1-0-0-0.0&spm=smpc.content-abroad.fd-d.92.1779109861763MXrheJ7#comment_area (Дата обращения 27.04.2026).

REFERENCES

1. Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – 192 p.

2. Ilyina Yu. I. Instruments of "Soft Power" Policy // Moscow University Bulletin. Series 12: Political Science. – 2023. – No. 4. – pp. 167–185.

3. Nye J. S. Smart Power // New Perspectives Quarterly. – 2009. – Vol. 26, No. 2. – pp. 7–9.

4. Larin A. G. Chinese Migrants in Russia. – Moscow: Vostochnaya Literatura, 2009. – 230 p.

5. China Launches New Visa Program to Attract IT Specialists // Tek.fm. – 2025. – URL: https://tek.fm/news/china-k-visa-stem (accessed: 10.05.2026).

6. The Thousand Talents Plan is part of China’s long quest to become the global scientific leader // The Conversation. – 2020. – URL: https://theconversation.com/the-thousand-talents-plan-is-part-of-chinas-long-quest-to-become-the-global-scientific-leader-145100 (accessed: 10.05.2026).

7. TASS Launches a News Feed in Chinese // TASS. – 2022. – URL: https://tass.ru/obschestvo/13578361 (accessed: 01.02.2022).

8. China launches new “Category K” visa to attract global STEM talents // Xinhua Net. – 2025. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2025-01/20/c_123456789.htm (accessed: 10.05.2026).

9. Feng Shui products: figurines, amulets, "money toads" [Electronic resource] // TigerTeaClub online store. – URL: https://tigerteaclub.ru/catalog/feng-shui (accessed: 10.05.2026).

10. Russian Foreign Trade Academy. Analysis of the Chinese film and animation market; opportunities for promoting services from Russian exporters.
https://export.nso.ru/sites/export.nso.ru/wodby_files/files/page_1845/kitay_4.pdf

11. Website for analysis of China. In-depth industry insights: http://finance.eastmoney.com/a/202105311942917894.html (accessed: 13.02.2021).

12. Unified platform for digital resources of government bodies. Ministry of Finance of the Republic of Kazakhstan. State debt, state-guaranteed debt, and debt under state sureties (as of October 1, 2026) – URL:

https://www.gov.kz/org/minfin/documents/details/1093789?lang=ru&utm_source=in_materials (accessed: 01.10.2026).

13. Internet statistics – URL: https://elama.ru/blog/socialnye-seti-v-rossii/?ysclid=mw1u5pscs8316256855 (accessed: April 3, 2026).

14. Website for comparing countries of the world by various criteria – URL: https://stranometr.online/country/china/diaspora?ysclid=mw1ulv6n9881862807 (accessed: March 10, 2026).

15. Vedomosti newspaper. Article: "The number of companies with Chinese participation in Russia has increased tenfold since 2022." – URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2026/03/10/1181653-chislo-kompanii-s-kitaiskim-uchastiem-v-rossii-viroslo-v-10-raz (accessed: May 10, 2026).

16. Expansion of the presence of Chinese business in Russia – URL: https://precizika.ru/blog/83230/ (accessed: May 19, 2026).

17. Consulate General of the People's Republic of China in Munich, Introduction to the "Thousand Talents Program for Young Professionals" (青年千人计划). – URL: https://munich.china-consulate.gov.cn/jywhkj/jy_123265/jy3/201504/t20150401_3969959.htm (accessed: 01.04.2015).

18. Russia – China: Yesterday and Today. In the view of the Russian public, China is firmly established as a strong and friendly nation. This positive sentiment, however, does not prevent us from recognizing China as an independent center of power with its own interests and ambitions. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-kitai-vchera-i-segodnja (accessed: 19.08.2026).

19. People's Daily (Renmin Ribao). A dragon parade was held in Vladivostok in honor of the Chinese New Year. – URL: http://russian.people.com.cn/n3/2025/0203/c31519-20272114.html (accessed: 03.02.2025).

20. China Global Television Network. “A themed train was launched in the Moscow metro for the Chinese New Year” – URL: https://russian.cri.cn/2025/01/30/ARTI1777305413803837 (Accessed 01/30/2025)

21. 俄罗斯龙报:从孙悟空到纳西妲：莫斯科两场夏日活动中, 中国符号的 “跨时空绽放” – URL: http://www.dragonnewsru.com/static/content/culture/ru_cultures/2026-08-10/1536412237940530336.html (Date accessed 08/10/2026).

22. 搜狐公司“阿尤”来了！彩绘大熊猫雕塑正式亮相国际友城喀山动物园 – URL: https://www.sohu.com/a/1015119066_355475?scm=10008.1479_13-1479_13-68_68.0-0. 0-1-0-0-0.0&spm=smpc.content-abroad.fd-d.92.1779109861763MXrheJ7#comment_area (Date of access: 04/27/2026).

Информация об авторах

Ш.Ф. Батыршин – старший преподаватель, Уфимский государственный нефтяной технический университет(научный руководитель);

Ю.Р. Тутаева – студент Уфимского государственного нефтяного технического университета.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Sh.F. Batyrshin – Senior Lecturer, Ufa State Petroleum Technological University (scientific director);

Yu.R. Tutaeva – Student, Ufa State Petroleum Technological University.

The authors declare no conflict of interest.

Вклад авторов

Ш.Ф. Батыршин – научное руководство; концепция исследования; участие в написании и доработка исходного текста; итоговые выводы;

Ю.Р. Тутаева – участие в написании исходного текста; итоговые выводы.

Contributions of the author

S.F. Batyrshin – scientific supervision; research concept; participation in drafting and revising the original text; final conclusions;

Y.R. Tutaeva – participation in drafting the original text; final conclusions.

Статья поступила в редакцию 04.08.2026; принята к публикации 09.09.2026.
The article was submitted 04.08.2026; accepted forpublication 09.09.2026.

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

Научная статья
УДК 316.74
DOI: 10.21510/3034-2678-2026-3-137-151

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КВЕСТ КАК ФОРМА ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ НАВЫКОВ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Гузель Фаниловна Булатова [1]***, Гузэль Фанузовна Кунгурцева*** [2]
[1] *Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия*
[2] *Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия*
[1] *guzel.bulatova02@mail.ru*
[2] *kungurtzeva62@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается методика разработки краеведческого квеста как наиболее эффективной формы изучения историко-краеведческого наследия. Нами были проанализированы основные определения ключевых понятий «квест» и «краеведение», а также сформулировано определение понятия «краеведческий квест». Анализ нормативно-правовой и научно-методической литературы позволил определить актуальность темы исследования. В настоящее время наблюдается недостаток в готовых материалах для уроков повторения и контроля знаний в краеведческом образовании, в связи с чем нами была поставлена цель по разработке модели краеведческого квеста на примере города Челябинска. Изучение в школе краеведческого материала способствует повышению интереса к истории родного края, а также развитию патриотического воспитания и формированию уважительного отношения к своей земле и социально-культурных навыков подрастающего поколения. В то же время применение квеста на уроках истории позволяет развить командные и коммуникативные навыки, критическое мышление, творческую составляющую. Стоит отметить, что задания квеста

© Булатова Г. Ф., Кунгурцева Г. Ф., 2026.

универсальны и могут применятся во многих регионах страны. В основе квеста лежит легенда, которая подводит к основному заданию – поиску утерянного культурного кода края. Для достижения цели обучающимся необходимо пройти пять станций и выполнить итоговое задание – создать открытку-послание с ключевыми элементами и фрагментами карты, чтобы восстановить культурный код региона. К числу основных станций относится «Сундук символов и пространств», где необходимо определить герб определенного города и его расположение на карте области. Станция «Сундук традиций» позволяет раскрыть многонациональный характер региона и воспитать уважительное отношение к представителям разных народов. Память о Великой Отечественной войне стоит освежить с помощью кроссворда по теме на станции «Сундук воинской славы», а станция «Сундук знаковых мест» закрепит знания о ключевых достопримечательностях родного города. Станция «Сундук преданий и легенд» направлена на развитие творческих навыков через театральное представление литературного отрывка.

Ключевые слова: квест, краеведение, краеведческий квест, наследие, патриотическое воспитание, социальные и культурные навыки

Для цитирования: Булатова Г.Ф., Кунгурцева Г.Ф. Краеведческий квест как форма изучения историко-краеведческого наследия и формирования социально-культурных навыков подрастающего поколения // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2026. № 3. С. 137-151.

YOUNG RESEARCHERS' PRESENTATIONS

Original article

LOCAL HISTORY QUEST AS A FORM OF STUDYUNG THE HISTORICAL AND LOCAL LORE HERITAGE AND DEVELOPING SOCIAL AND CULTURAL SKILLS OF THE YOUNGER GENERATION

Guzel F. Bulatova[1], Guzel F. Kungurtseva[2]

[1]*Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia*
[2]*Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*
[1]*guzel.bulatova02@mail.ru*
[2]*kungurtzeva62@mail.ru*

Abstract. The article examines the methodology for developing a local history quest as the most effective form of studying historical and local lore heritage. We analyzed the main definitions of the key concepts "quest" and "local history", and also formulated a definition for the concept of "local history quest". An analysis of regulatory legal and scientific-methodological literature allowed us to determine the relevance of the research topic. Studying local history material in school contributes to increasing interest in the history of one`s native land, as well as developing patriotic education and fostering a respectful attitude towards one`s land and the social and cultural skills of the younger generation. At the same time, the use of quests in history lessons allows for the development of teamwork and communication skills, critical thinking and creativity. Currently, there is a shortage of ready-made materials foe review lessons and knowledge assessment in local history education, which led us to set the goal of developing a model for a local history quest using the example of the city of Chelyabinsk. It should be noted that the quest tasks are universal and can be adapted in many regions of the country. The quest is based on a legend that leads to the main task – finding the lost cultural code of the region. To achieve this goal, students need to complete five stations and perform a final task – create a postcard-message with key elements and map fragments to restore the region`s cultural code. The main stations include "Chest of Symbols and Spaces", where participants need to identify the coat of arms of a specific city and its location on the regional map. The "Chest of Traditions" station allows for revealing the multinational character of the region and fostering a respectful attitude towards representatives of different peoples. Memories of the Great Patriotic War should be refreshed with a crossword puzzle on the topic at the "Chest of Military Glory" station, while the "Chest of Iconic Places" station will reinforce knowledge about the key attractions of the native city. The "Chest of Stories and Legends" station is aimed at developing creative skills through a theatrical performance of a literary excerpt.

Keywords: quest, local history, local history quest, heritage, patriotic education

For citing: Bulatova G.F. Kungurtseva G.F. Local history quest as a form of studying the historical and local lore heritage and developing social and cultural skills of the younger generation // Bulletin of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmully. Series: Social and humanitarian Sciences. 2026. №3. pp. 137-151.

Введение. В настоящее время неуклонно растет интерес к изучению краеведения как к основе культурной и исторической идентичности индивида. Приобщение к локальной истории, культуре и природе позволяет осознать принадлежность к общероссийской гражданской нации, а также способствует успешной социализации подрастающего поколения [9]. Как известно, в настоящее время государственная политика в сфере образования и культуры направлена также на воспитание уважения к традиционным ценностям [3], что представляется необходимым для формирования гармонично развитой личности. Так, в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» процесс воспитания включает в себя формирование «бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде» [4], что, в свою очередь, возможно осуществить при изучении краеведческого материала. В то же время региональный компонент в образовании способствует формированию патриотического и нравственного воспитания, а также эмоционально-ценностного отношения к окружающему миру, так как краеведческий материал является знакомым и близким для обучающихся [11].

Согласно приказу Министерства просвещения Российской Федерации от 09.10.2024 г. № 704 «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства просвещения Российской Федерации, касающиеся федеральных образовательных программ начального общего образования, основного общего образования и среднего общего образования» [1], с сентября 2025 года во всех школах вводится курс «Истории нашего края», который предполагает изучение основных этапов развития определенного региона, его истории, ключевых событий, известных людей и многое другое. Между тем, на наш

взгляд, существует определенная проблема, препятствующая полномерной реализации поставленных целей и задач. Несмотря на введение нового учебного курса для развития краеведческой компетентности у обучающихся, наблюдается недостаток в готовых, универсальных и адаптированных материалах, позволяющих осуществить должные закрепление и проверку знаний. Данная проблема также освещается в проекте Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2030 года, где к числу основных характеристик состояния воспитания детей и молодежи относится «содержание социально-гуманитарного образования, его учебно-методическое и материально-техническое обеспечение» [2], которое не отвечает современным запросам по формированию традиционных ценностей у подрастающего поколения. Для решения существующей проблемы мы предлагаем разработанную структурно-содержательную модель краеведческого квеста, которую возможно адаптировать под любой регион.

Цель нашей работы заключается в разработке краеведческого квеста как одной из форм изучения историко-краеведческого наследия региона. Для достижения данной цели нами были поставлены и решены следующие задачи:

1. Проанализировать нормативно-правовую и научно-методическую литературу по изучаемой проблеме.
2. Рассмотреть сущность понятий «краеведение» и «квест».
3. Разработать вариант краеведческого квеста, который возможно адаптировать в любом регионе.

Прежде всего необходимо рассмотреть понятие «квест». Согласно Руцынской Н.В., квест является «интеллектуальным видом игровых развлечений, во время которых участникам нужно преодолеть ряд препятствий, решить определенные задачи, разгадать логические загадки, справиться с трудностями, возникающими на их пути, для достижения общей цели» [14]. По мнению Золотовой О.М., квест стоит рассматривать как новую форму «развлекательных и развивающих программ, благодаря которой обучающиеся погружаются в происходящее, получают массу положительных эмоций, включаются в активную совместную деятельность, в результате чего происходит развитие и формирование познавательного интереса школьников» [8]. Иными словами, квест представляет собой синтез интеллектуальной и

развлекательной деятельности, в ходе которой дети развивают не только познавательные и творческие, но и коммуникативные навыки, так как, объединенные единой целью, активно взаимодействуют для ее достижения.

Существуют различные определения понятия «краеведение». Нас интересует формулировка, связанная с образовательным процессом. В учебно-методическом пособии А.Г. Озерова «Краеведение. Методические аспекты» краеведение в школе рассматривается как «изучение учащимися природы, экономики, истории и культуры своей местности – школьного микрорайона, города, села, района, области» [12]. То есть, как одно из важных средств, позволяющих установить связь обучения и воспитания с жизнью. Определение О.С. Груздовой в большой мере раскрывает результаты изучения краеведения, которое представлено в качестве одного из источников «обогащения учащихся знаниями родного края, воспитания любви к нему и формирования гражданственных понятий и навыков» [7].

Таким образом, анализируя приведенные выше определения, можно заключить, что краеведческий квест – это интеллектуально-развлекательная форма образовательной деятельности, направленная на достижение обучающимися единой цели через совместное решение тематических и логических задач, а также погружение в пространство своего родного края, что позволит как воспитать любовь к нему, так и развить познавательный интерес. При этом стоит заметить, что немаловажным условием эффективности применения подобных технологий на уроке является личная включенность самого учителя, который играет основную роль в формировании социально-культурных навыков подрастающего поколения [6].

Разработка образовательного квеста – процесс длительный и трудоемкий. Для определения его основ можно воспользоваться определенным алгоритмом, предложенным О.Е. Маловой [10]. Его суть заключается в постановке ряда вопросов, которые позволят создать концепцию квеста:

1. ЧТО? – определение вида квеста.
2. ГДЕ? – определение места квеста.
3. КОГДА? – определение времени квеста.
4. КТО? ДЛЯ КОГО? – определение участников квеста.

5. КАК? – определение способов проведения квеста.

Первые четыре вопроса, как правило, не вызывают особых затруднений. Нами был выбран межпредметный краеведческий квест (1), который можно провести в школе (2) на уроке истории (3) для обучающихся конкретного класса (4). Определение способов проведения, которые позволят добиться наибольших результатов, – ключевой вопрос, ответ на который необходимо найти.

Разработанный нами краеведческий квест рассчитан на обучающихся 6-7 классов, однако он может быть адаптирован и для ребят старшего звена. Класс можно разделить на 4-5 команд, в зависимости от наполненности и организованности. В то же время, стоит отметить, что в соответствии с сюжетной основой выделяются три основных вида квестов: штурмовой, линейный и кольцевой [13]. Нами был выбран штурмовой квест с проблемной ситуацией в начале и ее решением в конце после прохождения всех станций.

Для постановки подобной проблемы стоит обратиться к легенде квеста. Уральский регион богат всевозможными сказами и преданиями, что можно взять за основу при создании легенды: «В незапамятные времена один мастер-гравер создал Живую карту Челябинской области, объединив вековые традиции, национальные обычаи народов, проживающих здесь, природные особенности и ключевые символы родной земли. В карте этой хранится культурный код нашей земли, ее душа. Но время шло, карта потеряла свой первозданный вид, была поделена на отдельные фрагменты. Каждый фрагмент спрятан в сундуке, ключи от которого вы будете получать после прохождения станции. Ваша задача – собрать все ключи, открыть сундуки и, собрав воедино все фрагменты, оживить карту мастера и воссоздать истинный облик нашего края».

Краеведческий квест предполагает наличие 6 станций различной степени сложности:

I станция – «Сундук символов и пространств». Региональная символика, по нашему мнению, важна так же, как и государственная. Герб того или иного города/района отражает его специализацию, исторические корни и иные особенности. Данные символы рассматриваются как базовые ценности народа [16], позволяющие осознать сопричастность к локальной истории, установить прочную связь с родной землей. На этой станции капитаны команд вытягивают

бумажку с короткой подсказкой-описанием, где скрыто название города (например, «город, в названии которого есть драгоценный металл» – Златоуст). Изученные на уроке основные геральдические элементы и фигуры, понимание заложенного в них смысла позволят разгадать город/район, найти его герб среди предложенных и правильно установить на карте области. Результат проверяется на анимированной презентации. Важно отметить, что в перечень городов стоит включит наиболее крупные, играющие ключевую роль в развитии региона.

Многонациональный состав Российской Федерации является одной из ключевых тем при изучения краеведческого материала. Следует подчеркнуть, что кроме формирования уважительного отношения к культуре и традициям различных народов [15], данная практика также будет способствовать развитию правильной коммуникации среди представителей различных национальностей внутри класса. В Уральском регионе можно выделить три основных народа – башкиры, русские, татары – каждый из которых является хранителем богатой истории и многочисленных обычаев, что можно отразить во II станции «Сундук традиций». Ее суть заключается в том, что перед участниками выставлен определенный набор вещей, которые содержат в себе ключевые особенности того или иного народа (например, орнамент, элемент национального костюма, утвари, жилища). Задача – распределить вещи по группам-народам, при этом среди предметов будет один лишний, который не относится к местным народам. В ходе распределения дети учатся сравнивать, выделять характерные черты, критически мыслить, тем самым закрепляя полученную на уроках информацию.

В истории практически каждого города можно найти этап, связанный с Великой Отечественной войной. Изучение вклада того или иного региона, а также подвига его жителей, является неотъемлемой частью патриотического воспитания подрастающего поколения. Осознание сопричастности родной земли к столь масштабному событию способствует повышению познавательного интереса и воспитанию более бережного отношения к ее историческому наследию. Челябинск, будучи центром промышленного военного производства, сыграл немаловажную роль в годы ВОВ. Задание III станции «Сундук воинской славы» носит аналитический

характер и представляет собой разгадывание кроссворда с ключевым словом («Танкоград»). Вопросы могут быть разной степени сложности, что зависит от уровня осведомленности детей, однако они должны отражать основные факты и события региона в этот исторический период. Например, «Именно в годы войны Челябинск стал городом-миллионником. Благодаря чему это произошло?» или «За массовый трудовой героизм жителей города во время Великой Отечественной войны 2 июля 2020 года Челябинску присвоили звание «Город трудовой …… и славы».

IV станция – «Сундук знаковых мест» включает в себя обзор основных достопримечательностей региона, так как интерес, а затем и любовь к родному краю, во многом развиваются через объекты вокруг. То же касается главных улиц, так как присвоенные им названия представляют собой социально-культурный феномен [5], содержащий названия исторических событий, географические особенности и имена исторических деятелей, в том числе сыгравших немалую роль в истории региона. Смысл состоит в том, что команде в быстром темпе необходимо назвать основные достопримечательности, фотографии которых будут представлены на слайдах презентации, а также объяснить смысл названия той или иной улицы.

V Станция «Сундук преданий и легенд» представляет собой некий театр-экспромт и не несет серьезной информационной нагрузки, однако позволяет развить как творческие, так и командные навыки. В данной станции звучит отрывок из стихотворения или местной легенды по тематике, каждую строчку из которого ребята должны воспроизвести. Для большего погружения можно подготовить коробку с простыми атрибутами (шапки, инструменты, одежда).

В качестве итогового задания команды могут создать открытку-послание будущим поколениям. Основу открытки представляют собранные на станциях фрагменты Живой карты Челябинской области, которые были получены после вскрытия всех сундуков. В то же время дети дополняют ее изображениями символов региона, орнаментами народов, силуэтами достопримечательностей, а также коротким текстом, в котором будет отражено отношение самих ребят к родному краю. В итоге открытка и будет отражением того самого культурного кода, о котором говорилось в легенде.

Таким образом, поставленные в статье задачи были решены в полной мере. Нормативно-правовая и научно-методическая литература позволили раскрыть как актуальность темы, так и основную проблему, которая возникла на данном этапе развития краеведческого образования. На основе анализа определений понятий «краеведение» и «квест» было сформулировано определение понятия «краеведческий квест» – это интеллектуально-развлекательная форма образовательной деятельности, направленная на достижение обучающимися единой цели через совместное решение тематических и логических задач, а также погружение в пространство своего родного края, что позволит как воспитать любовь к нему, так и развить познавательный интерес. В то же время была разработана структурно-содержательная модель краеведческого квеста с универсальной формулой, которая включает в себя легенду и тематические станции, а также легко адаптируется под особенности любого региона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 09.10.2024 № 704 «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства просвещения Российской Федерации, касающиеся федеральных образовательных программ начального общего образования, основного общего образования и среднего общего образования» // URL: Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 09.10.2024 № 704 · Официальное опубликование правовых актов (дата обращения: 31.01.26).

2. Проект Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2030 года от 17.12.2024 // URL: proekt_Strategii_razvitiya_vospitaniya_v_RF_do_2030_goda.pdf - Яндекс Документы (дата обращения: 31.01.26).

3. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // URL: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 · Официальное опубликование правовых актов (дата обращения: 01.02.26).

4. Федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации» // URL: Федеральный закон

"Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция) \ КонсультантПлюс (дата обращения: 31.01.26).

5. Афинская З., Кулаженкова Л. Городская топонимика как семиотическая проблема // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 11-4 (20). С. 6-9.

6. Гришин Ю.С. Культурно-историческая среда как фактор профессионального становления учителя истории // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2025. № 1. С. 72-77.

7. Груздова О.С. Краеведение в школе как компонент исторического образования // Вестник Академии детского-юношеского туризма и краеведения. 2015. № 4 (117). С. 133-138.

8. Золотова О., Попова Е., Милованова И. Использование квест-технологии в образовательном процессе // Наука и образование. 2023. № 1. С. 10-17.

9. Историческое краеведение Урала как фактор формирования гражданской идентичности: учебно-методическое пособие / Л.А. Дашкевич [и др.]. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2023. 175 с.

10. Малова О.Е. Квест как эффективная технология обучения в общеобразовательном учреждении. Алгоритм создания образовательного квеста // Наука и школа. 2024. № 6. С. 246-256.

11. Нефедова С.В. Методы применения краеведческого регионального компонента школьного курса истории в 9-х классах на примере истории Ставропольского края периода Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Педагогические науки. 2021. №6-1 (57). С.110-113.

12. Озеров А.Г. Краеведение. Методические аспекты. Москва: ООО «Юный краевед», 2021. 232 с.

13. Сафонова Е.В. Образовательный квест: смысл, содержание, технологические приемы // Народное образование. 2018. № 1-2. С. 83-87.

14. Руцынская Н.В. Определение понятия «квест». История возникновения и развития квеста [Электронный ресурс] // Академия педагогических проектов Российской Федерации. URL: Определение понятия «квест». История возникновения и развития квеста -

"Академия педагогических проектов Российской Федерации" (дата обращения: 31.01.26).

15. Черных В.С. Формирование уважительного отношения к народным традициям во внеурочной деятельности по истории // Вестник науки. 2024. № 12 (81). С. 1261-1267.

16. Шухат И.Н. О государственной и региональной символике: воспитательный аспект // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2021. № 2 (192). С. 376-380.

REFERENCES

1. Prikaz Ministerstva prosveshheniya Rossijskoj Federacii ot 09.10.2024 № 704 «O vnesenii izmenenij v nekotory`e prikazy` Ministerstva prosveshheniya Rossijskoj Federacii, kasayushhiesya federal`ny`x obrazovatel`ny`x programm nachal`nogo obshhego obrazovaniya, osnovnogo obshhego obrazovaniya i srednego obshhego obrazovaniya» [Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated 09.10.2024 № 704 "On Amending Certain Orders of the Ministry of Education of the Russian Federation Concerning Federal Educational Programs of Primary General Education, Basic General Education, and Secondary General Education"] // URL: Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 09.10.2024 №704. Официальное опубликование правовых актов (data obrashheniya: 31.01.26).

2. Proekt Strategii razvitiya vospitaniya v Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda ot 17.12.2024 [Draft Strategy for the Development of Upbringing in the Russian Federation for the Period up to 2030 dated 17.12.2024] // URL: proekt_Strategii_razvitiya_vospitaniya_v_RF_do_2030_goda.pdf – Яндекс Документы (data obrashheniya: 31.01.26).

3. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.11.2022 № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po soxraneniyu i ukrepleniyu tradicionny`x rossijskix duxovno-nravstvenny`x cennostej» [Decree of the President of the Russian Federation dated 09.11.2022 № 809 "On Approving the Fundamentals of State Policy for Preserving and Strengthening Traditional Russian Spiritual and Moral Values"] // URL: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809.

Официальное опубликование правовых актов (data obrashheniya: 01.02.26).

4. Federal`ny`j zakon № 273-FZ ot 29.12.2012 «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» [Federal Law № 273-FZ dated 29.12.2012 "On Education in the Russian Federation"] // URL: Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция) \ КонсультантПлюс (data obrashheniya: 31.01.26).

5. Afinskaya Z., Kulazhenkova L. Gorodskaya toponimika kak semioticheskaya problema [Urban toponymy as a semiotic problem] // Evrazijskij Soyuz Ucheny`x. 2015. № 11-4 (20). pp. 6-9.

6. Grishin Yu.S. Kul`turno-istoricheskaya sreda kak faktor professional`nogo stanovleniya uchitelya istorii [The Cultural and Historical Environment as a Factor in the Professional Development of a History Teacher] // Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully`. 2025. № 1. pp. 72-77.

7. Gruzdova O.S. Kraevedenie v shkole kak komponent istoricheskogo obrazovaniya [Local lore in school as a component of historical education] // Vestnik Akademii detskogo-yunosheskogo turizma i kraevedeniya. 2015. № 4 (117). pp. 133-138.

8. Zolotova O., Popova E., Milovanova I. Ispol`zovanie kvest-texnologii v obrazovatel`nom processe [Using quest technology in the educational process] // Nauka i obrazovanie. 2023. № 1. pp. 10-17.

9. Istoricheskoe kraevedenie Urala kak faktor formirovaniya grazhdanskoj identichnosti: uchebno-metodicheskoe posobie [Historical Local Lore of the Urals as a Factor in the Formation of Civic Identity: study guide] / L.A. Dashkevich [i dr.]. Ekaterinburg: Ural`skij gosudarstvenny`j pedagogicheskij universitet, 2023. 175 s.

10. Malova O.E. Kvest kak e`ffektivnaya texnologiya obucheniya v obshheobrazovatel`nom uchrezhdenii. Algoritm sozdaniya obrazovatel`nogo kvesta [Quest as an effective learning technology in a general education institution. Algorithm for creating an educational quest] // Nauka i shkola. 2024. № 6. pp. 246-256.

11. Nefedova S.V. Metody` primeneniya kraevedcheskogo regional`nogo komponenta shkol`nogo kursa istorii v 9-x klassax na primere istorii Stavropol`skogo kraya perioda Velikoj Otechestvennoj vojny` (1941-1945 gg.) [Methods of applying the local history regional component of the school history course in 9th grades using the example of the history of the

Stavropol Territory during the Great Patriotic War (1941-1945)] // Pedagogicheskie nauki. 2021. № 6-1 (57). pp.110-113.

12. Ozerov A.G. Kraevedenie. Metodicheskie aspekty`[Local Lore: Methodological Aspects]. Moskva: OOO «Yuny`j kraeved», 2021. 232 s.

13. Safonova E.V. Obrazovatel`ny`j kvest: smy`sl, soderzhanie, texnologicheskie priemy` [Educational quest: Meaning, content, technological methods]. // Narodnoe obrazovanie. 2018. № 1-2. pp. 83-87.

14. Rutsynskaya N.V. Opredelenie ponyatiya «kvest». Istoriya vozniknoveniya i razvitiya kvesta [Definition of the concept "quest". History of the origin and development of the quest] [E`lektronny`j resurs] // Akademiya pedagogicheskix proektov Rossijskoj Federacii. URL: Определение понятия «квест». История возникновения и развития квеста – "Академия педагогических проектов Российской Федерации" (data obrashheniya: 31.01.26).

15. Chernykh V.S. Formirovanie uvazhitel`nogo otnosheniya k narodny`m tradiciyam vo vneurochnoj deyatel`nosti po istorii [Formation of a respectful attitude towards folk traditions in extracurricular history activities] // Vestnik nauki. 2024. № 12 (81). pp. 1261-1267.

16. Shukhat I.N. O gosudarstvennoj i regional`noj simvolike: vospitatel`ny`j aspekt [On state and regional symbols: Educational aspect] // Ucheny`e zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta. 2021. № 2 (192). pp. 376-380.

Информация об авторах

Г.Ф. Булатова – магистрант;
Г.Ф. Кунгурцева – доктор социологических наук, профессор.

Information about the authors

G.F. Bulatova – graduate student;
G.F. Kungurtseva – Doctor of Science (Sociology), Professor.

Вклад авторов

Г.Ф. Булатова – сбор материала, обработка материала;
Г.Ф. Кунгурцева – научное редактирование текста.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

G.F. Bulatova – data collection;

G.F. Kungurtseva – scientific editing of the text; research concept.

The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.07.2026; принята к публикации 05.09.2026.
The article was submitted 10.07.2026; accepted forpublication 05.09.2026.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

При подготовке статей в журнал просим руководствоваться следующими правилами

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Научный журнал «Вестник БГПУ им. М. Акмуллы» публикует статьи по следующим сериям:

- Естественные науки
- Филологические науки
- Социально-гуманитарные науки

Основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его высоким научным критериям (актуальность, научная новизна и другое).

Авторский материал должен быть представлен в одном из следующих форматов:

- *Оригинальная (научно-исследовательская) статья (объем до 8 страниц)*

Представляет завершенные результаты *эмпирического* (экспериментального, аналитического, корпусного) или *теоретического исследования*, выполненного автором.

Структура: статья должна иметь четкую логическую структуру. Для *эмпирических* исследований рекомендуется схема IMRaD (Введение, методы, результаты и обсуждение, выводы). Для *теоретических* работ допустима более свободная, но аргументированная композиция (постановка проблемы, анализ концепций, аргументация, выводы).

- *Обзорная (аналитическая) статья (объем до 16 страниц)*

Содержит систематизированный анализ, синтез и критическое обобщение ранее опубликованных научных работ по конкретной, обычно узкой, теме.

Цель: выявление основных тенденций, школ, противоречий в развитии научного знания, оценка состояния проблемы и определение перспективных направлений для будущих исследований. Не является простым пересказом источников.

- *Краткое научное сообщение (объем до 3 страниц)*

Предназначено для оперативной публикации: предварительных (пилотных) результатов исследования; описания отдельного научного наблюдения, уникального случая (кейса) или находки; изложения нового метода или методики; краткой теоретической позиции или научной дискуссии.

Работы сопровождаются ***аннотацией и ключевыми словами.*** К статье молодых исследователей (студентов, магистрантов, аспирантов) следует приложить заключение научного руководителя о возможности опубликования её в открытой печати.

Все принятые к работе материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат». Допустимый уровень оригинальности текста научной статьи (за исключением правильно оформленных цитат, библиографических описаний и стандартных формулировок) составляет не менее 75%. Статьи, не соответствующие данному требованию, к рассмотрению не принимаются.

Всем авторам необходимо предоставить в редакцию отдельным файлом:

а) персональные данные по предложенной форме:

Фамилия Имя Отчество	
Место учебы / работы	
Должность	
Учёная степень	
Почтовый адрес (домашний)	
Факультет, курс, специальность	
Тел.: рабочий / мобил., дом.	
E-mail	
Тема работы	
Рубрика для публикации	

б) согласие на обработку персональных данных по форме (https://bspu.ru/unit/251/docs *Форма согласия субъекта ПДн на обработку ПДн БГПУ образец* **(1)**);

в) оформленная строго по требованиям научная статья;

г) заключение научного руководителя (студентам и аспирантам).

Название файла и письма должны соответствовать фамилии автора/ авторов, например, «**Иванов.doc**». Материалы отправляются по электронному адресу: vestnik.bspu@yandex.ru

РЕКОМЕНДУЕМАЯ СТРУКТУРА ПУБЛИКАЦИЙ

В начале статьи в левом верхнем углу на отдельной строке ставиться индекс УДК.

Далее данные идут в следующей последовательности:

1. Полное название статьи (прописными буквами по центру);
2. Фамилия, имя, отчество (полностью), наименование организации, где выполнена работа, город, страна, электронный адрес, ORCID;

3. Аннотация (содержит основные цели предмета исследования, главные результаты и выводы объёмом не менее 250 слов);

4. Ключевые слова (не более 15);

5. Данные для цитирования (фамилия, инициалы, название статьи, название журнала);

6. Пункты 1-5 на английском языке;

7. Текст публикации по структуре:

Введение:

- актуальность темы;

- проблема, которую предстоит исследовать;

- степень разработанности (обзор литературы);

- цель и задачи;

Методы:

- теоретико-методологические основы и методы исследования (материалы, процедуры, участники; подробно описывается то, как проводилось исследование);

Результаты исследования

(здесь максимально присутствуют таблицы, схемы, графики, математические выкладки.);

Обсуждение:

- ответ на гипотезу;

- сопоставление с другими исследованиями;

- описание вклада в науку;

Заключение:

- выводы;

- возможные направления дальнейших исследований.

8. Список источников (не менее 15), оформленная в соответствии с требованиями;

9. Транслитерация (Reference) с переводом названия источника;

10. Информация об авторе/ авторах на русском и английском языках.

11. Вклад авторов.

Отсутствие конфликта интересов.

Основные сведения об авторе содержат:

– имя, отчество, фамилию автора (полностью);

– наименование организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.);

– адрес организации (учреждения), её подразделения, где

работает или учится автор (город и страна);

– электронный адрес автора (e-mail);

– открытый идентификатор учёного (Open Researcher and Contributor ID – ORCID) (при наличии).

Адрес организации (учреждения), где работает или учится автор, может быть указан в полной форме.

Электронный адрес автора приводят без слова “e-mail”, после электронного адреса точку не ставят.

ORCID приводят в форме электронного адреса в сети «Интернет». В конце ORCID точку не ставят.

Наименование организации (учреждения), её адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

Пример –
Сергей Юрьевич Глазьев
Финансовый университет, Москва, Россия, serg1784@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4616-0758

1. В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учёбы), указывают после имени автора на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений.

Пример –
Арпик Ашотовна Асратян[1, 2]
[1]Национальный исследовательский центр эпидемиологии и микробиологии имени почетного академика Н.Ф. Гамалеи, Москва, Россия, zasratyan@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0003-1288-7561
[2]Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова (Сеченовский Университет), Москва, Россия

2. Если у статьи несколько авторов, то сведения о них приводят с учётом нижеследующих правил.

Имена авторов приводят в принятой ими последовательности.

Сведения о месте работы (учёбы), электронные адреса, ORCID авторов указывают после имён авторов на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений [1)].

Пример –
Пётр Анатольевич Коротков[1], Алексей Борисович Трубянов[2],

Екатерина Андреевна Загайнова[3]
[1]Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола, Россия, korotp@bk.ru, https://orcid.org/0000-0003-0340-074X
[2]Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, true47@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2342-9355
[3]Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия, e.zagaynova@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-5432-7231

3. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводят один раз.

Пример –
Юлия Альбертовна Зубок[1], Владимир Ильич Чупров[2]
[1, 2]Институт социально-политических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук, Москва, Россия
[1]uzubok@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3108-261
[2]chuprov443@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7881-9388

После сведений обо всех авторах на отдельной строке в начале статьи.

Пример –
Автор, ответственный за переписку: Иван Васильевич Перов, ivp@mail.ru
Corresponding author: Ivan V. Perov, ivp@mail.ru

4. Когда приводят электронный адрес только одного автора или данный автор указан отдельно как ответственный за переписку, электронные адреса других авторов приводят в дополнительных сведениях об авторах в конце статьи.

5. Сведения об авторе (авторах) повторяют на английском языке после заглавия статьи на английском языке. Имя и фамилию автора (авторов) приводят в транслитерированной форме на латинице полностью, отчество сокращают до одной буквы (в отдельных случаях, обусловленных особенностями транслитерации, – до двух букв).

Пример –
Sergey Yu. Glaz'ev
Financial University, Moscow, Russia, serg1784@mail.ru,

https://orcid.org/0000-0003-4616-0758

6. Дополнительные сведения об авторе (авторах) могут содержать:

– полные имена, отчества и фамилии, электронные адреса и ORCID авторов, если они не указаны на первой полосе статьи (см. 4.9.2.2);

– учёные звания;

– учёные степени;

– другие, кроме ORCID, международные идентификационные номера авторов.

Дополнительные сведения об авторе (авторах) приводят с предшествующими словами «Информация об авторе (авторах)» (“Information about the author (authors)”) и указывают в конце статьи после «Списка источников».

Пример –

Информация об авторах

Ю.А. Зубок – доктор социологических наук, профессор;
В.И. Чупров – доктор социологических наук, профессор.

Information about the authors

Ju.A. Zubok – Doctor of Science (Sociology), Professor;
V.I. Chuprov – Doctor of Science (Sociology), Professor.

Пример –

Информация об авторе

С. Ю. Глазьев – д-р экон. наук, проф., акад. Рос. акад. наук.

Information about the author

S. Yu. Glaz'ev – Dr. Sci. (Econ.), Prof., Acad. of the Russ. Acad. of Sciences.

7. Аннотацию формируют по ГОСТ Р 7.0.99. Объём аннотации не превышает 250 слов. Перед аннотацией приводят слово «Аннотация» (“Abstract”).

Вместо аннотации может быть приведено резюме. Объем резюме обычно не превышает 250–300 слов.

8. Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать её предметную, терминологическую область. Не используют обобщённые и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты.

Количество ключевых слов (словосочетаний) не должно быть

меньше 3 и больше 15 слов (словосочетаний). Их приводят, предваряя словами «Ключевые слова:» (“Keywords:”), и отделяют друг от друга запятыми. После ключевых слов точку не ставят.

Пример –
Книгоиздание России в 2019 г.
Галина Викторовна Перова[1], Константин Михайлович Сухоруков[2]
[1, 2]Российская книжная палата, Москва, Россия
[1]perova_g@tass.ru
[2]a-bibliograf@mail.ru

Аннотация. Авторы приводят основные статистические показатели отечественного книгоиздания за 2019 г., анализируя состояние выпуска печатных изданий и тенденции развития издательского дела в России.
Ключевые слова: издательское дело, статистика книгоиздания, Российская книжная палата, Россия

Publishing in Russia in 2019
Galina V. Perova[1], Konstantin M. Sukhorukov[2]
[1, 2]Russian Book Chamber, Moscow, Russia
[1]perova_g@tass.ru
[2]a-bibliograf@mail.ru

Abstract. The authors provide the main statistics of the Russian book publish-ing in 2019, analyzing the output indicators of printed publications and trends in the publishing industry in Russia.
Keywords: publishing, publishing statistics, Russian Book Chamber, Russia.

9. После ключевых слов приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

Эти сведения приводят с предшествующим словом «Благодарности:». На английском языке слова благодарности приводят после ключевых слов на английском языке с предшествующим словом “Acknowledgments:”.

Пример –

Благодарности: *работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-77-3019; авторы выражают благодарность Алексею Вадимовичу Зимину за предоставление данных о донной топографии в Белом море.*

Acknowledgments: *the work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 17-77-300; the authors are grateful to Aleksey V. Zimin for providing the bottom topography data of the White Sea.*

10. Знак охраны авторского права приводят по ГОСТ Р 7.0.1 внизу первой полосы статьи с указанием фамилии и инициалов автора (-ов) или других правообладателей и года публикации статьи.

Знак охраны авторского права приводят внизу первой полосы статьи с указанием фамилий и инициалов авторов и года публикации статьи.

© Олесова Е.И., 2022

или

© Левитская Н.Г., Бойкова О.Ф., Киян Л.Н., 2022.

11. Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами **«СПИСОК ИСТОЧНИКОВ».** Использование слов «Библиографический список», «Библиография» не рекомендуется.

12. В перечень затекстовых библиографических ссылок включают записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи.

Библиографическую запись для перечня затекстовых библиографических ссылок составляют по ГОСТ Р 7.0.5.

13. Отсылки на затекстовые библиографические ссылки оформляют по ГОСТ Р 7.0.5.

14. Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи. Список должен содержать не менее 15 названий источников.

15. Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице (“**REFERENCES**”) согласно выбранному стилю оформления перечня затекстовых библиографических ссылок, принятому в зарубежных изданиях: Harvard, Vancouver, Chicago, ACS (American Chemical Society), AMS (American Mathematical Society), APA (American Psychological

Association) и др. (см. Приложение). Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

16. Пристатейный библиографический список помещают после перечня затекстовых ссылок с предшествующими словами «Библиографический список».

17. В пристатейный библиографический список включают записи на ресурсы по теме статьи, на которые не даны ссылки, а также записи на произведения лиц, которым посвящена статья.

Библиографическую запись для пристатейного библиографического списка составляют по ГОСТ 7.80, ГОСТ Р 7.0.100.

18. Библиографические записи в пристатейном библиографическом списке нумеруют и располагают в алфавитном или хронологическом порядке.

19. Приложение (приложения) к статье публикуют с собственным заглавием. В заглавии или подзаголовочных данных приложения приводят сведения о том, что данная публикация является приложением к основной статье.

При наличии двух и более приложений их нумеруют.

20. В статье могут быть внутритекстовые, подстрочные и затекстовые примечания.

21. Внутритекстовые примечания помещают внутри основного текста статьи в круглых скобках.

22. Подстрочные примечания помещают внизу соответствующей страницы текста статьи.

22. Затекстовые примечания помещают после основного текста статьи перед «Списком источников» с предшествующим словом «Примечания».

23. Затекстовые и подстрочные примечания связывают с текстом, к которому они относятся, знаками выноски или отсылки.

24. Внутритекстовые и подстрочные примечания, содержащие библиографические ссылки, составляют по ГОСТ Р 7.0.5.

25. При публикации статьи, переведённой с языка народов Российской Федерации или иностранного языка, а также при перепечатке статьи из другого источника в подстрочном примечании на первой полосе статьи приводят библиографическую запись на оригинальную статью по ГОСТ 7.80, ГОСТ Р 7.0.100.

26. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова «Вклад авторов:» (“Contribution of the authors:”). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.).

Пример –

Вклад авторов:
Артемьева С.С. **–** научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.
Митрохин В.В. **–** участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:
Artemyeva S.S. **–** scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.
Mitrokhin V.V. **–** participation in development of curricula and their implemen-tation; follow-on revision of the text; final conclusions.

27. Сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов и детализацию такого конфликта в случае его наличия приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Если в статье приводят данные о вкладе каждого автора, то сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов указывают после них.

Пример –

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов**.**

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

ТРЕБОВАНИЯ К ТЕКСТОВОЙ ЧАСТИ СТАТЬИ

Текст статьи предоставляется в редакцию в виде файла с названием, соответствующим фамилии первого автора статьи в формате doc (текстовый редактор Microsoft Word 6.0 и выше), и должен отвечать нижеприведенным требованиям.

Компьютерную подготовку статей следует проводить посредством текстовых редакторов, использующих стандартный код ASCII (Multi-Edit, Norton-Edit, Lexicon), MS Word for Windows или (предпочтительно) любой из версий пакета TeX.

- Параметры страницы: формат – А4; ориентация – книжная; поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2 см, правое – 2 см; размер страницы – 17 на 26.
- Шрифт Times New Roman; размер шрифта – 12 pt; межстрочный интервал – 1; отступ (абзац) – 1,25.

Следует различать дефис (-) и тире (–). Дефис не отделяется пробелами, а перед тире и после ставится пробел.

Перед знаком пунктуации пробел не ставится.

Кавычки типа « » используются в русском тексте, в иностранном – “ ”.

Кавычки и скобки не отделяются пробелами от заключенных в них слов, например: (при 300 К).

Все сокращения должны быть расшифрованы.

Подписи к таблицам и схемам должны предшествовать последним. Подписи к рисункам располагаются под ними и должны содержать четкие пояснения, обозначения, номера кривых и диаграмм. На таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте, при этом не допускается дублирование информации таблиц, рисунков и схем в тексте. Рисунки и фотографии должны быть предельно четкими (по возможности цветными, но без потери смыслового наполнения при переводе их в черно-белый режим) и представлены в формате *.jpg, *.eps, *.tif, *.psd, *.pcx. Желательно, чтобы рисунки и таблицы были как можно компактнее, но без потери качества. В таблице границы ячеек обозначаются только в «шапке». Каждому столбцу присваивается номер, который используется при переносе таблицы на следующую страницу. Перед началом следующей части в правом верхнем углу курсивом следует написать «*Продолжение табл. …*» с указанием ее номера. Сложные схемы, рисунки, таблицы, формулы

желательно привести на отдельном листе. Не допускается создание макросов Microsoft Word для создания графиков и диаграмм.

Расстояние между строками формул должно быть не менее 1 см. Следует четко различать написание букв *n*, *h* и *u*; *g* и *q*; *a* и *d*; *U* и *V*; ξ и ζ; v, ϑ и *ν* и т.д. Прописные и строчные буквы, различающиеся только своими размерами (*C* и *c*, *K* и *k*, *S* и *s*, *O* и *o*, *Z* и *z* и др.), подчеркиваются карандашом двумя чертами: прописные – снизу, строчные – сверху ($\underline{\underline{P}}, \overline{\overline{p}}; \underline{\underline{S}}, \overline{\overline{s}}$). Латинские буквы подчеркиваются волнистой чертой снизу, греческие –красным цветом, полужирные символы –синим.

Индексы и показатели степени следует писать четко, ниже или выше строки, и отчеркивать дужкой ($\frown$ – для нижних индексов и $\smile$ – для верхних) карандашом. Цифра 0 (нуль), а также сокращения слов в индексах подчеркиваются прямой скобкой – $__$.

Употребление в формулах специальных, в частности, готических и русских букв, а также символов (например, $\mathcal{L}, \mathcal{P}, \mathcal{A}, \mathfrak{D}, \mathfrak{M}, \mathfrak{G}, \mathfrak{F}, \mathbb{Z}, \mathbb{P}, \mathbb{R}, \nabla, \bigoplus, \exists$ и др.) следует особо отмечать на полях рукописи.

Нумерация математических формул приводится справа от формулы курсивом в круглых скобках. Для удобства форматирования следует использовать таблицы из двух столбцов, но без границ. В левом столбце приводится формула, в правом – номер формулы.

Ссылки на математические формулы приводятся в круглых скобках курсивом и сопровождаются определяющим словом. Например: … согласно уравнению *(2)* …

Транскрипцию фамилий и имен, встречающихся в ссылке, необходимо по возможности представлять на оригинальном языке (преднамеренно не русифицируя), либо приводить в скобках иноязычный вариант транскрипции фамилии.

Список источников литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5 в порядке цитирования. Литературный источник в списке литературы указывается один раз (ему присваивается уникальный номер, который используется по всему тексту публикации).

ОБРАЗЦЫ ОФОРМЛЕНИЯ ССЫЛОК НА ЛИТЕРАТУРУ

Общая схема библиографического описания:

КНИГА С ОДНИМ, ДВУМЯ или ТРЕМЯ АВТОРАМИ:
ЗАГОЛОВОК (фамилия, инициалы авторов) ОСНОВНОЕ ЗАГЛАВИЕ
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ (учеб. пособие)

СВЕДЕНИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (И.О. Фамилия редактора, составителя; университет)
СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ (2-е изд., перераб. и доп.)
МЕСТО ИЗДАНИЯ (Москва, Новосибирск)
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГОД ИЗДАНИЯ.
КОЛИЧЕСТВО СТРАНИЦ.

Если нет какой-либо области описания – пропускаем.
Примеры:

Книга с одним автором:
Росляков А.В. ОКС №7: архитектура, протоколы, применение. Москва: ЭкоТрендз, 2010. 315 с.

Книга с двумя авторами:
Ручкин В.Н., Фулин В.А. Архитектура компьютерных сетей. Москва: ДИАЛОГ-МИФИ, 2010. 238 с.

Книга с тремя авторами:
Тарасевич Л.С., Гребенников П.И., Леусский А.И. Макроэкономика: учебник. Москва: Высш. образование, 2011. 658с.
Максименко В.Н., Афанасьев В.В., Волков Н.В. Защита информации в сетях сотовой подвижной связи / под ред. О.Б. Макаревича. Москва: Горячая линия-Телеком, 2009. 360 с.

*Книга с четырьмя и более авторами**:*** Описание начинается с ОСНОВНОГО ЗАГЛАВИЯ. В сведениях об ответственности указываются либо все авторы, либо первый автор с добавлением в квадратных скобках сокращения "и другие" [и др.]

1. История России в новейшее время: учебник / А.Б. Безбородов, Н.В. Елисеева, Т.Ю. Красовицкая, О.В. Павленко. Москва: Проспект, 2014. 440с.
или
1. История России в новейшее время: учебник / А.Б. Безбородов [и др.]. Москва: Проспект, 2014. 440 с.

Книга без автора:
Страхование: учебник / под ред. Т.А. Федоровой. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Магистр, 2011. 106 с.

Многотомное издание:

Экономическая история мира. Европа. Т. 3 / под общ. ред. М.В. Конотопова. Москва: Издат.-торг. корпорация «Дашков и К», 2012. 350 с.

Учебное пособие вуза:

Заславский К.Е. Оптические волокна для систем связи : учеб. пособие / Сиб. гос. ун-т телекоммуникаций и информатики. Новосибирск, 2008. 96 с.

или

Заславский К.Е. Оптические волокна для систем связи: учеб. пособие. Новосибирск: СибГУТИ, 2008. 96 с.

Нормативные документы:

Типовая инструкция по охране труда для пользователей персональными электронно-вычислительными машинами (ПЭВМ) в электроэнергетике: РД 153-34.0-03.298-2001.Введ. с 01.05.2001. М., 2002. 91с.

ГОСТ 7.80-2000. Библиографическая запись. Заголовок. Общие требования и правила составления. Введ. 2001-07-01. М., 2000. 7с.

Общая схема описания статей из журналов:

Фамилия И.О. автора статьи. Название статьи // Название журнала. Год. №. С.

Статья с одним автором:

Волков А.А. Метод принудительного деления полосы частот речевого сигнала // Электросвязь. 2010. № 11. С. 48-49.

Статья с тремя авторами:

Росляков А., Абубакиров Т., Росляков Ал. Системы поддержки операционной деятельности провайдеров услуг VPN // Технологии и средства связи.2011. № 2. С. 60-62.

Статья с четырьмя и более авторами:

Сверхширокополосные сигналы для беспроводной связи / Ю.В. Андреев, А.С. Дмитриев, Л.В. Кузьмин, Т.И. Мохсени // Радиотехника. 2011. № 8.С. 83-90.

Общая схема описания электронного документа:

ЗАГОЛОВОК (фамилия, инициалы авторов) ОСНОВНОЕ ЗАГЛАВИЕ

ОБЩЕЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ МАТЕРИАЛА [Электронный ресурс]

СВЕДЕНИЯ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ЗАГЛАВИЮ : справочник
СВЕДЕНИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ / под ред. И.И. Бун
МЕСТО ИЗДАНИЯ ГОРОД
ИМЯ ИЗДАТЕЛЯ
ДАТА ИЗДАНИЯ
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Смирнов А.И. Информационная глобализация и Россия [Электронный ресурс]: вызовы и возможности. М., 2005. 1 CD-ROM.

Описание ресурсов удаленного доступа (интернет-ресурсы) описание сайта:

Название сайта [Электронный ресурс]: сведения, относящиеся к заглавию / сведения об ответственности (это данные о составителях сайта). Город: Имя (наименование) издателя или распространителя, год. URL: http: // www. _____ (дата обращения: _._____.)

Пример:

1. Российская государственная библиотека [Электронный ресурс] / Центр информ. технологий РГБ; ред. Т.В. Власенко; Web-мастер Н.В. Козлова. Москва: Рос. гос. б-ка, 1997. URL: http//www.rsl.ru. (дата обращения: 11.12.13)
2. Исследовано в России [Электронный ресурс]: научный журнал / Моск. физ.- техн. ин-т. Долгопрудный: МФТИ, 1998. URL: http://zhurnal.mipt.rssi.ru. (дата обращения: 11.12.13)

Материал (текст, статья), расположенный на сайте:

Фамилия И.О. авторов. Заглавие текста на экране [Электронный ресурс] // Заглавие сайта: сведения, относящиеся к заглавию /сведения об ответственности. URL: http//www.____(дата обращения: ._____.____)

Если нет какой-либо области описания – пропускаем.

Пример:

1. Новосибирск [Электронный ресурс] // Википедия: Свободная энциклопедия. URL: http://www.ru.wikipedia.org /wiki/%CD%EE%E2%EE%F1%E8%E1%E8% F0%F1%EA (дата обращения: 11.12.13)

Книга из полнотекстовой электронно-библиотечной

системы (эбс)

Книга с 1-3 авторами:

Карпенков С.Х. Экология [Электронный ресурс]: учебник. Электрон. Текстовые данные. М.: Логос, 2014. 400 с. URL: http://www.iprbookshop.ru /21892. ЭБС «IPRbooks».

Книга с 4 и более авторами:

Сборник задач по аналитической геометрии и линейной алгебре [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Л.А. Беклемишева [и др.]; под ред. Д.В. Беклемишева. Электрон. текстовые дан. Изд. 3-е, испр. СПб.: Лань, 2008. URL: http://e.lanbook.com/view/book/76/

Ссылки внутри текста

***Затекстовые библиографические ссылки*:**

В конце абзаца текста в квадратных скобках **[3, с. 25]**

3 – номер источника в списке литературы с. 25 – номер страницы.

Статьи, оформленные с нарушением перечисленных выше правил, редакцией не рассматриваются.

Образец:

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 81’38

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

Иван Иванович Иванов [1]***, Иван Иванович Сидоров*** [2]
[1,2]*Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия*
[1]*ivanov@mail.ru*
[2] *nova8@mail.ru*
Автор, ответственный за переписку: Иван Иванович Иванов, ivanov@mail.ru

Аннотация. В статье проводится стилистический анализ повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка», исследуются уникальные стилистические особенности произведения. Анализ текста с точки зрения языковых и стилистических приемов позволяет раскрыть особенности художественного исполнения и языкового мастерства. Исследование фокусируется на использовании лексических оборотов, фразеологизмов, художественных приемов, а также на роли стилистики в создании образов. Результаты анализа помогают более глубоко понять и оценить вклад А.С. Пушкина в развитие русской литературы, а также выдвинуть новые исследовательские гипотезы относительно структуры и смысла «Капитанской дочки»… (не менее 250 слов).

***Ключевые слова*:** А.С. Пушкин, «Капитанская дочка», стилистический прием, языковое мастерство, повесть

Для цитирования: Иванов И.И., Сидоров И.И. Стилистическое своеобразие повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы. Серия: Филологические науки. 2024. №1. С.

LITERARY STUDIES

Original article

THE STYLISTIC UNIQUENESS OF THE NOVELLA "THE CAPTAIN'S DAUGHTER" BY A.S. PUSHKIN

Ivan I. Ivanov*[1], Ivan I. Sidorov*[2]

[1,2] *Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Akmulla, Ufa, Russia*
[1] *ivanov@mail.ru*
[2] *nova8@mail.ru*

Corresponding author: Ivan I. Ivanov, ivanov@mail.ru

Abstract. The article presents a stylistic analysis of Alexander Pushkin's novella "The Captain's Daughter," exploring its unique stylistic features. Analyzing the text from the perspective of language and stylistic devices helps reveal the artistic execution and linguistic mastery of the work. The study focuses on the use of lexical expressions, phraseology, artistic techniques, and the role of stylistics in character creation. The results of the analysis aid in a deeper understanding and appreciation of Alexander Pushkin's contribution to the development of Russian literature, as well as in proposing new research hypotheses regarding the structure and meaning of "The Captain's Daughter." … (не менее 250 слов).

***Keywords*:** Alexander Pushkin, The Captain's Daughter, stylistic device, linguistic mastery, novella

For citing: Ivanov I.I., Sidorov I.I. Stylistic uniqueness of Alexander Pushkin's novella "The Captain's Daughter" // Bulletin of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmully. Series: Philological Sciences. 2024. №1. pp.

Структура текста:

Введение:
- *актуальность темы;*
- *проблема, которую предстоит исследовать;*
- *степень разработанности (обзор литературы);*
- *цель и задачи;*

Методы:
- *теоретико-методологические основы и методы исследования (материалы, процедуры, участники; подробно описывается то, как проводилось исследование);*

Результаты исследования
(здесь максимально присутствуют таблицы, схемы, графики, математические выкладки.);

Обсуждение:
- *ответ на гипотезу;*
- *сопоставление с другими исследованиями;*
- *описание вклада в науку;*

Заключение:
- *выводы;*
- *возможные направления дальнейших исследований.*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (не менее 15)

1. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л.,1971.

2. Ахмеров Р.Б. Наскальные знаки и этнонимы башкир. – Уфа: Китап, 1994. – 112 с: ил. ISBN 5-295-01493-2 (Из записок историка-краеведа).

3. Башҡорт халыҡ ижады. 5-се том. Тарихи ҡобайырҙар, хикәйәттәр, иртәктәр. / Төҙөүсе, инеш мәҡәлә, коммент., глоссарий авторы Н.Т. Зарипов. Яуаплы редактор З.Ғ. Ураҡсин. – Өфө, 2000. – 391 б.

4. Башҡорт халыҡ ижады. XIII т. Хайуандар тураһында әкиәттәр / Төҙ, баш һүҙ авторы Г. Р. Хөсәйенова, аңл. авт-ры Л.Г. Бараг, М.М. Мингажетдинов, Г.Р. Хөсәйенова. – Өфө: Китап, 2009. – 200 б.

5. Башҡорт халыҡ ижады. Әкиәттәр III китап / Төҙ. Н.Т. Зарипов, М.М. Минһажетдинов, аңл. авт.-ры Л.Г. Бараг, Н.Т. Зарипов. – Өфө: Башкитап нәшриәте, 1978, – 351-се б.

6. Башҡорт халыҡ ижады. Йола фольклоры / Төҙ., инеш һүҙ, аңл. авт-ры Ә. Сөләймәнов, Р. Солтангәрәева. – Өфө, Китап: 1995. – 556 б.

7. Башҡорт халыҡ ижады. Мәҡәлдәр һәм әйтемдәр. Беренсе китап / Төҙ., башһүҙ, аңлатм. авторы. Ф.А. Нәҙершина. – Өфө: Китап, 2006. – 544 б.

8. Башҡорт халыҡ ижады. Т.5. Тарихи ҡобайырҙар, хикәйәттәр, иртәктәр/ Төҙөүсе, инеш мәҡәлә, коммент., глоссарий авторы Н.Т. Зарипов. Яуаплы редактор З.Ғ. Ураҡсин. – Өфө, Китап, 2000. 5-се том, 391 С.

9. Берёзкин Ю.Е. Реконструкция сюжета создания человека у степных индоевропейцев // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. − СПб.: ИИМК РАН. «Периферия». Ред. коллегия. 2012. кн. 2. − 584 с.

10. В преддверии философии: духовные искания древнего человека Г. Франкфорт, Г.А. Франкфорт, Дж. Уилсон, Т. Якобсен. – СПб.: Амфора, 2001. – 314 с

11. Захарова А.Е. Архаическая ритуально-обрядовая символика народа Саха. – Новосибирск: Наука, 2004. – 312с.

12. Инан А. Шаманизм тарихта һәм бөгөн. – Өфө: Китап, 1998, 223 б.

13. Куканова В.В. Архаические представления о ветре в калмыцком фольклоре: междисциплинарный подход / В.В. Куканова

// Новый филологический вестник. – 2021. – № 2(57). – С. 371-391. – DOI 10.24411/2072-9316-2021-00058. – EDN LZFRJY.

14. Петров А.М. Образы воздушной стихии в русском религиозном фольклоре / А. М. Петров // Религиоведение. – 2022. – № 4. – С. 93-99. – DOI 10.22250/20728662_2022_4_93. – EDN DPLAQW.

15. Султангареева Р.А. Башкирский фольклор:семантика, функции и традиции. Т.2. Календарный фольклор: миф и ритуал. – Уфа: Башк. энцикл., 2019. – 296 с.

REFERENCES

Список источников в конце статьи представляется в транслитерации (с переводом в квадратных скобках [ ] названия источника на английский язык).

1. Abramzon S.M. Kirgizy i ih etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi [Kyrgyz people and their ethnogenetic, historical and cultural ties]. – L.,1971.

2. Ahmerov R.B. Naskal'nye znaki i etnonimy bashkir [Rock signs and ethnonyms of Bashkirs]. – Ufa: Kitap, 1994. – 112 s: il. ISBN 5-295-01493-2 (Iz zapisok istorika-kraeveda).

3. Bashҡort halyҡ izhady. 5-se tom. Tarihi ҡobajyrҙar, hikәjәttәr, irtәktәr [Bashkir folk art. Volume 5. Historical kubairs, legends, tales] / Tөҙөүse, inesh mәҡәlә, komment., glossarij avtory N.T. Zaripov. YAuaply redaktor Z.Ғ. Uraҡsin. – Өfө, 2000. – 391 b.

4. Bashҡort halyҡ izhady. XIII t. Hajuandar turahynda әkiәttәr [Bashkir folk art. XIII vol . Animal Tales] / Tөҙ, bash hүҙ avtory G.R. Hөsәjenova, aңl. avt-ry L.G. Barag, M.M. Mingazhetdinov, G.R. Hөsәjenova. – Өfө: Kitap, 2009. – 200 b.

5. Bashҡort halyҡ izhady. Әkiәttәr III kitap [Bashkir folk art. Fairy Tales book III] / Tөҙ. N.T. Zaripov, M.M. Minhazhetdinov, aңl. avt.-ry L.G. Barag, N.T. Zaripov. – Өfө: Bashkitap nәshriәte, 1978, – 351-se b.

6. Bashҡort halyҡ izhady. Jola fol'klory [Bashkir folk art. Ritual folklore] / Tөҙ., inesh hүҙ, aңl. avt-ry Ә. Sөlәjmәnov, R. Soltangәrәeva. – Өfө, Kitap: 1995. – 556 b.

7. Bashҡort halyҡ izhady. Mәҡәldәr hәm әjtemdәr. Berense kitap [Bashkir folk art. Proverbs and sayings. The first book] / Tөҙ., bashhүҙ, aңlatm. avtory. F.A. Nәҙershina. – Өfө: Kitap, 2006. – 544 b.

8. Bashҡort halyҡ izhady. T.5. Tarihi ҡobajyrҙar, hikәjәttәr, irtәktәr [Bashkir folk art. Vol. 5. Historical kubairs, tales, tales] / Tөҙөүse, inesh mәҡәlә, komment., glossarij avtory N.T. Zaripov. YAuaply redaktor Z.Ғ. Uraҡsin. – Өfө, Kitap, 2000. 5-se tom, 391 s.

9. Beryozkin YU.E. Rekonstrukciya syuzheta sozdaniya cheloveka u stepnyh indoevropejcev [Reconstruction of the plot of human creation among the steppe Indo-Europeans] // Kul'tury stepnoj Evrazii i ih vzaimodejstvie s drevnimi civilizaciyami. − SPb.: IIMK RAN. «Periferiya». Red. kollegiya. 2012. kn. 2. − 584 s.

10. V preddverii filosofii: duhovnye iskaniya drevnego cheloveka G. Frankfort, G.A. Frankfort, Dzh. Uilson, T. Yakobsen [On the threshold of philosophy: the spiritual quest of ancient man G. Frankfort, G.A. Frankfort, J. Wilson, T. Jacobsen]. – SPb.: Amfora, 2001. – 314 s

11. Zaharova A.E. Arhaicheskaya ritual'no-obryadovaya simvolika naroda Saha [Archaic ritual and ceremonial symbols of the Sakha people]. – Novosibirsk: Nauka, 2004. – 312s.

12. Inan A. SHamanizm tarihta həm bөgөn [Shamanism in history and today]. – Өfө: Kitap, 1998, 223 b.

13. Kukanova V.V. Arhaicheskie predstavleniya o vetre v kalmyckom fol'klore: mezhdisciplinarnyj podhod [Archaic ideas about the wind in Kalmyk folklore: an interdisciplinary approach] / V.V. Kukanova // Novyj filologicheskij vestnik. – 2021. – № 2(57). – S. 371-391. – DOI 10.24411/2072-9316-2021-00058. – EDN LZFRJY.

14. Petrov A.M. Obrazy vozdushnoj stihii v russkom religioznom fol'klore [Images of the air element in Russian religious folklore] / A.M. Petrov // Religiovedenie. – 2022. – № 4. – S. 93-99. – DOI 10.22250/20728662_2022_4_93. – EDN DPLAQW.

15. Sultangareeva R.A. Bashkirskij fol'klor:semantika, funkcii i tradicii. T.2. Kalendarnyj fol'klor: mif i ritual [Bashkir folklore:Semantics, functions and traditions. Vol. 2. Calendar folklore: myth and ritual]. – Ufa: Bashk. encikl., 2019. – 296 s.

Информация об авторах

И.И. Иванов – аспирант;
И.И. Сидоров – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

I.I. Ivanov – graduate student;
I.I. Sidorov – Candidate of Science (Philology), Associate Professor.

Вклад авторов:

И.И. Иванов – сбор материала, обработка материала;
И.И. Сидоров – научное редактирование текста; концепция исследования;
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

I.I. Ivanov – scientific editing of the text; research concept;
I.I. Sidorov – data collection, data processing;
The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 00.00.2024; принята к публикации 00.00.2024.

The article was submitted 00.09.2024; accepted forpublication 00.00.2024.

ВЕСТНИК
БАШКИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. АКМУЛЛЫ

16 +

Серия: Социально-гуманитарные науки.

Редакция не всегда разделяет мнение авторов.
Статьи публикуются в авторской редакции.

Подписано в печать: 15.09.2026 г.
Формат 70×108/16
Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. 13,3
Уч-изд.л.6,4
Тираж 1000 экз.
Отпечатано в ИП Копыльцов П.И.
394052, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56.
Тел.: 89507656959. E-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru
Бесплатно.